

Наталья Ручей

ЛЮБОВЬ
В ОБЛАКАХ

Глава № 1. Похищение

Глава № 1. Похищение

О прибытии в Анидат делегации драконов, в городе знали все. Но если приближенным герцогини можно будет не только полюбоваться на них вблизи, но и потанцевать на балу, обычным корри и мечтать о таком не стоило. В других случаях мы бы рассмотрели гостей на главной площади, пока они шествуют к замку, но у кого есть крылья — тот ноги не утруждает. Наши легал, к примеру, крайне редко пользуются своими нижними конечностями — только на параде постоять разве что, для пафоса. А здесь тем более, всяк знает, что драконы — наглые, высокомерные и крайне ленивые звери, хуже которых только демоны.

Мне лично век бы их морды чешуйчатые не видеть — да и отец был бы против, но Сайв уговорила ненадолго, одним глазком посмотреть, а то уж притомилась ждать у моря погоды. Но это она так, образно, моря-то у нас никакого в городе нет. Зелени валом, солнца — да на здоровье, разденься и делай из себя гренку, но ждать подруга, действительно, подустала. И если чисто по-девичьи, я ее понимаю... Ну, почти... Ай, ладно, начистоту! Я замуж не рвусь и тех, кто рвется, не одобряю (чего там хорошего?), но что не сделаешь ради подруги, и если ее цель замужество, — эх, - даже помочь попытаешься.

В отличие от меня, Сайв — покладистая, работающая, вкусно готовит, и будь я женщиной, сама бы на ней женилась. Мне-то все это делать лень, просто приходится, через силу. И делать я могу это только ради матери и себя, а не ради кого-то, закинувшего ноги на наш диванчик... Тьфу-тьфу — не хватало! Так вот, к чему веду: Сайв давно бы вышла замуж — звали и не раз, но пять лет назад ведьма нагадала ей в суженые дракона, и вот... Результат безудержной веры на слово. Тогда мы похихикали, а годы совершили невероятную подлость. Я о том гадании напрочь забыла, а Сайв вбила его себе в голову и ждала какого-никакого, но чешуйчато-крылатого.

Но не летят драконы в Анидат!

Не манит их город и не ведают они о славной девушке Сайв, которой стукнуло двадцать шесть, и она в отчаянии готова перейти к решительным мерам. А я-то думала, она образумилась, я даже видела, как она несколько раз ответила на теплые взгляды булочника, а здесь такая засада! Однажды утром город разбудил звон колокольчиков, следом завыл горн и у раториума с главной площади огласили о прилете делегации из Долины Драконов. Сначала передали личную просьбу герцогини не пялиться на гостей, а к вечеру зачитали указ, объявив предстоящее воскресенье рабочим. Перестраховались, в общем.

И вот моя мать и родители Сайв, как добропорядочные жители, на работе, а мы просмотрели списки у раториума о найме и не встретив ни одного интересного предложения, забрались на крышу булочника. Наверное, не нужно уточнять, что я согласилась на авантюру. Одним глазком, и сразу домой, потому что дел невпроворот: постирать, приготовить и далее и далее и еще более нудно, аж скулы сводит, хотя еще даже ничего не начинала.

Ну, ладно, посидим с часок к солнышку поближе, авось оно лишит подругу глупых иллюзий, и она утешится, что не сидела, сложа руки, а боролась за счастье. Хоть как-то. Пыталась, мол, на глаза попасться дракону, а не сработало гадание, и можно жить дальше.

А хорошо здесь. И тепло, и обзор никто не заслоняет, и замок герцогини как на

ладони, — этак она пытается доказать, что не отрывается от народа, — угумс, угумс, разве что расшитыми золотом шелковыми одеждами и шеей из бриллиантов. И не так высоко здесь, как на доме мясника, и привычней — булочник по опыту знает, что гонять нас бесполезно. А с недавних пор, когда влюбился, совсем обидные слова позабыл. Бедняга! Но, может, после сегодняшнего провала Сайв к нему пообреет?

Как знать.

Подруга у меня запасливая — выдала мне большой пирожок, налила из термоса прохладный имбирный эль, себя надела теми же вкусностями и мы неплохо и не скучно сидели, поглядывая на небо. Пирожок один, а эль нескончаемый. Хорошо. Разморило немного, а так можно даже сказать — культурный пикничок. За это время эль, будто сговорившись с солнцем, возымел результат, у Сайв закружилась голова и стали путаться мысли, и она, склонившись ко мне, начала сбивчиво перечислять, какой подарит драгоценный камушек из сокровищницы мужа за все мои старания. К концу ее пламенной речи я чувствовала себя богатой и несчастной одновременно, потому что у нее голова тяжелая, а у меня хрупкие плечи и потому что я сама много не говорю и других не особо люблю послушать. И еще, по ходу, солнышко и эль переключились на меня, подготавливая к экстремальному сну, на крыше, с ногой подруги вместо подушки.

А... почему бы и нет?

И только я, зевнув, начала устраиваться поудобней, как меня ударили коленкой под глаз и немилосердно завопили:

— Смотрииии! Прилетелииии!

Смотрела я уже одним глазом, второй побаливал и, кажется, резко уменьшился в размерах, или это все виражи выпитого эля. Но несколько тусклых точек на горизонте я рассмотрела. Потом они приблизились, раздуваясь в объемах, и мне подумалось с уважением: и как небо не пролилось дождем в страхе, позволяя лететь по себе такому?!

Это же монстры!

Огромные! Необъятные! А когти...

— Ты еще не передумала замуж? — спросила я.

Но Сайв сумела выдавить невнятный писк и сразу спряталась за меня, подглядывая за крылатыми с опаской.

— Так будешь выбирать, на глаз? — поинтересовалась я. — Или воспользуемся считалочкой?

Сайв ногтями сжала мои плечи, и очень болезненно получилось, — достойная выйдет пара дракону. Сперва сорвался смешок, потом я не удержалась и расхохоталась. Согнувшись от смеха, я покачнулась, и уже ползли мои кроссовки к краю крыши, но подруга у меня из цепких, проверено!

— Будешь так... — икнула я, смеясь, — мужа крепко к себе прижимать. — Еще раз не деликатный ик. — Вон их сколько! Выбирай!

Я щедро махнула рукой в сторону драконов и обернулась. А не так уж и много: всего три. Но всяко больше, чем до этого было. Так что нечего раздумывать! Берем! Только и делов, что ткнуть пальцем! Один цвета белого горного хрусталя, один лунного камня, а третий — авантюриновый, такого насыщенного сине-фиолетового цвета с переливами, что кажется, в нем заключена частичка звездного неба.

— Определилась?

Драконы обернулись в человеческую сущность, но гигантами быть не перестали.

Высокие, с длинными белыми волосами, в свободного кроя черных брюках и все в одинаковых черных рубашках. Оптом дешевле? Братья? Или драконы не страдают многообразием?

И как узнать, какую именно морду целовать перед сном?

Ай, не моя проблема!

— Сайв, ну как? Выбираем или сматываем отсюда?

На побледневшем лице подруги читалось что угодно, кроме желания выходить замуж. А когда она вместо того, чтобы к женихам присматриваться, снова юркнула мне за спину, я весело рассмеялась. Ага, глаза не видят — не страшно, понимаю маневр, но в данном случае он не имеет логики. Я ниже и худее Сайв, и она выпирала со всех сторон от меня — это если предположить, что драконы, от которых она прячется, на нас смотрят. Подруга не толстушка, никто бы не назвал ее так. Во-первых, потому что не рискнет огрести оплеух, ладонь у нее тяжелая, а во-вторых, она пухлая именно в тех местах, где девушке непозволительно оставаться тощей.

Но это все пространные рассуждения, потому что взгляды драконов даже случайно вряд ли мазнут в нашу сторону. Это же шеи повернуть надо от замка, это же головы задрать, так что...

— Доди! — пискнула в левое ухо подруга, и вот я уже с одним видящим глазом и одним слышащим ухом слежу за невероятным. Драконы повернули шеи. Драконы повернули головы. Драконы, жутко сверкая сапфировыми глазами, нас заметили.

— Бежим! — Я рванула прочь, у края крыши обернулась только чтобы подогнать подругу. Чего так долго? А она никуда и не торопилась! Она больше не дрожала испуганно, она больше не втягивала голову в плечи, а наоборот — расправила их, перекинула через плечо длинную русую косу и делала вид, что заплетает ее!

Это что... это...

Наваждение, морок, чары...

Кровь императора, что же мне делать? На свое имя Сайв не реагировала, такое ощущение, что не меня, а ее оглушило, а времени в обрез. Пока добегу до нее, пока растормошу... А, может, все не так бедственно? Может, она сознательно заигрывает с драконами? Может, это ее выбор?

Все равно надо убедиться.

Вздохнув, я быстро подтянула ноги обратно, поднялась.

— Сайв?

Она не повернула головы, не откликнулась, продолжая смотреть вдаль и вниз, и когда я тоже посмотрела туда... едва не закричала от ужаса. Оказывается, мы не так высоко, как мне думалось, оказывается, мы не так далеко, как хотелось бы, потому что отсюда я отчетливо видела, как один из драконов едва сдерживает трансформацию в звериную сущность, а два других что-то шепчут ему, словно отговаривая.

— Сайв!

Минута-две, я не знала, сколько он продержится, чтобы не сорваться за добычей. Мама говорила: драконы берут все, что им нравится, не спрашивая и не выжидая в ответ «да» — у них слишком большой шанс на отказ нарваться. И что делать? Сайв хотя бы нагадали, она поверила и привыкла, что выйдет замуж за вот ЭТО, но я?!

У меня на вечер другие планы!

— Сайв! — встряхнула ее, но она как в трансе, никого не замечала, кроме драконов. Я

повернула к себе ее голову, похлопала по щекам. Пусть больно — потерпит! И пусть скажет сама, что это ее выбор, не по принуждению, и тогда я сбегу смело. — Сайв, ну же!

Она вздрогнула от более хлесткой пощечины, посмотрела недоуменно, но уже осмысленно. Ну, вот! Фух... Не теряем времени на извинения и сантименты.

— Сайв, это он?

— Кто?

— Дракон, за которого ты хочешь замуж. Он там?

— Где?

Все ясно, без чар не обошлось. Ну, не любовь же с первого взгляда, верно? И в самом деле, стремно предположить, что кто-то добровольно захочет замуж за такое...

Кровь императора! Один дракон все-таки трансформировался и взвил в небо!

Я потянула подругу за руку, и она довольно резко бежала поначалу, а потом дракон протяжно взревел (бедное мое второе ухо!), Сайв резко затормозила, случайно ткнув меня локтем (бедный мой второй глаз!) и аля-улю, ловушка захлопнулась. Я, правда, видела уже не так хорошо, как до этого, но что дракон, вцепившись когтями в накренившуюся крышу, трансформировался в мужскую особь, рассмотрела, а за спиной — нечетко (такие травмы все-таки), но разобрала шелест сложившихся крыльев его приятелей.

Еще можно было попытаться пробежаться вдоль, хоть и без шансов, а чисто для самоуспокоения, но уже вновь плетется коса, вновь глаза подруги не отрываются от авантюринового дракона, и она так же не слышит меня...

Эх, Сайв...

Дракон сделал шаг и настороженно замер, словно опасаясь спугнуть. Так хищник подкрадывается к обреченной жертве. Не утешало даже осознание, что жертва не я. Еще шаг. И снова остановился. И что, ждать, пока он ее сграбастает и взлетит в небо? Или поторговаться, как любят драконы? Запоздало мелькнула мысль, а что я могу дать взамен, но я уже выступила вперед, заслонив собой разочарованно вздохнувшую подругу.

— Дай нам уйти.

Не узнала свой голос, так холодно он звучал. Это у меня защитная реакция, на парней обычно действует, а этот усмехнулся довольно, сложил руки на груди и, склонив голову ко мне, издевательски поинтересовался:

— Или что?

И ведь знает, что ничем не могу его напугать! Но один козырь у меня имелся, и я надеялась, что он сработает, надеялась, что драконы действительно обладают поразительным обонянием. Ага, повел удивленно носом, переглянулся со своими приятелями, и уперся в меня тяжелым взглядом.

— Что ты делаешь в Анидат, солнышко?

— Живу, — скривилась от фамильярного обращения, но не в моих интересах дразнить сейчас дракона.

— Как давно?

— Неприлично спрашивать возраст у девушки.

— Одна?

— Не твое дело.

Снова повел носом, но уже в сторону, задумался и выдал уверенно:

— Отца рядом нет, а ты еще не прошла через обращение, так что тебе меньше пятидесяти.

— Честно говоря, я думала, что выгляжу лучше.

Он, сволочь этакая, даже не извинился! Буравил меня своими сапфировыми глазами и гаденько так улыбался. А, не время для обид, посмотрюсь дома в зеркало, может, солнце и нарисовало одну-две морщины, а может, это меня так удары подруги приукрасили. Мир, мир... нам только межрасового конфликта не хватало! Хотя жутко хочется кое-кому вцепиться в белобрысые волосы...

И тут эта тварь чешуйчатая, понятно кивнув, вздохнула:

— Пока летел, я тоже, честно говоря, надеялся, что ты выглядишь лучше.

И все! Держите меня четверо! Смету! С крыши сброшу! Зубами чешую повыдергиваю. Ненавижу! Хоть укушу разок!

— Какая страстная, — он легко увернулся, подхватил меня, когда по траектории я неслась к приветственной земле, но на ноги не поставил. Глаза в глаза, я, сидя у него на руках, рассматривала наглуую драконью морду и скалилась в ответ, чтобы не думал, что запугал окончательно.

— Ну? Рассмотрел поближе? Теперь отпустишь?

Вместо очередного комплимента, мол, да, вблизи я еще краше, он ласково убрал мою темно-русую прядь за ухо, провел пальцем возле саднивших глаз и проникновенно заявил черт те что:

— Теперь-то уж точно нет.

Мне бы начать вырываться, но я, видимо, попала под морок, как и Сайв, потому что только и смогла выдавить:

— Почему?

И прижалась горячей щекой к его длинным прохладным пальцам.

Ой, мамочки!

Прикосновение бросило в жар, я заворочалась, закрутилась, но добилась только того, что меня прижали сильнее, и теперь я явственно слышала гулкие удары чужого сердца.

— Что ты делаешь? — поразила я.

— Что ты знаешь о драконах? — шепотом, в самое ухо.

— Знаю, что они наглые, ленивые, лживые, — честно начала перечислять я и не сдалась даже под громким хохотом драконьей троицы, — холодные чешуйчатые... — смело встретила взгляд, чего мне бояться? — ... Звери.

Мужской хохот усилился, крыша прогнулась, мне показалось, что пару раз хихикнула Сайв, но вряд ли она могла меня так предать, даже в престранном своем состоянии.

— Умная девочка, — палец дракона прошелся в пугающей близости от чувствительной мочки уха, и на секунду я стала слышать как сквозь плотную вату, потому не сразу до меня дошло окончание речи дракона. — Откровенная. Теплая. И моя.

Он обвел взглядом приятелей, я, онемев, тоже посмотрела на них, а потом на подругу, и вздрогнула от потока хлынувшего разочарования, обиды и боли, плескавшихся в ее глазах.

— Сайв...

Она больше не заплетала косу. Она больше не пожирала глазами светловолосого дракона. Она, казалось, окаменела, и по кусочкам мысленно выдергивала, изживала из себя мечту о замужестве. Улететь к драконам... Пять лет ожидания и надежды...

— Послушай, — я обхватила лицо дракона ладонями, вызвав у него удивление, — послушай, ты ошибаешься... Я знаю, что драконы берут то, что им нравится, не спрашивая...

Он кивнул.

— Но я, во-первых, не могу тебе сейчас понравиться, — вопросительно изогнутая бровь. — Нет, у меня нет комплексов, просто я могу предположить, как сейчас выгляжу. И я вижу, как выглядит Сайв...

— Ты о подруге?

— Да, — кивнула. — Так вот, это Сайв когда-то нагадали, что она выйдет замуж за дракона. Понимаешь?

Он отрицательно покачал головой.

— Сайв! — повторила громче, хотя проблемы со слухом были не у него. — За дракона должна выйти Сайв, а не я! Теперь понимаешь?

Он неохотно перевел взгляд на мою подругу, вернулся ко мне.

— А за кого выйдешь ты?

— Не знаю! — призналась честно.

— А за кого тебе нагадали? — зашел с другой стороны.

— Я пока не ходила к ведьме, — и опять почему-то не вру. — Вообще-то пора... У нас обычай... в двадцать один, если раньше не выскочила замуж, идти на поклон к ведьме, чтобы погадала на суженого... В этом году и я должна пойти, но я поклоны бить не люблю, да и замуж не собираюсь, так что...

— Понятно, — он усмехнулся. — Позволь, я тебя успокою. Тебе не придется бить ведьме поклоны, и тебе не нужно ее гадание. Я сам тебе все скажу.

— Ты?!

Ох, уж эта улыбка...

— Он колдун, — уважительно заметил один из драконов, кажется тот, что под лунный камень.

— Очень сильный колдун, — поддержал второй и выпятил горделиво грудь, будто речь о нем.

Я недоверчиво уставилась на дракона, державшего меня, как великую драгоценность. Наша ведьма тоже не карга, а довольно красива, но колдуны разве не должны выглядеть... хотя бы не такими улыбающимися?!

— Хочешь знать, за кого тебе суждено выйти замуж?

— Н-нет...

Сделав вид, что не расслышал, он склонил голову к моему лицу, и выдохнул в приоткрытые губы:

— За дракона.

А потом спрыгнул с крыши и под мой дикий вопль на лету трансформировался в чешуйчато-крылатого, цвета авантюрина. Открыв глаза, я с грустью обернулась на уплывающий за горизонт родной город. Где-то там остывало на крыше солнце, лежал забытый стаканчик с остатками эля, а я неслась по небу на спине огромного зверя, который, кажется, позвал меня замуж.

Ой, мамочки!

Видимо, пришла пора потревожить папу.

И он будет очень недоволен моим похищением. Я даже слегка пожалела белобрысого похитителя. Потому что папа у меня смертоносная сила — наполовину дракон, а наполовину демон...

Глава № 2. Тщетные надежды

Глава № 2. Тщетные надежды

Поначалу я надеялась, что просто так драконы границу Анидат не пересекут. Понятно, что они с крыльями, понятно, что они — важные птицы (хе-хе, вот бы они слышали), если их сама герцогиня пригласила, но ведь есть порядок! И согласно ему всяк входящий и выходящий отмечается в регистрационной карте. Но... то ли крылья в излишне большом почете, то ли моя потеря для города не слишком существенна, никто нас не остановил, и город медленно растворился в пространственной дымке.

— Эй! — крикнула я чешуйчатой морде, лениво обернувшейся, чтобы в очередной раз проверить не лишился ли пассажира в спешке. — А как же прием у герцогини?!

Признаюсь, что надежда на его прозрение была, но смутная, и я не слишком удивилась, когда дракон притворился, что не услышал. Только жесткие губы растянулись в оскале, мол, ага, болтай, болтай, здесь в облаках все равно невыносимо тоскливо, послушаем. Ну, ладно, если его не тревожат чувства нашей правительницы, то мне до нее вообще дела нет.

Сижу себе, лечу себе, смотрю себе...

А облака белым туманом задевают ладонь, щеки, длинные волосы, и проплывают мимо. Важно, величественно, перекидываясь в знакомые образы. Вот то далекое облако, что почти возле солнца — дурь-трава, даже лепестки похожи, а то, что за ним — легал, стоящий на коленях перед любимой. Эх... бывает же... любовь...

Я, видимо, так громко вздохнула, что дракон раздумал играть в глухого. Обернулся внепланово, задержал внимательный взгляд сапфировых глаз на мне, и начал стремительный спуск. Такой стремительный, что я не то, что вздохнуть раздумала — я дышать разучилась! Но когда до земли оставалось всего несколько метров, дракон взмахнул крыльями и снова набрал высоту. Только я начала успокаиваться — снова самоубийцей метнулся вниз. И снова поднялся в небо.

— Т-ты, — головокружение заставило привалиться к его шее, обнять до крепкого удушья, — если передумал меня похищать, только скажи. Я вовсе не против сойти, а выбрасывать то, что самому не надо, а другим в самый раз, ни к чему!

Я еще много чего хотела сказать, но дракон взревел так громко и отчаянно, что я оставила все попытки до него докричаться. Саму себя не слышно, да и лучше побережься, чтобы не расстраивать папу. Можно его и сейчас позвать, но очень уж он нервно реагирует, если в радиусе пятидесяти метров от меня мужская особь крутится. А здесь я сама обнимаю, да еще сижу так пикантно... на шее...

Позор, в общем.

Вот приземлимся... Так, кстати, получше будет: что папу, ради трех драконов от важных дел отрывать? Он даже не развеется. А выведу-ка я его на клан, покажу обвинительно пальчиком в похитителей, а он спасет меня и еще и выкуп возьмет, чтобы свою сокровищницу пополнить, и подумает, какая же у него дочь мудрая! Такая мудрая, что вовсе не нужно ждать периода обращения, чтобы ей мир показать.

Ну, ведь может он так если и не сказать, то подумать, верно?

Покосившись на меня, дракон начал спуск, но на этот раз плавный, медленный, как облачко, мимо которого мы пролетали. И на этот раз довел начатое до конца, приземлился. А мне вставать не хотелось. Лежу себе, держусь себе, старательно не смотрю на дыру в

пещере, возле которой мы очутились. Да я вообще ее не замечаю. Ее здесь и нет, тем более если закрыть глаза...

А, может, и не стоило этого делать, кстати, потому что открыв глаза, я пещеру, действительно, не увидела, так как меня крепко прижимал к себе высокий мужчина, и мой взгляд упирался ему в грудную клетку.

— Не плачь, — попросил он так проникновенно, что мне даже захотелось обернуться и тоже попросить кого-то там не плакать. А потом дракон провел по моей щеке большим пальцем и повторил: — Не плачь. — И я поняла, что он просит меня, и плачу я, вот только не понимала, зачем и как я могла при посторонних?

— Да я и не думала! — вывернулась из его рук, посмотрела грозно на вход в пещеру, на драконов, приземлившись чуть поодаль. — Почему мы здесь?

У меня не слишком большие познания географии, но уж явно эту пещеру даже в шутку не назовешь Долиной Драконов. Долина — это простор, раздолье, воля, там даже дышится по-особенному, а здесь... Я сделала всего лишь шаг, когда дракон цепко схватил за предплечье.

— Дальше пропасть, — и для наглядности, чтобы не сомневалась, обнял, развернул в своих объятьях и показал.

Голова закружилась, не столько от высоты — летела же я на драконе — сколько от страха, что я могла оступиться. И я сама сжала мужские ладони, заставив себя смотреть вниз, чтобы перебороть никчемный и запоздалый страх, и даже сделала шаг вперед. В мужских объятиях. Но шаг к своей свободе. И с удовольствием вдохнула полной грудью. Эх, были бы у меня крылья, расправила бы их и взлетела — выше, еще выше... И словно прочитав мои мысли, дракон сорвался со скалы и полетел, в мгновение сменив облик — сначала вниз; услышав мой довольный вскрик — метнулся вверх, за облака, туда, где не достанут недоуменные взгляды его приятелей. Навстречу солнечному небу.

— Еще? — спросил меня, когда солнце, кажется, прикоснулось к макушке.

— Еще! — расхохоталась я, прижимаясь к дракону, прячась за него, подставляя его макушку вместо своей. А он громко хмыкнул и снова набрал высоту. Так и кружили мы, рассекая небо его крыльями и моим смехом, а потом я вспомнила, что это не прогулка, а похищение и вообще, если не сбегу, у меня свадьба, и настроение резко покатило вниз. И вновь дракон, словно почувствовав, сбавил высоту, скорость и медленно вернул нас на скалу.

— Ты подождешь внутри, — отдал распоряжение, слегка подталкивая ко входу в пещеру. — Мои друзья уже развели огонь, так что страшно не будет. — Я фыркнула, он снисходительно улыбнулся, ничуть не поверив в браваду. — Я скоро.

Я снова фыркнула — пусть со второй попытки, но должно же выйти убедительно?! На что дракон растянул губы в еще большей улыбке и самоуверенно заявил, как припечатал:

— Пока я отсутствую, постарайся привыкнуть к тому, что я тебя не верну и Других у тебя не будет.

И улетел, махнув авантюриновым крылом, мол, заходи в пещеру, располагайся. Ага, как же, уже спешу к вашему шалашу! Наверное, не буду-ка я ждать, пока похитители меня в клан принесут, потому что пещера, темнота, три мужских особи и я — это как-то для девичьей чести опасно. Да, решено, прямо сейчас зову своего папу!

Оглянулась — огненные отблески из пещеры были такими яркими, словно драконы поймали солнце. Прислушалась — переговариваются между собой, но слов не разобрать — драконья речь? И здесь наглым тварям надо выпендриться — все расы говорят на одном

языке, а эти еще и свой придумали, типа, мудрейшие. Такая злость меня накрыла, что думала и не смогу выйти в астрал, но годы практики общения с отцом не прошли даром. Фух, настроилась. Потянулась мысленно. Увидела.

Отец лежал в своей драконьей сущности, лениво перебирая разноцветные драгоценности, сложенные горкой возле него. Поднимал, рассматривал в отблесках огня, согревающего пещеру, и сотворял вторую горку. По прищуренным глазам видно было, что это занятие доставляет ему огромное удовольствие, наверное, поэтому он не сразу отреагировал на мой зов.

«Папа» — позвала снова.

Поднял драконью морду, прислушался.

«Папа, — сказала я как можно безразличней, чтобы не переживал больше необходимого, — ты только не волнуйся, но меня похитили и намекают, что я выхожу замуж».

И то ли я перестаралась с безразличием, то ли отец не поверил, что кому-то понадобится такое счастье как я, неспешно поднял следующий камешек, рассмотрел его и переложил в новую горку.

«Папа, я серьезно», — сказала я, на что дракон зашелся таким глухим и громким хохотом, что стены пещеры дрогнули.

«И кто тебя похитил?» — спросил он, отсмеявшись.

«Ты не поверишь, папа, — я постаралась не разозлиться, чтобы не разрушить ментальную связь, — но дракон! Наглый, самоуверенный, как ты... — я хотела сказать, мол, как ты и предупреждал, но отец снова расхохотался. — Ты что... — я даже опешила. — Ты совсем за меня не волнуешься?!».

«О, — протянул он, примеряя один из тяжелых браслетов, — если бы тебя похитил такой же наглый и самоуверенный дракон, как я, твой папа бы уже мчался, чтобы перегрызть ему горло, спалить на праведном огне, а пепел распылить в Наб...»

«И что же тебя удерживает?!» — изумилась я, и на всякий случай напомнила: — Папа, я совсем не хочу замуж!»

«Если бы тебя похитил дракон, дочь, что вовсе невероятно, потому что ни одного из них нет в Анидат, а другие монстры не посмеют и взглянуть в твою сторону, папа тебя спрятал надежно, не беспокойся... Так вот, если бы тебя похитил дракон, ты бы сейчас не разглагольствовала, хочешь или не хочешь замуж. Ты бы уже давно была замужем и, возможно, под твоим сердцем уже билось еще одно сердце, маленького такого дракончика».

Я вспыхнула, хотя отец и не мог этого видеть, мне все равно было неудобно говорить с ним на такие темы. Драконья прямота и никакой деликатности!

«А так, — он сделал усилие над своей ленью и приподнялся, повел носом, закрыл глаза, сосредоточившись на ощущениях, и резюмировал, — а так я слышу, что у тебя все в порядке, ты просто соскучилась по мне. Ну что ж, — откинул один забракованный камешек к выходу из пещеры, — я скоро навещу вас с мамой. Тогда и поговорим на счет твоего... хкм... замужества».

И улыбнувшись так, будто только ему известна какая-то шутка, отец зарылся пятерней в гору сокровищ, отключив ментальную связь. И что мне делать? Я нервно оглянулась на пещеру — там все то же: огонь и медленная речь, а с неба, заслоняя темными крыльями синь, уже спускался дракон. Похоже, все-таки не избежать расклада: три мужских особи, пещера и я.

Вздыхнула и медленно пошла к черной дыре, чтобы некоторые тут не думали, будто я их встречаю. А, может... затеплилась надежда... может, папа прав? И все это какое-то недоразумение? Вот полетал авантюриновый, успокоился и понял, что ошибся и нужно было выбирать Сайв. Ну да, ведь может наступить прозрение? В конце концов, он даже пальцем меня больше не тронул... ну... после крыши... когда держал на руках... А если бы действительно хотел жениться, вон, папа говорит, такого бы уже со мной сделал...

С надеждой, что отец не ошибается, я обернулась, посмотрела на только что приземлившегося дракона, смело встретила его вопросительный взгляд, но когда он посмотрел на меня после трансформации... Ой, мамочки!.. Дракон не передумал! В сапфировых глазах пылал ответ на все мои сомненья: и сколько раз, и как... в общем... там было четко и по пунктикам расписано, что он хотел бы со мной сделать...

Я нырнула в пещеру, а за спиной послышался смешок, но не обидный. Да, самолюбие задел, но словно извиняясь за это, лаской перышка скользнул по позвоночнику. Я села у костра, оглядываясь, где драконы. А, нет и ладно. Не до них. Встревоженное сердце не хотело успокаиваться, и вот не страх его тревожил, а что-то незнакомое, волнующее. Наверное, внезапное осознание, что папа тоже может ошибаться? В любом случае, других предположений у меня не было.

Услышав приглушенный звук, я повернула голову — в пещеру медленно и не спуская с меня взгляда, вошел мой похититель. Вот интересно, вдруг подумалось, а какие у драконов свадьбы? С большим сомнением покосилась на радостный костер. Учла, что мы вдвоем. И снова перевела взгляд на дракона. А он, вальяжно прислонившись к стене пещеры, наблюдал за мной с улыбкой собственника, заполучившего в сокровищницу новый драгоценный камень.

Подавится!

Я снова попыталась ускользнуть в астрал, но безуспешно. Так и сидела попусту с закрытыми глазами, пока дракон расхаживал вокруг костра, пока на нем что-то поджаривал вкусно дразнящее ноздри, пока вернулись его приятели...

— Поешь.

Открыв глаза, увидела, что мне протягивают на вертеле чью-то тушку и термос с водой, и здраво рассудив, что для побега нужны силы, не стала отказываться. На вкус еда оказалась съедобной, но вот бы соли... Авантюриновый разжал ладонь и чуть посыпал белые крупички на мое блюдо. Я подозрительно лизнула и вскинула на него глаза — читает мысли?!

— Мы говорили, что он — колдун, — напомнил мне один из драконов.

— Очень сильный колдун, — хохотнул второй, уничтожая не птичку, как я, а тушку чего-то огромного. Причем, у меня сложилось впечатление, что в хорошие манеры с разрезанием тушки на части они играют исключительно ради меня, а так бы вгрызлись в нее с двух сторон, жадно разрывая зубами.

Поморщившись, я проследила за их лицами, но они все так же добродушно подсмеивались надо мной. Ни капли обиды. Значит, колдун один. И значит... — я сделала над собой усилие и посмотрела напротив — ну да, само внимание, и конечно, мои размышления мимо него не проскользнули. И как мне, интересно, сбежать?

— Мы на скале, — дракон протянул мне еще одну тушку на импровизированном вертеле. — Для нас высота маленькая, сто двадцать метров, но тебе, чтобы разбиться, хватит.

Я промолчала, а поев и утолив жажду, притворилась, что хочу отдохнуть и уже отсела

поодаль, прикрыла глаза, чтобы снова попробовать ускользнуть в астрал, как услышала два смешка и одно замечание со вздохом, как неразумному ребенку:

— Извини, но пока мы с тобой не связаны, не имею желания знакомиться с твоим папой.

Ненавижу! — возмутилась я.

— Это пройдет, — отмахнулся.

И не подумаю выйти за тебя замуж! — предупредила.

— Образуешься, — предвкушающее улыбнулся.

Да ты... Да я...

— Да, — дракон плавно поднялся, подошел ко мне, а потом присел напротив, заглядывая в глаза и буквально гипнотизируя взглядом. — Я. И ты. Остальное лишнее.

Его слова прозвучали как команда для двух драконов. Они поднялись, потянулись, разминая плечи, вышли из пещеры, хохотнув при виде нас в полушаге друг от друга, и я услышала, как раскрылись в полете их крылья.

Мы остались с авантюриновым одни, в необъятной пещере. Одни, не считая огня, который для драконов священен. И это значит...

— Не бойся, — прошептал дракон, прислонив ладонь к моей щеке и большим пальцем поглаживая под наиболее пострадавшим сегодня глазом. Потом — под вторым.

Да я и не боялась, в общем-то, просто... не по мне это все, похищение, драконы, свадьба... У меня на себя другие планы... были...

Дракон улыбнулся — снова прочел мои мысли, и вот это его умение меня напрягло даже больше, чем предстоящая связь. Не люблю, когда без спроса заглядывают в душу. Не люблю, когда контролируют. Не люблю, когда не свободна. Я задыхаюсь, вяну.

— Драконья кровь сильна даже через седьмое колено, — дракон задумчиво глядел мне под глаз. — Понимаю твои чувства, но без присмотра пока не могу оставить.

— Боишься, что убегу?

— Нет, боюсь, что попытаешься убежать и навредишь себе, а твоя безопасность для меня важнее, чем... даже твое желание.

Судя по всему, в планы дракона не входило набрасываться, едва мы остались вдвоем, и я чуть расслабилась. Он кивнул, и я вообще села вольно, согнув ноги в коленях и рассматривая своего похитителя. Хорош, надо признать... Но только дракон радостно встрепенулся, внесла мысленную поправочку: хорош, надо признать, и они бы прекрасно смотрелись с Сайв. И здесь уж я постаралась подумать обо всех ее положительных качествах: и что хозяйюшка, и что красавица, и что мечтает за дракона выйти, и ей ведь суждено. Ей. Не мне. Но на все мои старания дракон зевнул, скептически приподнял бровь, выслушивая дифирамбы предполагаемой невесте и нагло заявил:

— Я уже понял, что ты не так идеальна, как подруга, с которой вы пьянствовали на крыше, но менять вас не буду. Если хочешь, считай, что у меня дурной вкус, хотя на самом деле есть другая причина.

Он специально сделал паузу, хитро посмотрев на меня, но я ничего не спросила. Пожала плечами, осмотрелась вокруг, будто вместо пещеры зашла в лавку Иномирья и сама со скуки зевнула. Вот же ж, заразил! Интересно, а мы долго еще здесь пробудем? Как-то неуютно в этой пещере, и когда на меня так сверкают глазами...

Дракон прислушался к чему-то, снова перевел взгляд на меня.

— Сейчас летим дальше, — порадовал. — Ты права, эта пещера не пригодна для жизни,

но тебе нужно было отдохнуть.

— Можно подумать, это я махала крыльями и несла на своей шее груз. Так и скажи, что устал.

— Сначала тебе понравилось летать, — сказал дракон, — потом ты захотела связаться с папой, чтобы он тебя спас, — я попыталась не откусить себе язык, когда поняла, что он изначально был в курсе моих планов, — потом ты загрустила и устала. Но поверь, совсем скоро ты снова будешь наслаждаться полетом.

Наверное, здесь мне надо растечься лужицей счастья, мол, он все для меня делает, все, даже если я против. Так вот, я против! Против! Я «за» в единственном варианте — если он меня здесь оставит! Я не обижусь, не расстроюсь и по возвращении в Анидат, благополучно о похищении забуду.

— Доди, Доди, — дракон пощелкал языком, а я невольно вздрогнула, услышав свое имя из его уст, — ты для меня настолько ценный груз, что даже если у меня обгорят крылья и вывернется шея, я все равно тебя не оставлю.

Он взял меня за руку и вывел из пещеры. На улице сгустились сумерки, солнце сменило золотистые лучи на красные — красота неопишуемая, которая помимо воли рассеивает тревогу, а еще, видимо, развязывает язык, потому что я спросила:

— А какая другая причина, по которой ты не хочешь поменять меня на Сайв?

Дракон выдержал паузу, мол, надо было спрашивать раньше, потянулся с таким удовольствием, что удивительно, как на нем не треснула рубаха, и обернувшись в звериную сущность, пророкотал, обдавая горячим дыханием:

— Сайв — просто девушка, красивая девушка, но и только, — по возможности осторожно подтолкнул меня когтем к своему крылу, подождал, пока я усядусь, и снизошел до вразумительных пояснений уже в полете, будучи уверенным, что не наделаю глупостей. — Ты — саинтэ, Доди. Моя саинтэ.

И вот после этих слов я поняла, что улизнуть у меня вообще никаких шансов. Разве что лет через несколько, после рождения дочери, от которой отцы-драконы просто сходят с ума и дают необдуманные обещания. Потому что дракон никогда добровольно не откажется от того, в ком признал свою пару.

Глава № 3. Вынужденное знакомство

Глава № 3. Вынужденное знакомство

Следующая пещера уже была подготовлена до нашего приземления. Наверное, именно для этого авантюриновый и отправил своих приятелей, а не для того, о чем я тогда подумала. Огонь радостно потрескивал, разрывая подступающую теперь уже и со стороны входа тьму; драконы сидели в человеческой сущности, прокручивая на импровизированных вертелах две маленькие тушки и одну большую. А я примостилась чуть поодаль, устало прикрыв глаза, и все-таки пытаюсь не ускользнуть в сон, а то мало ли...

Драконам доверять нельзя. Если только дракон — не твой папа. Это первое правило, которое меня заставил запомнить отец. И мама подтвердила.

Драконам трудно отказать, потому что они красивы, обладают магнетической силой притяжения, могут поразить очарованием и сразить харизмой любую особь, вне зависимости от пола. Поэтому рядом с драконом лучше не находиться, а если уж надобность возникнет, суметь подставить вместо себя кого-то другого, дабы не попасть под чары обаяния. Но нечего опасаться, если дракон — твой папа, он для дочери и так всегда прекрасен и вне конкуренции. И второе правило я успешно соблюдала, пока в нашем городе не было ни одного дракона, а вот на крыше хотя и вспомнила предупреждение мамы, а все равно вступилась за Сайв. А мама предупреждала, деликатно внося поправки в правило номер два, что драконы никогда не спрашивают, не тратят время на очарование и ухаживания, а берут, что хотят, потому что велик шанс на отказ нарваться.

Драконы — терпеливы и мудры, обладают прекрасной памятью, и лучше им не перечить, а изначально считать все их решения истинно верными, ибо так и есть. Особенно, если дракон — твой папа. Это третье правило, которое пытался внушить мне отец, но мама была ближе и, может, потому убедительней, когда заставила запомнить, что драконы — ленивы, чванливы, заносчивы, злопамятны и крайне недоверчивы, и лучше не тратить время на спор, все равно не поверят, что ошибаются.

Драконы никогда не свяжут свою жизнь надолго с кем-либо, предпочитая одиночество, самосовершенствование и драгоценные камни. Все отношения с ними ведут к неминуемому разрыву, если только дракон — не твой папа или ты не саинтэ другого дракона. Дракон скорее выбросит алмаз из своей сокровищницы, чем причинит вред или отпустит свою пару. И мама подтвердила, внося одну поправку, что есть нюанс, когда дракона просто сносит с катушек и он согласен выполнить любое желание саинтэ. Мама в теме, потому что именно так получила номинальную свободу от папы. А мне вот, если честно, не улыбалось ждать, пока родится дочь. Да мне и свадьбу ждать не улыбалось.

А как быть?

У меня даже мысленный блок установить не вышло. Только два смешка заработала, один напряженный взгляд, который почувствовала и с закрытыми глазами, да легкую головную боль, но она с каждой новой попыткой отгородиться все больше сдавливала виски. Уловив какое-то движение напротив, открыла глаза. Ну, я и не сомневалась, кого увижу — так, проверила единственную догадку. Авантюриновый, склонившись, провел рукой по моей голове, скользнул большим пальцем под один глаз, под второй, и прежде чем я успела отшатнуться (или вообще вспомнила, что надо бы это сделать) вернулся к приятелям. Они продолжили тихо переговариваться на драконьем языке, а я, недоуменно понаблюдав за

ними и не разобрала ни слова, опять закрыла глаза. И уже потом, соскальзывая все-таки в мир сновидений, с удивлением отметила, что голова не болит и глаза, пострадавшие от рукоприкладства Сайв, совсем-совсем не ноют.

Но выспаться не удалось. Меня растормошили, всучили чуть подсоленную тушку (я, надеюсь, птички) и мягко, но настойчиво переместили к костру. Мягко — в том смысле, что бережно отнесли на руках. А настойчиво — в том смысле, что не спрашивали, хочу ли я разделить мужскую компанию. Вот исключительно из чувства самосохранения я не сопротивлялась, и вовсе ни при чем сапфировые глаза и то, что некоторые сыграли роль моего кресла. Я не просила, хотя, признаться, спине так было очень удобно, особенно после длительного перелета.

Дракону как-то удавалось не только не мешать мне есть невольными прикосновениями, но и не голодать самому. Одной рукой он упирался в пол, а второй отламывал куски... не хочу даже думать кого... и они ловко исчезали у него во рту. Понаблюдав за драконами напротив, я заметила, что они тоже отламывают куски, большие куски, размером со свою ладонь, и проглатывают, практически не разжевывая.

Я покосилась на авантюриново, а он, отсалютовав мне очередным куском мяса, отправил его в рот, один раз сжал челюсти и потянулся за следующим.

— Твой отец не живет с вами, — сказал он, и дело не в удивительной прозорливости, как я отчетливо понимала. — Твои знания о драконах настолько малы и противоречивы, что единственный вариант их пополнить и отличить правду от вымысла — пожить со мной немного дольше.

Пожить со мной... немного дольше...

Так сказано, словно я уже согласилась жить с ним! Более того — словно мы уже начали совместную жизнь! А ведь мы даже...

— Не торопи события, — шепнул дракон, — мне и так нелегко сдерживаться рядом с тобой.

И я прочла в его глазах такое дикое желание перейти к тем пунктикам, которые увидела в них раньше, или хотя бы начать теоретическое ознакомление с ними, сейчас и немедленно, что всунула ему в рот свою дичь вместе с деревянным вертелом.

Да что б ты подавился, гад крылатый!

А он сжал челюсти и проглотил, не поперхнувшись, не закашлявшись и продолжая сверлить меня голодным взглядом. Такого и не прокормишь. Наверное, отчасти поэтому мама сбежала от папы.

— Что? — покосилась на дракона, заметив, что он с трудом сдерживает смех.

— Я думаю, — сказал он, открыто посмеиваясь, раз все равно рассекретили, — что она пыталась сбежать от него, но у нее ничего не вышло.

— И пыталась и сбежала, — буркнула я.

— Пыталась, — стоял на своем дракон, — а твой отец сделал вид, что ее отпустил.

— Мой отец действительно ее отпустил, — такая самоуверенность начинала откровенно злить. Мне-то лучше знать, как живут мои родители.

— Дракон не отпустит саинтэ.

— А, может, она и не саинтэ для него, — я пожала плечами, мол, а что, и так бывает, но дракон раскусил мое притворство, попутно открыв маленькую драконью тайну.

— У драконов рождается дочь только от саинтэ. Поэтому переходим к тому, с чего начали. Твой отец не отпускал твою мать. Скорее всего... — он моргнул, и я впервые

заметила, что он как змея, вообще этого раньше не делал. — Да, — после секундных размышлений или пребывания в астрале сказал дракон. — Скорее всего, он пошел на это просто чтобы тебя спрятать.

— От кого? — выдала, не подумав.

— Например, от меня? — улыбнулся плотоядно дракон.

И я задумалась, впервые за много лет задумалась, а почему мой отец, который души не чает во мне и матери, живет отдельно? Да, видимся мы довольно часто, хотя я знаю, что папа терпеть не может Анидат. Он говорит, что его душит все — от замкнутого пространства (город надежно защищен от вторжения демонов) до примитивного заполнения регистрационной карты, даже если визит на пару часов. А еще раздражают крылатые легал, которые носятся в небе с таким видом, будто они драконы. И слишком много домов, которые каждому кричат о состоянии их жильцов. В Миндальной Долине, облюбованной легал, понятно — простор, достаток, и жабы герцогини неплохо себе устроились, а вот корри... Отца буквально распирает огонь от этой несправедливости, потому что мы с мамой жили в районе корри, пусть и не в самом бедном квартале, но все же.

У нас есть деньги, отец регулярно снабжает и раз, наверное, тысячу я сама слышала — уговаривал маму переехать в другую часть города, но она тихо-тихо приводила ему некие доводы, от которых он успокаивался. На время оставлял эту тему. А потом от какого-нибудь пустяка снова воспалялся.

В последний раз, буквально неделю назад, ему не понравилось, что в соседний с нами дом въехал незнакомец, и когда папа пролетал над нашим домом, а я его встречала, успел не только заметить, что я похудела, но и что незнакомец слишком долго меня рассматривал в окно. После объятий и заверений, что мой папочка самый лучший на свете, в меня впихнули драконью пайку, мол, докажи! Часом позже сытного застолья, я, лениво приподнявшись с диванчика, наблюдала в окно, как после папиного отлета у нового соседа загорелась крыша. Сосед не только починил свой дом, но и установил на окнах жалюзи и ставни. Молча. Дракону все равно не докажешь, что он не прав, лучше перестраховаться.

Итак, отца наш город раздражает, но он бывает там ради меня и мамы. Наши с ним встречи — это общение, смех и отдых для души. Их встречи... В общем, если мама дома, когда прилетает папа, я буквально чувствую, как плавится даже воздух, и сбегая к Сайв. Предлог придумывать не надо; кивок от папы — благодарность за понимание, смущенный взгляд от мамы, и я за порогом, пока дракон не разошелся. А папа может... мы уже несколько раз меняли мебель и переклеивали обгоревшие обои, ковров напольных у нас давно уже нет к разочарованию моли. А, впрочем, моли тоже нет, а вот новый жилец на нее жаловался до того, как папа своим горячим дыханием произвел у него быструю дезинфекцию. Но трата на окна и ставни — ничто по сравнению с такой эксклюзивной услугой.

В общем, к чему я прихожу в витиеватых рассуждениях? Отец не хочет и не может жить в Анидат — ему там тесно. Но мама?! Почему она ушла от него, ведь любит? И да, я в курсе, что она — его саинтэ, а значит... Фух, с учетом факта, что и меня записывают в саинтэ, я не хочу даже думать, что это значит в полном смысле слова, но... Вместе им, действительно, было бы лучше, и мама никогда не говорила, что ей не нравились условия, в которых ее содержал отец до моего рождения.

Так в чем причина?

Во мне? Действительно, во мне?

И тут я вспомнила, как разговаривала с отцом, пока авантюриновый летал на промысел. И если не дословно, то мелькала фраза, мол, не волнуйся, никаких драконов нет и быть не может, папа меня надежно спрятал...

Спрятал. А от кого?

Я посмотрела на авантюринового, а он, похоже, и не сводил с меня взгляда. И даже не шевельнулся.

— Почему отец меня прятал? — наступила на горло гордости, признавая, что дракон может быть в чем-то прав. А он, по ходу, в этом и секунды не сомневался.

— У него вполне могли быть и другие мотивы, но один прослеживается совершенно точно.

— Какой? — он вынуждал меня спрашивать, и я спрашивала, потому что знала: драконы очень упрямы, а разговаривать любители не больше моего. Если есть возможность смолчать, недоговорить, так и будет.

— Я уже тебе его озвучил, — напомнил, лукаво сверкнув глазами, — но ты не поверила.

Я прокрутила наш разговор и недоверчиво покосилась. Он кивнул. Я развела руками. Он снова кивнул.

— Не хочешь же ты сказать, что папа знал заранее, что ты меня украдешь?

Дракон уперся рукой в пол, переместив свой вес и меня заодно, и теперь создавалось ощущение, что он просто себе полулежит, а я, укутанная его второй рукой, настаиваю на этих объятиях, да и не только объятиях, потому что лица наши оказались так близко, что его дыхание опаливало мои губы.

Два других дракона усиленно жевали, переговариваясь между собой, и были больше фоном, чем свидетелями или участниками разговора. Увидев, что никто осуждающе не сдвигает брови и не посмеивается над моим положением, я немного расслабилась. И тут же еще на сантиметр оказалась ближе к губам дракона.

— Не думаю, что он заранее знал, что я появлюсь в Анидат, — неспешно начал дракон, видимо, разместившись, наконец, с комфортом для долгой беседы. — Я вообще не собирался прилетать, так просто, совпало. Ладно, — заметил мой нетерпеливый взгляд, — вернусь не к самой для меня приятной теме — к твоему папе...

И снова замолчал. Я накуксилась, а он дунул мне в лицо, от чего настроение пусть и не улучшилось, но обижаться пока расхотелось.

— Итак? — подтолкнула я. — Почему ты думаешь, что мой папа меня спрятал и даже имеешь наглость, — дракон хмыкнул, для них это комплимент, а мне не жалко, — предполагать, что спрятали меня от тебя?

— Да потому, — сказал дракон, ласково поправляя мою длинную челку за ухо, — что первое, что бы я сделал, когда у меня родилась дочь... — многозначительный такой взгляд, ага — ... спрятал ее.

— От себя?

— От всех остальных драконов. Понимаешь, — дракон принялся поглаживать меня по голове, а потом задумался и потянул ближе за волосы, собранные в хвост. Вдохнул, закрыв глаза, не споря, позволил чуть отодвинуться от него, но волосы не отпустил. — Я уже говорил, что дочь рождается только от саинтэ...

— Говорил, — нетерпеливо поддакнула. Нет, я тоже, конечно, язык не люблю утруждать, но здесь уж слишком длинные перерывы после каждого слова.

— А встретить саинтэ почти нереально. Многим до конца жизни так и не удается.

И снова замолчал, предлагая мне самой сделать выводы. Ну, я и не упустила случая показать, что не только драконы мудрые.

— Девушек-драконов у вас мало, — догадалась я.

— Их ничтожно мало, — подтвердил дракон.

— Но ведь моя мама не была драконом? И папе это не помешало.

— Так бывает. Раньше саинтэ рождались только у чистокровных драконов, но как я и говорил... уже дважды... встретить свою половинку было такой редкой удачей, что драконы начали, — поморщился, — вымирать. Наверное, кое-кто увидел драконьи слезы и смилостивился, саинтэ стали встречаться и среди других рас, но, увы, не менее часто, чем раньше. Многим так и не везет, а многие даже не собираются ждать, ибо шансы минимальны. Живут с тем, кто нравится, рожают сыновей, но смешивание с другими расами — просто необходимость, игра звериной сущности, — дракон помрачнел. — А девушек-драконов так мало, что даже если они не саинтэ, все равно может начаться бойня.

— То есть, — я оглянулась на других драконов и прошептала чуть слышно, — если я правильно поняла...

Проследив за моим взглядом, дракон самодовольно усмехнулся.

— Нет, они против меня не пойдут.

— А почему? — Не скажу, что я сильно расстроилась, но так, любопытства ради...

— Потому что я умру за свою саинтэ, — прижал меня к себе, заставив не делать вид, что почти лежу, а именно лечь на него. Вырываться глупо — вокруг темно, я наелась и хочу спать, а в пещере, несмотря на огонь, прохладно и неудобно. — Но перед тем как умереть самому, я убью всех, кто даже подумает о тебе.

— А с учетом того, что ты умеешь читать мысли, можно смело назвать тебя бессмертным.

Я поняла, что он улыбнулся — по легкому выдоху, по нежности, с которой он продолжал наматывать на руку мои волосы, и по его голосу, когда он сказал:

— А еще я очень везучий, правда, раньше я этого не понимал.

Я хотела еще порасспрашивать, — меня что-то рядом с ним накрывало болтливостью, — и вопросы какие-то крутились и в довольно большом количестве, но я выбрала главный, остальные, если вспомню, потом. Не мешало бы, наконец, познакомиться. Не то, чтобы мне интересно, просто ситуация вынуждает: похищение и все-такое... И услышала в самое ухо, с еще большей нежностью, которая подтолкнула за грань сновидений:

— Аодх.

Надо же, успела подумать, его имя хоть и означает огонь, а меня почему-то не обжигает, разве что...

Я надеюсь, что успела заснуть именно в эту секунду, без предательских мыслей, где конкретно я медленно плавлюсь от нежности и от взгляда дракона.

Глава № 4. Первая ссора

Глава № 4. Первая ссора

Я бы с удовольствием убедила себя, что и похищение, и дракон — всего лишь сон, да вот незадача: проснулась я в пещере, а ложем мне служил дракон. И так обнимал меня бережно, словно все у нас по взаимному согласию или я смирилась.

Ага, не ту себе выбрал!

Сайв, конечно, с удовольствием бы еще понежилась на долгожданном трофее, а мне и неудобно, и кости ломит, и вообще... Я попыталась медленно сползти с дракона, но его рука вернула меня обратно, а его губы искушающе поинтересовались:

— Хочешь искупаться, прежде чем мы полетим дальше?

Я приподнялась на локте, скептически осмотрела пещеру, в которую уже начал пробиваться утренний свет и... — ну, это же не я себя выбирала, — ответила:

— Поесть я тоже не откажусь.

Дракон и бровью не повел. Поднялся, взял за руку, бросил взгляд на двух подсматривающих драконов, отдал какое-то распоряжение на своем напевном языке и вывел меня из лежбища.

— Еще одна такая ночь, — я с удовольствием повела плечами, — и я не смогу разогнуться.

Пальцы дракона опустились на мои плечи и принялись разминать. Это оказалось так прекрасно, что я невольно издала стон, и видимо, достаточно громкий, потому что из пещеры тут же высунулись драконы, переглянулись, усмехнулись и после угрожающего рычания моего дракона спрятались обратно.

То есть... Я не это имела в виду! И он вовсе не мой! Просто...

А пальцы с еще большей нежностью принялись разминать мне плечи, и я решила: ну, какая разница, что мне подумалось? Главное, что я знаю, и он знает, что все это временно и я от него сбегу. И вообще, зачем усугублять условия своего похищения, если без риска для чести их можно улучшить?

— И вот здесь немного, — я склонила голову, убрав с шеи волосы, и пальцы дракона послушно переместились в указанном направлении. — И вот здесь чуть-чуть, — выгнула спину, и пальцы дракона прошлись по позвоночнику. — И вот здесь...

— До свадьбы мы, пожалуй, на этом остановимся, — только когда дракон отстранился, я поняла, что очень близко, непозволительно близко к нему прижималась. Притворилась, что привожу в порядок свои волосы, и что собрать хвост — это не так уж быстро, но... зачем притворяться с тем, кто считывает все твои мысли?

Да, мне стыдно, я понятия не имела, что мы... слишком сблизилась телами во время массажа. Да, меня бесит, что я для него раскрытая книга. И вообще я хочу домой, хочу скорее увидеть папу, и чтобы он со всем разобрался. Я устала. Я не хочу замуж. Пожалуйста... может, он все-таки передумает и выберет Сайв?

Палец дракона приподнял мой подбородок, сапфировые глаза с сочувствием заглянули в душу, но слова прозвучали хлестко и беспощадно.

— Теперь моя обязанность разбираться со всеми твоими неприятностями. Моя, понимаешь? Да, ты устала, ты испугана, но я постараюсь максимально облегчить тебе перелет и выдавить твой страх, потому что не передумаю и не отпущу. Ты — моя саинтэ,

Доди. И ты все-таки выйдешь за меня замуж. А то, что бесят мои способности... — Он усмехнулся. — Их, к сожалению, невозможно выдавить, и твоя реакция — не самая сильная из тех, с которыми мне приходилось сталкиваться.

Он взял меня за руку, не глядя, шагнул вниз и под мой восторженный вопль трансформировался в драконью сущность, поднимая нас сильными крыльями вверх, вверх, и еще выше. А я сидела на его спине, крутила головой по сторонам и с наслаждением впитывала в себя солнце, ласковое небо, раскинувшуюся где-то там, внизу, мягкую зелень, но было кое-что, что мешало мне полностью раствориться в окружающем волшебстве. И дело даже не в похищении. Последние слова дракона, сказанные так, мимоходом, напоминали о себе занозой. Казалось бы, какое мне дело? Но столько в них намешано и скрыто, что бросало в дрожь.

Дракон, уверенно рассекая воздух, повернул голову, глянул недоверчиво, но ничего не сказал.

Мы пролетели еще пару минут, когда внизу зелень сменилась синевой, будто небо опрокинулось, улегшись между острыми скалами. Я, затаив дыхание от красоты, поначалу и забыла, зачем мы здесь, и только когда дракон приземлился и спросил: не передумала ли, вспомнила и смутилась, глядя на спутника.

— Я не могу оставить тебя одну, — осмотревшись, он обратился в человеческую сущность, — в этой местности водятся твари, с которыми тебе вряд ли захочется познакомиться.

Я бросила взгляд по сторонам, но кроме одной-единственной твари напротив, с которой я тоже не искала знакомства, никого не заметила.

— Я отвернусь, пока ты будешь раздеваться, — пообещал он, проигнорировав нелестные мысли в свой адрес, и так как выбора особо не было, а у меня созрели планы не только искупаться, рискнула поверить.

— Уплыть в Анидат не получится, — предупредил дракон, отворачиваясь, а я, посверлив взглядом его спину еще какое-то время, оглянулась и принялась раздеваться. Хорошо все-таки, что я не люблю все эти платья и сандалии корри. Джинсы, кроссовки, майка — удобно, практично; белье вот только... не смогу надеть его дважды в таком состоянии...

Взяв с собой трусики, я еще раз оглянулась на дракона и вошла в теплую воду по колена. Быстро прополоскав их, положила на большой камень и нырнула. Ощущения были более чем великолепны. Каждая клеточка моего тела ныла от длительного перелета, сетовала на ночные условия, но если бы я вовремя не выключила гордость и предпочла холодный пол пещеры вместо поджарого тела похитителя, я бы вообще не смогла сейчас двигаться.

Я отплыла достаточно далеко, чтобы попробовать снова связаться с отцом, но держать себя на воде и выйти в астрал одновременно не вышло. Я бултыхнулась, вздохнула и с грустью поплыла обратно, но чем ближе подплывала к берегу, тем больше грусть сменялась злостью, потому что на огромном камне, где я оставила один из атрибутов своей одежды, полулежал дракон, и в руках держал... о да, именно эту маленькую вещицу.

Я начала грести быстрее, не терпелось выплеснуть ему свои эмоции, сказать в глаза что думаю — все! Абсолютно все! А то мало ли, вдруг кое-что так и не удастся вычитать из моих мыслей!

Но, к счастью, вовремя остановилась.

Ну, выйду из воды, а дальше?

Дракон не собирался отворачиваться, а напоминать об обещании, если он сам о нем не помнит...

— Я обещал отвернуться, пока ты будешь раздеваться, — уточнил дракон, — но я не обещал не смотреть, когда ты будешь выходить из воды, вся такая... раскрасневшаяся, злая, восхитительно-прекрасная в этой злости.

Да, не обещал. Можно часами призывать к его совести, а толку? Пусть смотрит, он и так считает меня своей вещью, у которой нет права ни на чувства, ни на стыд, ни на стеснение. У меня ведь изначально рядом с ним выбора нет, так что...

Я сделала всего шаг, и даже грудь показаться из воды не успела, когда дракон отвернулся.

Не верю!

Снова сделала шаг. Ждет, что сломаюсь? Ждет, что начну умолять? Ждет, пока выйду полностью, догонит, и...

Дракон поднялся с камня, не глядя в мою сторону, спрыгнул на берег, и так и стоял спиной, пока я медленно подходила к своей вещице, так небрежно оставленной им. Хоть бери и снова перестирывай!

Он дернул головой, словно хотел обернуться, но раздумал, а я, понаблюдав за ним и не обнаружив угрозы, потянулась за трусиками. И тут же убрала влажную руку. Они были совершенно сухими, а ведь прошло не более двадцати минут, и солнце, как ни старайся, не успело бы мне помочь.

Значит, дракон. Но как?

А, впрочем... какая разница? Все равно мое тело влажное и...

— Если ты позволишь обернуться, я тебе помогу.

— Как?

— Увидишь.

Увижу. Ну да. Проблема, что увидит и он.

— Я закрою глаза.

Не верю.

— Я мог и не отворачиваться.

А здесь не поспоришь. Я только успела со вздохом подумать, что лучше обещание, которому не веришь, чем вообще никакого, когда дракон медленно развернулся, уверенно сделал шаг ко мне, хотя вроде бы и не подглядывал, и меня обдало жаром его дыхания. Оно было пряным и томительно-приятным, пройдясь, кажется, даже по мизинчикам. Довольный своей работой, дракон отвернулся, а я начала одеваться, в совершенно сухую одежду и в совершенно чистую, несмотря на свалившиеся приключения.

А, пожалуй, есть что-то хорошее в том, что он — колдун.

Дракон так резко обернулся, что я едва не упала, пытаюсь попасть второй ногой в джинсы.

— И что я такого подумала, что ты прожигает меня взглядом?

Махнул головой, отвернулся.

— погоди-ка, — я оделась и уже безбоязно подошла к нему, словно тканевая преграда могла быть надежной защитой для того, у кого все тело — броня, а когти и даже дыхание — оружие. — Не хочешь ли ты сказать, что кому-то не нравится, что ты — колдун?

Я понимала, что бояться его могут — теоретически, но бояться так, уважения ради и как дань традициям. У нас вот ведьму в городе не все любят, даже сплетни пускают, что у нее с

императором шашни, но все равно ходят к ней на поклон, просят о помощи, платят иногда непомерную плату за знания.

— Не хочешь ли ты сказать, — усмехнулся дракон, — что тебе нравится то, что я читаю твои мысли?

— Нет, но здесь совершенно другое.

— Доди, — он ласково провел рукой по моим совершенно сухим волосам, почему-то закрутившимся от его дыхания легкими волнами, — чтение мыслей — пустяк по сравнению с тем, что я могу на самом деле. И если даже такой пустяк вызывает у других отторжение...

— Тебя боятся, — закончила я, и удивилась, потому что помимо того, что драконы ленивы и самоуверенны, и вообще состоят практически из одних недостатков, я никогда бы не подумала, что они трусливы.

— Скажем так, — нашел компромисс Аодх, — без необходимости предпочитают держаться подальше. Нам пора.

Видимо, это был тонкий намек, что тема закрыта, но для меня начиналось самое интересное, и даже голод уступил любопытству.

— А с какого расстояния ты можешь читать мысли?

— Я знаю, что у тебя не вышло связаться с папой. Это подробный ответ?

— То есть, ты знал, что я попытаюсь это сделать и...

— ... И перекрыл канал, — не стал отпираться тот.

Интересно, а когда я первый раз с момента похищения говорила с папой, он тоже как-то вмешался?

И ведь слышит же, гад, мои размышления, а молчит. Усмехается, мол, думай, я не мешаю. И я таки думаю, что да, не обошлось без него и таки начинаю больше понимать тех, кому не нравится этот колдун.

— У тебя другая проблема, — раскатисто рассмеялся он, сгребая меня в охапку и трансформируясь в звериную сущность. — Тебе очень и очень не нравится то, что я могу, но сам я тебе нравлюсь!

Я с минуту пыхтела, стараясь вообще ни о чем не думать, только радовалась, что дракону для полета нужно смотреть вперед, а не на мои красные щеки. Это совершенно неправильно и нелогично, но этот дракон... мне кажется...

Все равно сбегу!

Он усмехнулся, качнул крылом, мол, попробуй, я не против удачной охоты, и лениво продолжил полет. А в пещере нас уже ждали два безымянных дракона и маленькие вертела для меня — опять же, надеюсь, что с птичкой.

— Поешь, — предложил дракон, а сам, переглянувшись с приятелями, спросил что-то на своем наречье, кивнул и оставил меня с ними одну.

А я смотрела на двух драконов у костра, на тушку, которую мне предлагали и на совершенно свободный выход из пещеры. Западня или удача? Не верю, что он ушел, не подумав, что могу и сбежать, значит, сделаем расклад и посмотрим. Два приятеля здесь, но не факт, что начнут догонять. Я, допустим, успеваю не только добежать до выхода из пещеры. А что дальше? Скалы, высота для бескрылого нереальная, а я у папы единственная любимая дочь.

подавив тяжкий вздох, я уселась рядом с костром, взяла в руки ароматную тушку и попыталась отомстить именно ей — за то, что я здесь и за то, что она без соли. Откусив пару раз, пропихнула хоть как-то водой и отложила дичь в сторону.

— Все? — удивился один из драконов.

Я пожалала плечами, подтянула колени к себе, обняла их и внимательней присмотрелась к драконам. Даже странно теперь, что я думала, будто они очень похожи. Да, блондины, как и Аодх, и волосы примерно одинаковой длины, и глаза одного цвета, но они совершенно разные. Тот, что левее, и я знала, что он дракон цвета лунного камня — утонченной, изящней, что ли, и черты лица у него как у знати. Тот, что цвета горного хрусталя — жестче, более дерзок даже по взгляду, черты лица грубые, как высеченные из камня начинающим скульптором. Не близнецы — это точно. Да и телосложением отличаются.

— И кто тебе больше понравился? — услышала недовольный рык от входа в пещеру.

— Из вас троих? — поинтересовалась я, не думая ни оборачиваться, ни пугаться, ни оправдываться. — Или вообще?

Дракон сузил глаза, от чего два его приятеля напряглись, а я наоборот расслабилась.

— Из нас троих твой единственный выбор — я, — отчеканил самоуверенно. — И в частности и вообще — я. Это понятно?

— Отчего не понять? — пожалала плечами, не собираясь спорить и, видимо, это насторожило дракона, понизив шкалу самоуверенности, потому что после минутных раздумий, он все-таки поинтересовался, что я имела в виду под вот этим своим «вообще». Ну, а я не стала дважды себя упрашивать и выдала правду, подтверждение которой легко найти в моих мыслях.

— Видишь ли, — протянула с конфетной улыбкой, — дело в том, что меня совершенно ну просто никогда и ни при каких обстоятельствах... не привлекают блондины.

— Ты уверена? — поинтересовался дракон без особого интереса, в то время как двое другие громко и облегченно вздохнули.

— Абсолютно.

— Обещаешь не передумать?

— Даже не сомневайся.

И дракон вместо того, чтобы расстроиться, что мордой не вышел, подхватил меня под мышки, притянул к себе и обнял так крепко, будто назревала война. А потом выдохнул в волосы тихим шепотом:

— Посмотри на меня, саинтэ. Открой глаза. Увидь меня настоящего.

И когда я открыла глаза и немного отстранилась, то увидела перед собой полуобнаженного дракона в человеческой сущности, но с авантюриновыми крыльями за спиной. Вокруг него сверкали ветвистые молнии, порывистый ветер развивал длинные черные волосы. Жуть. Прекрасная жуть. Нет, я слышала, что от потрясения некоторые светлеют, но чтобы наоборот...

Вот это мы удачно поссорились. Плодотворно.

Дракон с таким ожиданием смотрел на меня, что я сама, невольно, потянулась к его черным волосам, почему-то радуясь, что и глаза у него темные, как безлунная ночь.

Мне всегда такие нравились. Демонические. Как у папы.

Глава № 5. Новый дом

Очередная пещера, в которую мы прибыли с наступлением сумерек, была не более пригодна для жизни, чем предыдущие, но Аодх, войдя в нее, удовлетворенно повел носом и объявил, что это мой новый дом. Пока я недоуменно вглядывалась во тьму, в глубине пещеры вспыхнул огонь, но вид открывшихся взору голых стен все равно мало вязался с домашней обстановкой.

Два других дракона, потоптавшись у входа, переглянулись, кивнули, словно соглашаясь с чем-то, бросили на меня насмешливый взгляд и метнулись в небо. Свободные, не обремененные перспективой жить в этом домике темного счастья. Хотелось бы мне улететь вместе с ними, только в другую сторону...

— Даже не думай, — предупредил Аодх, мягко подталкивая меня все-таки войти в пещеру. Я поежилась, но вошла. Как-то мне с тремя драконами было спокойней, чем с одним, да еще и с этим... темноволосым... особенно после вчерашнего... Присела у огня, подтянула к себе колени, и пока Аодх суетился, ненадолго уплыла в размышления.

Ну и пусть слушает — может, дойдет до него, что я не бесправная вещь, и есть те, кто меня любят и не бросят в беде. Сайв, наверняка, сразу сказала о моем похищении, мама вызвала папу, и когда папа меня найдет...

Покосилась на дракона, но он оставался спокоен. Интересно, а если я усиленно еще раз подумаю, кто мой папа и что если я попрошу, он не убьет похитителя, у кого-то сработает инстинкт самосохранения, или случай запущенный?

— Не волнуйся, солнышко, — сверкнул глазами дракон, — я постараюсь не умереть.

И ведь знает же, чувствую, знает, что встречи с отцом не избежать и даже продумывает последствия, а стоит на своем. Упертый. Невозможный. Типичный дракон.

— Мне больше понравилось, когда ты назвала меня своим, — и не дав времени возмутиться, напомнил: — Было, было.

Ну, было, и что? Сорвалось, и даже не с языка. Так, проскользнула и уплыла мысль благополучно. А навязчивые мысли удрать от него, остались. Остались. Остались! И можно не притворяться во временной глухоте — знаю, что слышит.

— Слышу, — вздохнул, — но терпеливо жду, когда передумаешь.

Ага, разогналась!

Да я не сбежала просто потому, что для меня эти скалы высоковаты, а крылья не выросли. А так бы только меня и видели, как же! Сидела бы я здесь, смотрела, как какой-то дракон хозяйничает у костра и ждала тушку, чтобы вгрызться в нее зубами — ага, ага...

— Я посолил, как ты любишь, — дракон протянул мне на вертеле... ммм... вкусную птичку, и вот птичке я не стала отказывать, тем более что плохо позавтракала, а когда я сыта, легче думается. Итак, на чем я остановилась? А, да, пусть знает, что я не сбежала, потому что обещала папе беречь себя — это раз, и два — я уверена, что скоро меня освободят, а некоторые понесут заслуженное наказание за все пережитые мною страхи.

Это же надо, два дня перелета!

Два дня!

Никогда не видела такой красоты, но сейчас не об этом.

Два дня в пещере с тремя мужскими особями, а бок о бок с одним из них, причем эта

особь... темноволосая!

И волосы его черной рекой разливаются по сильным плечам, а меня чьи-то чары так и манят вдохнуть запах горных трав и закрыть глаза... Чары, только чары подтолкнули прикоснуться и тогда, когда дракон изменил облику белобрысого. Других логичных объяснений не было. Но опять меня унесло не в ту сторону.

— Еще? — дракон протянул второй вертел, а я снова не стала отказываться. Налеталась, проголодалась. И нечего здесь усмехаться! Может, начнет лучше думаться? А то как-то все не то...

Поев, зевнула, свернулась калачиком на холодном полу пещеры — бррр... холодрыга какая... и тут же была подхвачена на руки, теплые, сильные руки, по которым мимо воли скользил мой взгляд, подбираясь к плечам и чуть выше.

— Ты не будешь спать на холодном полу, — сказал жестко дракон.

— Как скажет мой похититель, — согласилась без спора.

И такая гамма эмоций пронеслась в темных глазах, что я забыла все мысли о неизбежном побеге, о расставании и о том, что кто-то скоро умрет. Прикоснулась к его волосам, провела рукой от макушки до самых кончиков, отмечая с легкой завистью шелковистость и насыщенный цвет, а когда вернулась взглядом к драконьим глазам... В них пылало только одно — желание, и такое сильное, что я дернулась у него в руках, попыталась ежиком спрятаться, а не вышло.

Не могла отвернуться. Не могла нагрубить. Не могла оттолкнуть.

Не хотела.

Я как будто ждала чего-то, а дракон тянул время — хмурил брови, всматривался, а потом чуть склонил лицо и... выпрямился. Я едва удержала непонятный вздох разочарования, встряхнула головой, прогоняя морок, ведь только морок мог заставить меня вести себя странно.

— Долго мне так сидеть? — покачала ногами в воздухе.

Дракон вынес меня из пещеры, задрал голову к закату красному солнцу и взлетел вместе со мной над острой скалой, а если попроще — над моим новым домом. Да уж, никогда не думала, что мой домик превзойдет размерами и неприступностью замок герцогини. Кстати, о птичках...

— То, что ты ела — птичка, — упокоил меня дракон.

— Вот вечно ты читаешь мысли, когда не нужно, — буркнула, умащиваясь на его спине поудобней, но буркнула так, для вида, а сама облегченно выдохнула. — Я хотела спросить о герцогине.

— Спрашивай, — милостиво махнул крылом, словно и сам не из простых летающих.

— Да вот я два дня уже мучаюсь: а как же бал и переговоры ваши? Вы ведь для этого прилетали?

— Не совсем. Я, конечно, не знал, что моя саянтэ будет меня встречать на крыше с подбитым глазом, — я попыталась кое-кого ущипнуть, но только палец уколола жесткой чешуей. — Но и на бал оставаться не собирался, — закончил дракон, и полуобернувшись, вытянул два языка и лизнул мою руку, пока я в шоке следила за этим действием.

У папы три языка. У этого дракона два. У меня один. Папа явно старше Аодха. Аодх старше меня. Вывод: я деградирую?!

— Ты пока не дракон, милая, — раскатистый смех разорвал тишину долины, над которой мы плавно кружились. — И в человеческой сущности у меня чаще всего тоже один

язык.

Чаще всего?!

То есть... а это как?

— То есть, я могу это контролировать, — усмехнулся дракон. — Но в двойном языке есть свои преимущества.

Дааа?!

— Как-нибудь продемонстрирую, — пообещал.

И был в этом подвох, явно был, и я почти догадывалась какой, а не испугалась. Попыталась изобразить отвращение — не вышло, зато я постаралась выровнять дыхание и принять безразличный вид, пока мы спускались. И судя по взгляду дракона, мне это удалось.

Приземлившись, дракон спустил меня на землю, сменил сущность и с усмешкой покачал головой.

— Нет? Не удалось? — Я поспешила к озеру, избегая и взгляда дракона и своей непонятной реакции на него. — Ну, и ладно.

И только начав раздеваться, я вспомнила, что дракон ничего не обещал на счет не смотреть! И в ту же секунду почувствовала на своей шее его дыхание. Ну вот, я так и думала... Он стоял не просто за спиной, он практически меня обволакивал. Палец дракона прошелся от моей шеи вниз, пересчитывая позвонки. Остановился у пояса джинсов. И у меня настойчиво, как встревоженный нападением колокол, загромыхало в мыслях: бежать, бежать, как можно скорее бежать от него! Потому что потом будет поздно!

— С каждым днем, — дыхнул в шею дракон, — ты все больше будешь ко мне привыкать. С каждым днем ты все больше будешь ко мне привязываться. С каждым днем ты все больше будешь чувствовать мой зов, саинтэ.

Я дернула головой, отрицая, но он невозмутимо и еще тише продолжил:

— Я умею ждать, саинтэ. Я научился.

Он сделал шаг назад, и я почувствовала радость от мнимого чувства свободы и одновременно легкое разочарование. Это все чары, отмахнулась я, а дракон притворился, что меня не услышал.

Раздевшись, я опасливо бросила взгляд на спину дракона и вошла в прохладную воду. Стирка, как и в прошлый раз, заняла пару секунд, а потом я, с удовольствием вдохнув в легкие воздух, нырнула так глубоко, как могла и... услышала металлический зов своего отца.

«Папа! — откликнулась радостно. — Папа!»

«Доди, — голос звучал спокойно, но с вибрацией рычания, и я даже представить себе не могла, чего папе стоило сдерживаться, — где ты?»

«Прямо сейчас или вообще?»

«Доди, на словесные битвы нет времени. Можешь считать, что эту папа тебе уступил. Где ты?»

Уступил... И вот даже в такой момент, когда дочь украли, унесли незнамо куда, но известно зачем, не признает, что может быть в проигрыше. А словесные битвы — это наше любимое, если перебороть лень. Правда, папа считает, что выигрывает всегда только он, ну а я, зная о его упрямстве, не спорю. Одерживаю очередную победу, мысленно ставлю плюсики и молчу, молчу, потому что правило номер пять — нельзя расстраивать папу. Папа — наполовину демон, наполовину дракон, и обе его стороны чудовищны в сильных эмоциях. Я, кстати, видела как-то папу в гневе, и да, это было чудовищно-великолепно. Но я не стала ему признаваться, исключительно из-за правила номер пять: чтобы зря не расстраивать.

«Доди» — снова позвал отец, и на этот раз голос звучал елеяно и ласково. Наверное, папа уже не в драконьей сущности, а демонической. Ух! Красотища! Но я постаралась отвлечься от воспоминаний и сообразить, где же я нахожусь. В воде. Однозначно. Воздух в легких заканчивается, но если всплыву, или ментальная связь разорвется, или дракон на берегу догадается...

«Папа, — постаралась не удариться в панику, потому что спасение близко, так близко, а я его словно футболу подальше, — я не знаю, где я.»

«Не Долина Драконов — это я уже сообразил», — размышлял отец, а я из последних сил удерживала себя под водой, но, наверное, сил действительно было немного, потому что я даже не видела отца. Слышала только голос, который поначалу звучал достаточно громко, а после стал приглушенным. И я поспешно начала передавать информацию о своем перелете — зрительными образами, так быстрее, четче, и, возможно, он поймет, он ведь летает в отличие от меня...

А потом меня что-то дернуло вверх, к свету сквозь водную синеву, к воздуху, за глоток которого я уже не боролась. И когда я вдохнула, отплеываясь и слепо крутя головой, чьи-то горячие пальцы приподняли мой подбородок, а чей-то голос настойчиво просил об одном: дышать, дышать, дышать. И я сделала второй вдох, немного болезненный, чуть терпкий, но безумно сладкий и узнала голос того, кто удерживал меня над водой.

— Аодх...

Кажется, даже вслух произнесла его имя. Кажется, даже впервые.

— Ничего, — тяжело выдохнул он. — Наверстаем.

Надышавшись, я различила уже не только очертания дракона, но и обеспокоенность, мелькнувшую на лице, и решимость, и злость, и желание немедленной мести. А за что, интересно? Плохо плавать — не грех!

Дракон молча греб к берегу, расположив меня на своей спине, хотя я уже отдохнула и могла бы сама... А с другой стороны, пусть везет, раз уж взялся, я в спутники не напрашивалась! И вытаскивать меня из воды не просила! Тем более что... ой! Мамочки! Вспомнив, что я в чем мать родила, я едва снова не бултыхнулась под воду. Но дракон не позволил. Вытянул на берег, игнорируя мое легкое сопротивление, подвел к горке одежды, аккуратно сложенной на камне, обволок горячим дыханием, осушая влагу с тела, и велел:

— Одевайся.

Сухо велел, я бы сказала жестко, и я не стала спорить и причитать, что вообще-то одежду оставляла не здесь. Начав одеваться, заметила, что вещи приведены едва ли не в первозданный вид, причем все, и возмущаться расхотелось. Я умею быть благодарной, и помолчать мне не в тягость, особенно когда некоторые своим настроением собирают грозу. Неподалеку громыхнула молния, порыв сильного ветра разметал черные длинные волосы моего похитителя, за его спиной нервно дернувшись, раскрылись жесткие крылья, а я смотрела на все это и снова не могла дышать.

Первозданно. Дико. Бесоподобно. Прекрасно.

Дракон обернулся. Протянул ко мне руки, а я... не побежала к нему — не хватало! Сделала только шаг. И тут же попала в объятия, почему-то позволяя себя обнимать и покорно выслушивая, как он рычит почти в самое ухо:

— Не пугай меня больше так. Можешь злиться, кричать, можешь пытаться сбежать, только...

Он просил меня не умирать, и я бы ему объяснила, что вовсе не собиралась, но если по

честному, то, пожалуй, он прав и я могла, захлебнувшись, уйти туда, откуда не возвращаются. Там бы меня никто не нашел — это да, но...

— Ошибаешься, — усмехнулся дракон, — я бы нашел даже там, но тебе лучше не знать, что бы я тогда с тобой сделал.

— То есть? — не поняла. — Ты настолько сильный колдун?

Ничего не сказал, вместо этого медленно и боясь отпугнуть, прикоснулся к моим губам поцелуем. А я только успела заметить, как его крылья, раскрывшись во всю длину, снова свернулись, обхватывая добычу — меня. А потом голова закружилась, сместились пространство и время, и очнулась я, когда ночь давно опустилась над озером. Ничего себе некоторые с поцелуями наловчились!

— Я тебя научу, — тут же пообещали мне, подхватили на руки и унесли в дом-пещеру, а я, пока мы летели, старательно отгоняла мысли, что, пожалуй, научиться я так виртуозно и не успею. Папа злой, папа очень злой, и не знаю, смогу ли убедить его не убивать похитителя, когда нас найдет. Все-таки, первый парень, с которым я целовалась...

Дракон медленно повернул голову, в темных глазах сверкнули две молнии, отвернулся.

— Я бы тоже захотел убить на его месте.

— Правда?

— Да.

И ни капли страха, я уже не говорю о раскаянии. Удивительно. Приземлились, зашли в пещеру, где нас встретил огонь и две исходящие ароматом тушки, поели, а потом дракон, развалившись лениво и закинув меня на себя, сообщил:

— Твой отец меня не убьет. Попытается, но не убьет.

— Откуда такая уверенность?

Его палец, задев синюю ленту, распустил мои волосы, и они темно-русый каскадом опустились на обнаженную грудь дракона. А вот интересно... Он как показался тогда в своем настоящем облике, так и не одевался, и я сильно подозреваю, что наличие черной рубахи изначально было иллюзией.

Хм, а брюки?

Попыталась дернуться — не позволил, жестче прижал к себе. Ласково провел по моим волосам, отвел пряди за уши и рассматривал, как диковинку в лавке.

— Покалечить попытается, — произнес дракон, опуская взгляд к моим губам, — особенно когда узнает о поцелуе. — Долгая пауза, вздох, словно на что-то решается. — И уж если это все равно неизбежно, а я обещал тебя подучить...

И мне не обязательно было озвучивать, на что он решился, потому что губы дракона уже гораздо уверенней, чем до этого, прикоснулись к моим. А я снова, подавшись чарам и легкому сожалению, что ведь потом у меня подопытного дракона не будет, пусть неловко, но ответила на поцелуй.

И всего через мгновение поняла, что дракон не бросает на ветер слов и мне нравится, когда два языка... А гораздо позже, засыпая и устраиваясь на чешуйчатом поудобней, поняла еще кое-что. Поняла, что в доме, чтобы считать его уютным и пригодным для жизни, стены и обстановка — не самое главное, и я буду немного скучать по огню, что так тихо потрескивает, по едва подсоленной дичи и чуть-чуть, самую капельку — по самоуверенному дракону, который не позволил мне утонуть, потому что колдун.

— Потому что люблю, — сказал он.

Но, наверное, мне послышалось. Ну, какая любовь за два дня?

— С первого взгляда.

Точно. Я сплю. Потому что отлично помню, как я тогда выглядела — с опухающим глазом.

— Ты выглядела прекрасно даже с двумя опухающими глазами.

Вот-вот, я сплю...

— Спи, саинтэ. И я постараюсь.

Постарается он. Интересно, а кто это так громко посапывает? Явно не я! Я сплю тихо, спокойно, вообще не кручусь.

— Ох, ты не против, если я немного поверну твою ногу? Да, вот так, а то... Фух, а эту смещу чуть вниз... Ох, ну я точно теперь не усну.

Ага. Не уснет он! А кто, посапывая, истерически рассмеялся?

Глава № 6. В ожидании спасения

Утром дракон как-то странно на меня косился и все норовил повернуться спиной, словно мой вид ему неприятен или из-за меня он не выспался. Если и так, в обоих случаях не моя вина, так что я с извинениями не лезла, а тонко намекнула, что видели глаза что воровали, и матрасом ночью не я притворялась.

Дракон прорычал что-то неразборчивое, и его фигуру до самых пят скрыл невесть откуда появившийся плащ, в который он тут же укутался. Интересное дело, а мне наколдовать что-то новое из одежды?! Я тут, понимаешь ли, в одном и том же третьи сутки, стираю ежедневно, чтобы от ароматов не задохнуться, а стирка для меня наказание похуже трехдневной угрозы замужества, а здесь нате — прорычал и в обновках!

— Мы так не договаривались! — подошла к нему, попыталась развернуть к себе, но куда там. Пришлось обойти самой, стать напротив и задрать подбородок — грудную клетку не усовестить, надо смотреть в глаза. — Если ты не собираешься меня возвращать в ближайшее время... — пауза, ну а вдруг?

Ага, как же — невинный взгляд, мол, да что я, брежу?! Ай-ай-ай, как мне не повезло!

— Ясно, не собираешься. Тогда наколдуй и мне что-то новое из одежды!

Дракон внимательно просканировал меня взглядом, словно впервые увидел. Да, да, я тоже считаю, что джинсы новые и кроссовки не стоптаны, но майку ведь можно выдать другую! И белье тоже! А так как не вслух выдвигаю требования, а мысленно, легко проскользнуло маленькое уточнение: ажурное!

Вот, все сказала.

А, носки еще можно... прямо и не знаю какие... хоть в зебру, хоть в...

— А что ты так удивился? — но это я приуменьшила. Дракон явно был в шоке, и если припомнить, глаза у него начали увеличиваться на моменте с бельем. Ну, что за ханжество? Можно подумать, я настаивала, чтобы оно было красным!

— Красным? — глухо повторил он, остановив взгляд чуть ниже пояса моих джинсов.

— Да, я такое люблю, — скрестила руки на груди, а потом одумалась и сложив целомудренной лодочкой, опустила их. Дракон поднял дикий взгляд. Не верит, что ли? Ах, да, он же помогал мне после стирки кое-что высушить...

— Дважды, — еще более глухо напомнил дракон.

— Любишь ты точность, ну так я для тебя уточню, что, знаешь ли, не успела подготовиться к похищению, а то бы я непременно выбрала своего любимого, красного цвета.

Он как-то слишком внимательно заглянул в вырез моей майки.

— Да, — подтвердила с вызовом, — верхней части белья на мне нет. Я, знаешь ли, не рассчитывала на длительное путешествие.

Можно подумать, он не понял, что лифчика нет, когда я на нем лежала!

— Понял, конечно, — в глазах дракона проскочили молнии. — Но убеждал себя, что мне показалось.

Чтобы вернуть дракона в осмысленное состояние, пришлось переместить руки к груди и легким покашливанием напомнить, что глаза у меня немного повыше.

— Так что на счет обновок? — напомнила, а то с его длительными паузами после

каждого слова мы до утра будем договариваться.

— Точно, — дракон плавно преодолел разделявшие нас два метра, — договариваться!

Ах да, любимая забава драконов — договариваться и торговаться, что, впрочем, для них равнозначно. Зря я сболтнула. Этот полноценный дракон — по любому не сдастся, у меня просто характер неуступчивый, так и будем в пещере голодом маяться, пока у одного из нас язык не отсохнет.

А... погоди-ка!

Это же дракону надо вслух говорить, чтобы я его поняла, а мне вовсе необязательно утруждаться! Все! Играю! Торгуюсь! А... я только упустила момент — на что я играю и по какому поводу все затевалось?

— Я объясню, — мурлыкнул дракон, и обойдя по кругу, остановился напротив, заглядывая в глаза.

Интересное дело, на вид дракон, а повадки кошачьи — а, может, у него кто-то был в предках с пушистым хвостом и усами? Надеюсь, он по-кошачьи не метит территорию, а то хотя у меня нюх и не так развит, как у него, спим-то мы вместе.

— Мне нравится, как это звучит — вместе... — мурчание.

Дракон распахнул плащ — неужели поджарился? Но хихикнула я преждевременно — он распахнул плащ шире, сделал еще одно плавное движение, и плащ скользнул по моей спине, закрывая в тканевом коконе вместе с ним. И вот здесь пришла очередь хищника улыбнуться.

— Поторгуемся? — спросил он, лизнув меня в ухо. — На что ты готова, чтобы я наколдовал тебе новый гардероб?

А, так вот мы о чем... уже легче, а то мысли спутались. На что я готова ради кроссовок, носков — две пары, кимоно — ладно, одного хватит, а то после купания не очень удобно влезать в джинсы, трех футболок, и двух комплектов красного ажурного белья? Можно еще и черное. Итак, на что я готова?

— Мне, конечно, нравится, что ты строишь далеко идущие планы относительно нас и запасаясь впрок, — заметил дракон, — но разве речь не шла только об одном комплекте белья?

— Ладно, — сдалась, — комплект белья может быть один.

— Доди, — умиленно покачал головой, — речь шла вообще об одном комплекте белья, только о нем, помнишь? Кимоно, носки, майки — этого в первоначальном списке не было.

— Планы изменились.

— Что?

— Мне нужно все, что я перечислила. Ну, вот комплект белья можешь сократить до одного, здесь я, наверное, и впрямь пожадничала.

— И ты будешь расхаживать передо мной в кимоно?!

— А ты что... собираешься под него подглядывать?

— Подглядывать? Нет, но... — Он задумался, надолго задумался, я уже даже притомилась стоять без свободы движений. — Хорошо, — выдохнул обреченно, — я наколдую тебе все, что ты просишь, но обещай, что носить ты это будешь только при мне.

Я бы развела руками в стороны или взяла дракона за руку и покружила, чтобы разул глаза, но из-за кокона смогла выразить свое удивление только словесно.

— А ты что, видишь здесь кого-то другого?!

Я говорила резко, пожалуй, даже перестаралась с этим, но дракон как-то враз успокоился, и взгляд его просветлел.

— Точно, — разулыбался, — здесь все равно только мы вдвоем.

Он расправил руки, высвобождая меня из плаща, и довольный собой, отошел.

— Что, мы уже поторговались?

— Да.

— И где же обновки?

— А вон там, — он кивнул на красную горку рядом с моими ногами. — Ты сейчас будешь примерять?

— Да, сейчас, — строго отозвалась я, приготовившись к активному сопротивлению. Мужчины не любят, когда женщины одеваются, их интересуется только обратный процесс. Но Аодх, развеивая мои опасения, спорить не стал, а вышел из пещеры, оставив меня одну.

Я присела возле обновок, с интересом рассматривая красное кимоно, красные майки, красные кроссовки, красные сандалии, красные носки и красное кружево-паутинку, притворяющееся одеждой. Здесь и вышивка есть, и блестящие камушки. Представляю, как у некоторых зарядит в глазах от такой красоты, и он едва ли поверит своей удаче, что вот надо же, пусть несколько дней, а я считалась его невестой!

Пока одевалась, мелькнуло недоумение, почему торги закончились практически не начавшись, но я списала это на то, что так на дракона действуют мои чары. Так это я была в джинсах, а в кимоно он совсем растает и превратится в послушного котика в моих руках!

Из пещеры я вышла в радужном настроении, и уже готовясь милостиво почесать котенка за ухом, когда он покорно начнет мяукать, подошла к дракону, ожидающему у обрыва.

— Ну что, — всматриваясь в синеву неба, пронзенного солнцем, спросила я, — полетим к озеру?

Дракон обернулся. Дракон окинул меня взглядом, и словно ему стало больно от обилия красного цвета, закрыл глаза и перестал дышать. Я просчитала минуту, но он напрочь забыл о воздухе. Любопытно, а две выдержит? Он выдержал две. А потом я глянула вниз — там же очень высоко, а я в этих горах одна, и вдруг он умрет от недостатка кислорода? Нет-нет, так рисковать нельзя! Мы еще даже не позавтракали, а папа может задержаться с поисками. Я потянула дракона за руку и проникновенно поинтересовалась:

— Ты жив?

— Сам удивляюсь, но да.

Дракон набрал полную грудь воздуха, и тогда я поверила и успокоилась. Значит, завтрак все-таки будет...

— О чем задумался?

— О том, что я — идиот.

— Ааа, — протянула разочарованно, — так это надолго... А я думала, мы покупаться слетаем...

Дракон открыл глаза, уставился на меня, не моргая, и вроде как не совсем на меня, а на макушку. Я машинально поправила волосы.

— Забыла включить расческу в список.

Он машинально протянул мне только что наколдованный деревянный гребень. Красного цвета. А, может, и заколку для волос? Дракон протянул мне деревянную заколку с красными расписными маками.

— Ловко у тебя выходит, — похвалила я.

Он ничего не ответил. Был занят. Молча пожирал взглядом мое кимоно, но я знала, что

оно надежно запахло, а ноги ниже колена позволительно видеть не только папе.

— Ты не хочешь переодеться? — спросил дракон.

— Мне надоело примерять обновки. Я хочу искупаться.

— В этом?! — он возмущенно ткнул пальцем в кимоно.

— Нет, — пояснила я, как тупому, — когда буду заходить в воду, я сниму сандалии и кимоно.

Аодх покачал головой, что-то хотел мне высказать, но не справился с двумя высунувшимися языками. Взревел во всю глотку, обернулся драконом и улетел, не оглядываясь. А я смотрела ему в хвост и понять не могла: почему у меня не вышло приручить этого котика? И еще: что мне делать с этим черствым драконом?

Кимоно ему не понравилось!

Идиот, точно, сам же признался, и даже больший, чем думает. Вот зачем он оставил меня одну? Что за глупое доверие к тому, кто мечтает сбежать? Посмотрев еще раз на небо и не заметив в нем даже темной точки, я уселась удобней и вышла в астрал, что на удивление, получилось легко.

«Папа, — позвала я дракона, который уверенно рассекал небо».

«Я уже знаю, где ты, Доди, — отозвался он, — папа скоро будет, не волнуйся».

«А почему ты летишь? — удивилась я. — Почему не через портал?»

«Этот чертов дракон утащил тебя туда, где порталы закрыты, и за то, что твой старый папа упражняется на крыльях, ему тоже придется ответить. Такая даль... такая даль... в моем возрасте...»

Папа был очень ленивым драконом, а поэтому папа был очень зол. Не выдержав эмоционального напряжения, ментальная связь быстро прервалась, и я не успела спросить, когда именно он будет и что запланировал в качестве мести для похитителя. Вообще-то у папы с фантазией туго, наверное, просто разорвет на куски, и это лучший вариант: быть покалеченным демоном хуже, чем смерть, это агония между жизнью и смертью.

Я устремила взгляд в небо, старательно отгоняя грусть. Это просто жалость к дракону, легкая жалость, и только.

Ну а что это еще может быть?

Дракон вернулся довольно скоро, на меня не взглянул — все вдаль, вдаль смотрел, наверное, знал, что я с папой поговорила. Забросил меня себе на спину и взлетел. Молча махал крыльями до самого озера, но прежде чем позволить мне раздеваться, обвел взглядом территорию, принюхался, пробубнил, что здесь никого, и отвернулся с таким раздражением, словно я ему на язык наступила.

И вот слышал же мои мысли, а проигнорировал. И еще кто-то говорит о саинтэ! Врет все! Что-то я не припомню, чтобы мой папа так игнорировал маму!

Не успела и глазом моргнуть, как дракон, проворчав нечто злое, метнулся ко мне, сгреб в охапку и горячим рычанием заставил меня задрожать, а мои волосы снова закрутились волнами.

— Я тебя не игнорирую, Доди. Я тебя берегу, понятно?

Нет. Ничего не понятно. Но вслух я впервые ему соврала:

— Да, конечно.

— Доди, — он прижался лбом к моему, закрыл утомленно глаза, а я начала перебирать его длинные волосы, чуть спутавшиеся от полета. Сюда бы гребень, да он остался на скале. И как у мужчины могут быть такие красивые и мягкие волосы, которые при этом

удивительным образом не лишают его мужественности? — Доди, — повторил дракон, — у тебя, как у моей саянтэ, чувства проявятся, но постепенно. И вот когда это случится и ты услышишь мой зов, ты поймешь, что для меня значило быть с тобой и не сметь прикоснуться.

А то, что мы спим друг на друге за прикосновение не считается, что ли? И поцелуй...

Дракон рассмеялся, обнял сильнее, удовлетворенно вздохнул и выпустил из объятий, так же, не открывая глаз.

— Иди искупайся.

Я так и думала! Одни разговоры о том, как я нужна ему и вообще, а как доходит до дела — отправил прочь. Ну и ладно, пусть ждет, что я услышу какой-то зов и, поджав свою гордость, примчусь. Пусть обманывается, если ему это в радость.

Я надеялась, что поплавав, остыну и успею простить такое пренебрежение, но вода не охладила мой пыл. К тому же, я вспомнила, что мне нужна зубная щетка и крем для лица, и без них я и минуты больше прожить не могу! Так что... сейчас я кому-то выскажу все, что накипело...

Я вышла из воды, дракон с закрытыми глазами на меня дунул, чтобы быстрее обсохла, и только я открыла рот, протянул зубную щетку, пасту и красный пакетик, который я сразу узнала.

— Но... как? — только и смогла спросить.

Слетать в Анидат так быстро он не мог, а порталы здесь не работают.

— Я — колдун, — напомнил с улыбкой, и вот явно не хватало его драконов-приятелей, чтобы с похвальбой уточнить, мол, очень сильный колдун. — Но это, действительно так, — сказал, не огорчаясь отсутствием скромности.

А я, как счастливый обладатель богатства в виде моей личной косметики, спорить не стала. К тому же, присев у озера, уже усердно чистила щеткой зубы. Это такое блаженство, а то как в древние времена — пальцем. Тьфу...

А вот интересно...

Закончив утренние процедуры, я посмотрела на Аодха, а он только развел руками, мол, сама догадывайся, почему я вроде бы и не купаюсь и одежду не меняю, а выгляжу свежо и прекрасно.

— Потому что колдун, — проворчала я.

— Ну вот видишь, — похвалил он, — не прошло и недели, как ты это усвоила. Теперь дело за малым: усвоить, что я — не просто случайный попутчик, а твой будущий муж.

— Будущее — понятие растяжимое, — усмехнулась я, но не успела закончить гениальную мысль, что оно может так растянуться во времени, что кто-то раньше дождетя старости, чем желаемого, как дракон меня разочаровал.

— Поторопился я с выводами, — глубоко вздохнул он. — Ты пока ничего не усвоила. Я — колдун, Доди. И я видел наше с тобой будущее. Наше. С тобой. Вместе. Понимаешь?

Если честно, то нет. Это я отказываюсь усваивать, потому что понять не могу — если я и колдун будем вместе, папа что же, меня не найдет?

— И тебя найдет, и меня, — успокоил дракон, но во взгляде его на секунду мелькнуло беспокойство.

— Если ты отпустишь меня сам... — начала я.

Дракон взял меня за руку, взметнулся в небо, трансформируясь на лету, и даже когда мы вернулись в пещеру, где нас поджидал приготовленный завтрак, несмотря на мои попытки

разговорить его, отмалчивался. И что я не так сказала? Отпусти он меня сам, и я бы уговорила папу, а так...

Но какое мне дело, что он записал себя в смертники?

Поначалу молчание немного тяготило, потом я увлеченно жевала и была занята, а потом я заметила одну деталь — дракон ничего не приготовил для себя, и если припомнить, вчера тоже не ел. И что он себе думает? Решил при мне сделаться мумией? А если он свалится без сил? И что хуже — когда будет в полете?!

— Волнуешься? — встрепенулся дракон.

— Да, — не стала скрывать, — волнуюсь, что с моим счастьем в этот пикантный момент я окажусь у тебя на спине.

Дракон рассмеялся так громко, что дрогнули стены пещеры. Разговорила на свою голову! Умереть под завалом камней улыбалось мне еще меньше, чем удариться с высоты о единственный камень.

— Не волнуйся, — дракон развалился на полу, наблюдая за мной подозрительно сверкающими глазами. То ли он слишком весел, то ли не в духе — не разберешь. — Вчера я охотился, пока ты уничтожала птичку, сегодня — пока спала.

— Охотился?

— В человеческой сущности я могу удовлетвориться малым объемом пищи, но дракону этого недостаточно.

И я вспомнила, что в первый день, когда мы остановились передохнуть, Аодх и его приятели съели нечто размерами с огромного кабана, а на второй день все трое при мне не ели. Пока мы летали к озеру, два дракона могли поохотиться, а потом Аодх оставил меня с ними, а сам полетел подкрепиться. Наверное, так?

— Правильно.

— И что же ты съел?

— Вчера или сегодня?

— Сегодня.

— Лося, кабана, двух пернатых и всего одного грибника.

— Что? — пискнула я, отсаживаясь подальше.

Дракон снова расхохотался, а я поймала себя на мысли, что когда он смеется, становится довольно красив, хотя мне это и безразлично.

Глава № 7. Драконье гостеприимство

Глава № 7. Драконье гостеприимство

Не знаю, с чего вдруг дракон решил устроить прогулку по территории, но раз везет он, а в пещере все равно неуютно и нудно, я пошла навстречу его капризу. Вообще-то, я уже немного ознакомилась с окрестностью, когда уединялась по нуждам, о которых не при женихах будет сказано, но пешему особо по скалам не разгуляешься, а плато украшено странными кустарниками, с которых сочится подозрительно красная жижа. Я уходила подальше, к деревьям, да простят они меня за мой выбор.

— Готова? — впервые поинтересовался дракон, прежде чем взвить со мной в небо. Или наши отношения прогрессируют, или он от обилия еды раздобрел. Даже не рычал на красную майку, которую я надела. Единственным его условием было — только не кимоно! Позже, когда вернемся в пещеру или для купаний, можно, а так... Но кто бы спорил, летать в халате не очень удобно, а дракону мое смирение легло на душу.

Да и вообще, сытый дракон почти душка. Надо отпускать его чаще охотиться, а то, наверное, ему еще более нудно в замкнутом пространстве, чем мне. Хотя... не сходится. Драконы без ума от пещер.

— Драконы без ума от того, что в пещерах можно надежно спрятать, — утомленный тем, что надо пояснять очевидные вещи, протяжно вздохнул дракон. Можно подумать, я упрашивала его подслушивать! Чисто драконья наглость!

Аодх приосанился, выпятив переливающуюся фиолетовым шеей, распрямил длинный хвост, растянулся в оскале. Что это с ним? Ах, ну да, похвалили его!

— Готова? — снова спросил, и уже не так грозно.

Неужели он настолько падок на лесть?

Дракон в ответ на мои мысли развел передними лапами, мол, хочешь — проверь.

А я взяла и проверила. Стала мысленно перечислять какой он огромный, какие острые у него когти, вспомнила, что когда я впервые увидела его, испугалась и пожалела бедное небо. А дракон оперев подбородок в лапу слушал, слушал, не мигая и, кажется, не дыша. Да уж, мама говорила, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, и заставляла меня учиться готовить, а, оказывается, надо было брать уроки риторики у жаб герцогини. Вон какие чудеса ложь творит.

— Твоя мама, — дракон утратил все свое дружелюбие, на спине у него взъерошилась чешуя, — наверное, как и твой папа наивно полагала, что надежно спрятала тебя от драконов, поэтому и учила готовить. И это умение могло тебе пригодиться, если бы ты вышла не за дракона. Но, как ты уже знаешь, — добавил поспешно, — выйдешь ты за меня.

— То есть, — заинтересовалась я, — у вас женщины не готовят?

— Готовят, если живут с драконами просто так.

— Как это?

— Мы летим куда-нибудь или нет? Мне проще разговаривать в человеческой форме.

— Почему?

— Там языки короче или вообще один, а эти еще поднять надо, еще прокрутить ими, не завязав в узел. Особенно трудно, если пытаешься выговорить что-то не выговариваемое.

— Да ладно? — подошла ближе к чешуйчатой пасти.

Дракон сжал челюсти и покачал головой.

— Что, — удивилась я, — ты, такой огромный и сильный дракон, такой мудрый и старый, не сможешь выговорить детскую скороговорку? Попробуй. Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали.

Дракон запыхтел, выпуская пар через ноздри, а я продолжила дразнить его:

— Неужели не повторишь? Это элементарно даже для меня, девушки. — И пусть останется между нами, что я не считаю женщин и девушек слабым полом.

Дракон призадумался и поверил; если судить по сосредоточенному взгляду в сторону — повторил скороговорку про себя. Усмехнулся победителем и произнес вслух, хвастаясь передо мной:

— Корабли лавиро... лавиро... лавиро... лавrrrrrrроороу... яфык... раффяфи...

— Что? — повернулась левым ухом.

— Раффяфи... яфык...

— Что-что? — повернулась правым.

Дракон прорычал нечто непере译имое, но не успела я вдоволь насмеяться, трансформировался в человеческую сущность, пальцами раскрутил язык, свернутый замысловатой трубочкой и посмотрел на меня, готовясь к наказанию — здесь и мысли читать не надо, чтобы догадаться.

— Ну, что, летим, наконец? — поторопила я. — А то сумерки настанут, пока ты наиграешься в детство. Небось уже и забыл что это такое — подначивать друг друга? И на это не обижаются, между прочим. Да-да. Ну, вот разыграла тебя и что? Никто ведь не пострадал. Посмеялись только.

Дракон ничего не сказал, сделал два шага, обнял меня и сиганул со скалы, а я резко оборвала хихиканье и завизжала, когда поняла, что трансформироваться он не собирается, а земля уже практически под моими пятками. Ой, мамочки! Я попыталась дернуться, но он держал крепко, и я сделала единственное что могла для спасения пяток — обняла дракона ногами за талию.

Взревев от моей наглости, дракон трансформировался и замахал крыльями, отдаляя нас от земли, но не переместил меня на спину, а держал лапами перед собой, как добычу. Или как завтрак?

— Детский сад, — заметив, что я расстроилась, закинул меня на спину. — Запомни, в играх могут быть не только твои правила. Если ты к этому не готова, не играй.

— Что-то ты слишком разговорился для того, кому лень языком ворочать, — обиделась я.

— Как оказалось, я мало ворочаю языком не из лени, а скорее из предусмотрительности.

Вспомнив, как забавно дракон шепелявил со связанными языками, я не выдержала и улыбнулась, а он, словно мог видеть мою улыбку, уже не так ожесточенно рассекал небо крыльями. К тому же, мы пролетали над такой красотой, что дух захватывало, и не хотелось зря портить настроение даже дракону, пусть и вредному.

Дракон издал радостный вопль, и его полет стал еще более величественным и грациозным. Не хватает короны к таким повадкам!

— Если ты не в курсе, — прозвучало нравоучительно, — первым императором нашей империи был дракон. Это позже он улетел на покой в одну из далеких пещер и передал управление своим потомкам.

— Ой, ой, — фыркнула я, — может, и так, но это еще не повод раздуваться от гордости,

словно этим императором был ты.

Дракон промолчал. А драконы ведь никогда не уступают в спорах...

— Аодх, — позвала я.

Повернул голову.

— Это... был ты?

— Нет, — отвернулся.

— Ну а тогда с чего такая гордость?

— Первый император считается предком всех драконов.

А, ну теперь понятно, почему они все поголовно мнят себя важными птицами!

Дракон поперхнулся и начал снижаться.

— Птицы, — сказал, пролетая довольно низко над зеленым кустарником с красной жижей, — это то, что любишь ты и курнабус. А дракон — это тот, кто любит делать вот так...

Пламя в секунду уничтожило кустарник и разноцветные перышки, которые на нем трепетали, а я, наконец, поняла, что за красная жижа с него постоянно стекала. Но вот чисто из любопытства: а если бы я, проходя мимо к деревьям...

— Курнабус питается только птицами, — удовлетворил интерес дракон. — Ничего в округе двухсот метров тебе не угрожает.

— А...

— А дальше ты не уйдешь.

— Интересно, а...

— Не позволю, — отрезал дракон.

Он может обольщаться сколько угодно, но мой папа не привык спрашивать разрешения.

— Думаю, мы с ним поладим, — усмехнулся дракон.

— До того, как он тебя убьет или после?

Молчание.

Иногда бывают такие слова, после которых понимаешь, что привычка отмалчиваться — во благо, иногда бывает такой выигрыш, после которого не отпускает чувство, что ты проиграл. Полет утратил свое волшебство, несмотря на красоты, мимо которых мы пролетали, несмотря на облака, которые мы обгоняли, несмотря на то, что я могла молчать сколько душе угодно, пока дракон сухо рассказывал где у нас что из растений и живности, и в какой стороне Анидат, а в какой Долина Драконов. А я слушала и не могла не признать, что Аодх, действительно, много знает, а я...

Я не видела ничего, кроме города, где жила. Я спокойно ждала, пока отец позволит мне вместе с ним путешествовать, а отец, — я только сейчас поняла, — наверное, ждал, когда выйду замуж и успокоюсь. Если бы он хотел для меня драконьей свободы, вряд ли ограждал от драконов, а мама вряд ли тратила время на то, чтобы научить меня хорошо готовить при моих минимальных задатках вести хозяйство. И, наверное, только из-за меня они и не жили вместе. Я плыла по течению, а когда течение изменилось и меня понесло в края, о которых мечтала, я отчаянно захотела обратно.

Замуж я, по-прежнему не стремлюсь, но... что я об этом знаю?

Женищины-корри после замужества взваливают на себя стирку, готовку, уборку, воспитание детей. В общем, все. Кроме этого, считается за удачу, если найдут работу. Их мужья тоже работают, но в быту бесполезны, и хуже того — привередливы. Помню, одну из наших соседок муж бил сковородкой по голове и спине, если ужин был недосоленным или

подавался не вовремя, а взрослые дети капризничали, что им нечего надеть из-за ее неряшливости. Она долго терпела, работала только для них, а потом совершенно неожиданно стала легал и ушла из семьи. Как у нее это вышло, не знаю, но от пут гнетущего брака она избавилась. Крылатые не общаются с корри. Крылатые выше этого. Вот тогда и муж, и ее взрослые дети взвыли и поняли, что потеряли, но она не рискнула ради них белыми крыльями.

А другая соседка каждый год рожала мужу детей, пока он не испугался и не бросил их вшестером в маленьком домике, причем осенью, с протекающей крышей. Папа, которому я рассказала об этом, спалил новый дом изменника, где он поселился с молодой и бездетной любовницей; и когда та его бросила, блудный муж вернулся, сделал еще одного ребенка жене и снова пропал. Говорят, его кинули в Наб за долги, а оттуда возвращаются редко, так что так и тянет его жена на себе всех детей, света не видит.

А еще одна опалила на тяжелой работе руки и муж выгнал ее, сказав, что дармоедов не держит, хотя до этого, — мама рассказывала, — добивался ее почти четыре года, все уговаривал принять от него жемчуг. Эта женщина какое-то время жила у нас, а потом, когда раны на руках начали заживать и оказались не так страшны, муж пришел за ней, снова ввел в дом.

Меня всегда поражала безропотность женщин, с которой они принимали хамство, измены, грубость своих мужчин. Я слышала, что бывают счастливые пары и вроде бы даже встречаются среди корри, но сама их не видела, так что для меня счастливых пар как бы и нет.

А Аодх говорил, что у них жена не готовит дракону, и я, думаю, он не лжет. Все три дня, что мы вместе, я ведь палец о палец не ударила. Он добывает пищу, он готовит, он присматривает за тем, чтобы со мной ничего не случилось страшной самого похищения, он наколдовал мне одежду и даже торговаться не пришлось, перенес из моей комнаты косметику. Он заботится обо мне.

Он.

Может, не так уж плохо быть замужем за драконом? Если, конечно, любишь...

Дракон не лез в мои мысли с комментариями, вообще вел себя прилично, и я бы подумала, что он и не в курсе, какие странные размышления меня вдруг накрыли, если бы не его взгляд по возвращении. Я зашла первой в пещеру, переделалась в сандалии, кимоно, а потом зашел он, мой похититель, и посмотрел на меня так, словно во мне одной средоточие всех надежд, словно я — весь мир для него. И что самое странное, я не могла, не хотела притворяться, что не заметила, что не поняла и мне все равно.

Более того, я с затаенным удовольствием наблюдала, как без единого жеста Аодха в пещере проснулся огонь, как на вертеле закрутилась птичка, и меня переполнило чувство восторга, что ведь это он. Это делает он! Для меня!

Мелькнула странная мысль, а что если... Нет, он выглядит великолепно, и уверена, это заслуга долгих полетов и тренировок. Но что если на самом деле он тогда мне соврал, чтобы понравиться? Может, сказать ему, что брюнеты мне, конечно, более симпатичны... теоретически... но такая мелочь — это не главное? Может, ему трудно удерживать ради меня эту форму? А блондином он тоже хорош, просто... немного другой, вот и все. И вообще, а если бы я сказала, что мне нравятся лысые?!

Аодх подошел ко мне, ласково прикоснулся пальцем к щеке, провел им вниз, приподнял мой подбородок и без предисловий или ответов на ворох моих вопросов поцеловал. Этот

поцелуй отличался от предыдущих. Те были нежными, позволяющими робеть, дающими шанс отвернуться. Этот давил малейшее сопротивление напористостью, являя собой заявление прав, которые я не признавала, но над которыми... стала задумываться...

Руки Аодха скользнули мне на спину, затанцевав причудливый танец и прижимая в танце к себе, ближе, еще ближе... Они обжигали мою кожу, заставляя дрожать, желать большего, забыть, что мы в пещере, где из уюта только костер, забыть, что я здесь не по собственной воле. Сейчас, в эту минуту, моя воля принадлежала мне, и если я не хочу... Но зная, что у нас не так много времени вместе, и раз уж мне все равно влетит от папы за плохое поведение, за то, что заставила волноваться...

Приподнявшись на цыпочках, я обняла Аодха за шею, и мягко прикоснулась языком к его, отчего дракон захрипел и оборвал поцелуй. Открыв глаза, я недоуменно уставилась на плащ, в который он опять завернулся, а потом уже, поборов первое удивление, подняла взгляд к черным глазам.

— Немного увлеклись, — сипло сказал дракон, — птичка чуть не сгорела.

По мне так и черт с ней, но дракон отошел, протянул руку в костер, спасая птичку, и отдал ее мне. Такое ощущение, что лень его одолела поймать для меня еще одну, если что. Ну ладно, поем, сделаю дракону приятное, а то вон как мечется и косится на выход.

— Ты поохотиться хочешь?

— Что?

— Если хочешь — лети, все равно я отсюда никуда не сбегу.

— И правда, пролетаться, что ли? Заодно и воды наберу.

— А вода далеко?

— За курнабусами, не видела? Там маленький ручеек, но очень проворный и прохладный.

— И смелый, — похвалила я.

Несмотря на то, что ручей не птичка и я, в общем-то тоже, но ни за что бы не полезла между этими плотоядными кустарниками.

— Да, пролетаюсь, — решил дракон. — Надеюсь, поможет...

— От чего?

Аодх посмотрел так, словно я рассказала пошлый анекдот при его родителях. А, кстати, вот интересно...

— Я улетел! — дракон метнулся на выход, и только и слышали его крылья.

И что, вот так взял и оставил одну?

Дожевав птичку, я как раз поднялась, собираясь выйти из пещеры и понять в чем подвох, когда услышала звук драконьих крыльев. Ну вот, я так и думала. И даже успела накукситься и разозлиться на полный контроль, когда в пещеру зашел вовсе не Аодх, а посторонний мужчина.

— Привет, — я облегченно выдохнула, узнав в нем дракона под лунный камень.

Все в той же черной рубашке, в тех же брюках, что и несколько дней назад. Ничего в нем не изменилось, разве что взгляд. Дракон глазел на меня, причем так, словно впервые увидел, что они тогда своровали.

— Аодх улетел, — сказала я, и отметив странное поведение гостя, на всякий случай добавила, — недалеко.

Дракон нервно оглянулся, шагнул назад и замер, закрыв глаза. Я вспомнила, что иногда лучшая тактика с психами — сделать вид, что ты не подозреваешь в них психов, и начала

беззаботно болтать.

— А знаешь, мы сегодня летали над местностью. Оказывается, здесь красиво. Я даже рада, что увидела это, а то когда бы еще... Анидат — бесподобен, но папа прав, в нем нет раздолья, а здесь... Кстати, а тебя как зовут? А то, знаешь...

Дальнейшая моя речь была заглушена таким страшным ревом, что спасая барабанные перепонки, я закрыла уши руками. Но никак не могла закрыть рот, в ужасе наблюдая, как что-то огромное молниеносно рвануло из пещеры гостя Аодха, судя по звукам, оттащило его в сторону и, наверное, приговорило к смерти, потому что рев разбавился хрипом.

Я знаю, что для собственной безопасности лучше забиться в угол и ждать, но не могла же я бросить гостя на растерзание и вообще, что я скажу Аодху, когда он у пещеры застанет останки друга? А если прилетит слишком поздно, то и мои...

А, двум смертям не бывать. Я выглянула — никого, но по затихающему рычанию и хрипу отбивающегося (фух, все еще жив), свернула влево. Никого. Прошлась по плато, с каждым шагом чувствуя все большую храбрость — никого. И уже хотела разворачиваться обратно, когда услышал слабый хрип над собой.

Я подняла голову и увидела парящих в небе драконов — под лунный камень и авантюринового. Аодх грозно рычал на своего приятеля, а тот даже не пытался бороться, хрипел и кивал, хрипел и кивал.

— Эй! — крикнула я, устав смотреть вверх. — Приземляйтесь!

Лунный дракон послушно бросил взгляд вниз, но тут же получил такой удар, что отлетел на сотни метров, да еще кувырком. А пока он проверял все ли крылья целы, авантюриновый спустился, сменил сущность и направился ко мне. Очень хотелось убежать в пещеру, но я не поддавалась панике. Я ожидала чего угодно — что он будет возмущаться, что будет отмалчиваться, нагнетая обстановку, но он покаянно и как-то слегка виновато сказал:

— Я — идиот.

— Ты повторяешься.

— Да.

— Но ты же терпеть не можешь повторяться.

— Поверь, быть идиотом мне тоже не очень нравится.

— Верю, но помочь ничем не могу.

— Можешь.

— И как же?

— Смени кимоно на джинсы и майку.

— Ты уверен, что это поможет?

— Ненадолго, пока Кероп не улетит.

Ну ладно, хоть немного облегчу его страдания, а то прямо с лица сошел, так испереживался. Я зашла в пещеру, скинула кимоно, надела джинсы и майку.

— Готово! — объявила громко.

Аодх начал заходить, следом за ним Кероп, но оба дракона остановились на пороге, а Лунный поспешно закричал:

— Я закрывал глаза! Как и тогда, я закрывал глаза!

— Что это значит? — требовательно спросила я. — Если ему так неприятно меня видеть, пусть выйдет, или могу уйти я, пока вы наобщаетесь.

— Он выйдет, — Аодх толкнул приятеля в бок, и тот послушно попятился, — а ты переодень красную майку. Нет, — уловив мой взгляд, добавил, — лучше, если ты наденешь

свою. Так и Керопу и мне будет спокойней.

Нервы Керопа и Аодха меня волновали мало, а вот свои я поберечь не против. И так с ума можно сойти от таких новостей — некоторые драконы от красного цвета просто в ступор впадают, а некоторые настолько кровожадно-гостеприимны, что лучше не приходить.

Помнится, мне вместо сказки на ночь мама в детстве рассказывала, что возле одной из папиных пещер валяются кости, но тогда я решила, что это так, для солидности. А теперь вот подумалось, может, это были папины гости, но их некому было разнять?

Глава № 8. Удачная сделка

Глава № 8. Удачная сделка

Лунный дракон после сытной трапезы, разделенной с нами, вальяжно развалился у костра и игнорировал все намеки Аодха, что ему пора и он загостился. Я не сомневалась, что авантюриновый если бы действительно захотел, легко мог заставить приятеля убраться вон, но создавалось ощущение, что одному лень выгонять, а второму — хотя бы подняться.

Мне же Керопа, после стольких вкусовностей, которые он принес, выгнать даже в голову не приходило: и овощи, и фрукты в корзинке, и все уже вымыл, чтобы к ручью не бегать, и нож принес, чтобы все культурно. Золотой гость! Да пусть бы хоть каждый день прилетал, особенно если меня здесь не будет, потому что его странное приветствие я все еще не забыла. Правда, Керопу удалось меня расположить засушенными лепестками драконьей лилии, из которых он заварил чай. Удивительный вкус, чуть терпкий, чуть сладкий, несмотря на отсутствие сахара, и прохладный, несмотря на то, что припекает язык, а еще от этого чая тянуло улыбаться всему миру, даже насупленному и наблюдающему за мной Аодху.

Ревнует, что ли?

Мне бы злиться — я прав на ревность не давала, а я давлюсь смехом. А, может, мне смешно и не от чая, а от рассказов Керопа. Оказывается, он дважды воровал девушек, но пока долетал до Долины Драконов, успевал в выборе разочароваться. Меня такое непостоянство невероятно удивляло, и я все пыталась выяснить в чем причина разочарований.

— Да нечего там рассказывать, — юлил дракон, переглядываясь с Аодхом.

Но я настойчиво утомляла его вопросами.

— Ну... там... эээ... — тянул Лунный и подливал мне новую порцию чая, лишь бы молчала. Ага, как же! Ну, а вдруг он расскажет такое, что и мне пригодится? Тогда Аодх меня бросит сам, я вернусь к маме, и никто не умрет. Привыкла я к некоторым чешуйчатым, пусть живет, а? Пусть рассекает небо сильными крыльями, пусть целует других девушек, более доступных, пусть... Главное, чтобы жил.

Я старательно игнорировала взгляд Аодха, чувствовала, но игнорировала. Лучше поговорю с Керопом, подразню его, понадою. С ним мне проще и легче, и вообще, он отвлекает от сложных мыслей, а Аодх...

Не выдержала — посмотрела и обожглась, настолько горячим был взгляд. В нем, несмотря на агатовый цвет, зрело пламя, тянулось ко мне, влекло. Вспомнились поцелуи, вспомнился жар, который охватывал меня, оберегая, впитывая, поглощая, даря. Да, я знала, что все это нереально, что так не должно быть и что рядом с ним начинаю понемногу терять голову, но... Но мне, кажется, нравится быть рядом с ним...

— Ну, а все-таки? — заставила себя снова переключиться на Керопа, и дышать стало легче. — Вот похитил ты девушку, летел с ней, летел, интересно, что она сделала такого, что ты понял: она тебе не подходит?

— Оооо, — хитро улыбнулся дракон, закатив глаза, — что она только не делала!

— Эээ... то есть... ну.... - замямила уже я. — Я правильно тебя понимаю?

Я на пальцах пыталась дополнить свою мысль, но Кероп глаза еще не открыл, пребывая в воспоминаниях, так что подсказки не видел.

— Если Аодх зря времени не терял, — протянул Лунный, — то, наверное, ты понимаешь правильно. Но уточнять не рискну, а то герцогиня и на этот раз никого не дожждется.

— Ты летишь в Анидат? — я старалась, действительно, старалась, но голос все равно меня выдал.

— Ну, кто-то же должен.

— Танцевать на балу?

— Какой еще бал?! — встрепенулся дракон. — Я на бал не подписывался!

— А драконы что, не танцуют?

— Танцуют, — обнял меня Аодх, и я с благодарностью прижалась к нему спиной. Так сидеть гораздо теплей и удобней. — Очень редко танцуют, но божественно и волшебно.

Нет, держите меня четверо! Я, конечно, тренировалась на папе не смеяться, когда кого-то заносит от хвастовства, но не выдержала. Эти драконы неповторимы в своем самомнении! Божественно! Волшебно! Да уж...

— Я тебе покажу, — шепнул Аодх, и шепот вышел таким... доверительным, интимным, многообещающим, что я мгновенно перестала смеяться, а Лунный вытаращил сапфировые глаза.

— Ты?! Станцуешь?! Я должен успеть вернуться, чтобы это увидеть! Когда вы планируете лететь в Долину Драконов?

— День, наверное, еще здесь, потом как получится, — ответил Аодх.

— А, ну тогда я успею, — разулыбался Кероп.

А я вот понять не могла драконьей логики. Мы к этой пещере летели почти два дня. Значит, Керопу махать крыльями как минимум двое суток только в одну сторону, я уже не говорю о том, чтобы там все уладить. Не списываем со счетов моего папу. И он что, действительно, рассчитывает успеть вернуться? И вообще рассчитывает, что так и будет: Долина Драконов, танцы и все такое?

— Драконы очень редко танцуют, Доди, — сказал за спиной Аодх. — Но каждый их танец несет в себе столько энергии, что заряжает ею все живое на несколько миль. Это настоящее волшебство. Самым красивым и сильным считается танец, который дракон дарит своей саинтэ, но только от самой саинтэ зависит, каким будет этот танец.

— В смысле?

— Чаще всего это танец жизни. Я хочу станцевать его для тебя.

Чаще всего... то есть... не всегда. А что...

— Иногда дракон танцует танец прощания, — ответил Аодх.

— Значит, дракон все-таки может отпустить свою саинтэ?

— Нет.

— Но тогда... как?

— Если саинтэ его отпускает, у дракона нет выбора.

Что-то я немного запуталась. Отпустить дракон саинтэ не может, только она его... А вот я... Я же не держу Аодха... Да... Не держу... И, наверное... это выход... Если я его отпущу...

— Аодх...

— Нет, — рассмеялся дракон, осыпав мою шею поцелуями, — так это не работает!

— Ну а как? — развернулась в его объятиях и тут же получила поцелуй в губы. Получилось, словно я специально к нему повернулась, словно хотела...

— Ты хотела, — самодовольно поддакнул Аодх. — А о танцах ты все поймешь позже, когда сделаешь выбор.

— Но я сделала! Ты свободен!

— Нет, не сделала, — еще один поцелуй, — у нас пока есть время избавить меня от свободы.

— Аодх, ты... — задохнулась под натиском губ и деликатное «хке-кхе» за спиной не могло меня оторвать от дракона. Отпустил сам, заглянул в глаза и недовольно уставился на Керопа, глазеющего на нас так, будто мы ему наступили на хвост.

— Засиделся я у вас, — проворчал Лунный.

— Точно, — согласился Аодх.

— Нет, нет, — поспешно возразила я, приходя в себя от головокружительных поцелуев. Ну это же так, баловство, напоследок, так что могу себе позволить. — А про девушек рассказать?

— Да не помню я уже почему их бросил, — отмахнулся Лунный, — а выдумывать лень. Вот если еще одну украду, расскажу тебе все в подробностях, если, конечно, твой муж не будет против.

И черт меня дернул покоситься на Аодха. Он ведь мне и не муж вовсе! А тот и доволен, посмеивается и еще бережней к себе прижимает, мол, можешь говорить все, что хочешь, а я пойму так, как надо. Вот только кому надо — вопрос. Моих слов и благих намерений он явно не понимает. Украд бы Сайв — и все бы у них было тихо, спокойно и...

Стоп!

Сайв...

— Эээ... Кероп... — окликнула я дракона, медленно идущего к выходу из пещеры. То ли, действительно, засиделся так, что ноги еле плетутся, то ли не наелся, а мне и на руку. — А как ты смотришь на то, чтобы украсть мою подругу?

Кероп молниеносно обернулся, глаза опасно блеснули. Аодх покачал головой и остужая пыл дракона, выдал правду:

— Ты не дослушал до конца. Доди вовсе не имела в виду, чтобы ты поступил с ней, как с другими девушками.

— Аааа, — разочарованно протянул Лунный, — зачем она мне тогда?

У меня не было времени разозлиться на авантюринового, что не просто лезет в мои мысли, но и озвучивает. Так хотелось уговорить Керопа, убедить его украсть Сайв, потому что я только что чисто случайно придумала, как сделать так, чтобы лживое предсказание ведьмы стало правдоподобным!

— Кероп, — я поднялась, хотела подойти ближе, но Аодх удержал, зато поднялся следом за мной. — Ну, что тебе стоит украсть ее?

— Да в общем-то ничего, — согласился тот, — но ведь потом тащить ее на своей шее!

— А это тяжело? — я обернулась к Аодху, но он отрицательно качнул головой.

— Своя ноша не тянет, — пояснил Лунный, — а так просто с чего бы мне утруждаться?

— Понимаешь, — я пыталась найти слова, чтобы уговорить, потому что предложить-то мне нечего, а у подруги судьба решается, — Сайв мечтает выйти замуж за дракона, она так этого ждет, а у нас из драконов за многие годы был только мой отец да вы.

— Нет, не хочу воровать, — мотнул головой Кероп. — Я ее видел, слышал, она мне никто, просто развлекся вы не даете... А раз она еще и замуж рвется, это мне вообще не подходит.

— Но ведь не обязательно за тебя! — убеждала я. — Ты ее только укради и доставь в Долину Драконов.

— Хорошее дело, я воруй, тащи, а кто-то раз и взял подарочек? А мой интерес в чем?

Глаза Керопа горели в предвкушении поторговаться, только что мне ему предложить? За спасибо дракон и когтем не пошевелит, не говоря уже о том, чтобы натереть себе шею. И просить не хотелось, и голова начала раскалываться, но я продолжала искать вариант. А он обязательно должен быть! Потому что перед глазами так и стояла картинка, как подруга смотрит мне в след, когда дракон выбирает меня, и мы улетаем. Я не предавала ее, но она считала иначе, и действительно, если бы меня рядом не было, у нее были шансы...

— Нет, Доди, — прервал мои размышления авантюриновый, — я бы все равно не выбрал ее.

А я вместо того, чтобы разозлиться, что опять влез не вовремя, повернулась к нему, провела рукой по щеке, по длинным волосам, прижалась сама и без особой надежды спросила:

— Но что же мне делать? У меня больше нет подруг...

И услышала то, от чего сердце забилось быстрее, а надежда расцвела драконьей лилией.

— У тебя есть я. И я все улажу.

— Правда?

— Правда, — прикоснулся к моей щеке, словно возвращая мое прикосновение, словно благодаря за него, потому что сама, добровольно...

— Эээ, нет, — резко повернулся к выходу Кероп, — что-то мне уже разговор этот не нравится. Всем пока! Был рад повидаться!

Я едва не крикнула ему вслед, но Аодх качнул головой, мол, не надо, и сам не спешил останавливать гостя. Кероп вышел из пещеры, махнул пару раз крыльями, а уже через секунду вернулся обратно.

— Ладно, — скривился, глядя на непроницаемое лицо Аодха и мою явную радость, — ваши предложения? Уговаривайте меня! Уговаривайте!

— Логично, что воровать девушку для кого-то другого не комильфо, — сказал мой дракон. — И для того, чтобы это сделать, нужны более веские основания, чем просьба саинтэ лучшего друга. И даже тот факт, что лучший друг — колдун и умеет быть благодарным — тоже не самый убедительный довод.

Кероп кивнул, но неуверенно, а я уже не могла никак спрятать подступающее счастье и улыбалась вовсю. Да, Аодх умел договариваться и делал это так, чтобы собеседник сам оценил преимущества, которых вроде бы и не видно. Мое восхищение похитителем достигло опасного пика, когда он все испортил буквально одной фразой.

— Кероп, думаю, красной майки Доди будет достаточно, чтобы подсластить тебе пилюлю.

Это аут!

Да сейчас стены затрясутся от смеха и рухнут нам на голову!

А, может, и хорошо, пусть лучше стены возьмут на себя смертоубийство, чем я.

Прости, Сайв, я, правда, старалась...

Но к моему удивлению, Кероп задумался, всерьез задумался, бросая на меня опасливые взгляды и тут же отворачиваясь, мол, вышло случайно. А потом заметно повеселел и выдал:

— Две майки, и я прямо сейчас улетаю.

— Одна, а улетаешь ты и так прямо сейчас, — отрезал Аодх.

И по его серьезному виду было понятно, что на уступки он не пойдет. А я... А я бы возмутилась, конечно, потому что торг идет моими вещами и без моего участия, но ради Сайв подавила негодование и поспешно выпалила:

— Да я и кимоно отдам, если оно на Керопа налезет!

— Он не на себя будет примерять, солнышко, — ухмыльнулся Аодх.

— На Сайв моя майка тоже будет мала, — сказала я озадаченно, — и вообще, я немного не понимаю...

Точнее сказать, ничего не понимаю, но сейчас главное — не выяснение отношений, а сделка. Я вывернулась из объятий Аодха, взяла майку и протянула Лунному — пусть присмотрится, подержит в руках, а когда психологически уже начнет считать эту вещь своей...

— Ну, что, берешь? — я бесцеремонно отобрала у него майку, спрятав за спину. Взгляд дракона приклеился к моему телу. Минутные раздумья — и после рыка Аодха дракон очнулся, моргнул.

— Ладно, — вернул майку в свои руки, — но если твоя подруга откажется ее надеть, пусть и дальше сидит в городе.

— Но как... — договорить я не успела. Аодх даже не прикоснулся к майке, но когда Лунный в очередной раз ее растянул, любясь, майка заметно увеличилась, и такая, пожалуй, в аккурат сядет на Сайв. Но я все равно сомневалась, что подруга станет ее надевать. Как-то это странно — прилетает дракон, ворует, требует, чтобы на лету переделалась, или немедленно вернет обратно. Ну, кто бы согласился на шантаж?

— Тот, кто хочет замуж за дракона, — ответил Аодх.

— А если... — я повернулась к авантюриновому, — а если ни один из драконов не признает в ней саинтэ?

— Это не обязательное условие для замужества, но свою жизнь дракон свяжет только с саинтэ.

— То есть, однажды дракон даже после свадьбы может просто уйти?

— Улететь, — поправил Аодх.

И мне, конечно, представился не самый радужный вариант событий. Вот Сайв прилетает в Долину Драконов, сходится с одним из ее жителей, пусть даже выходит замуж, а ее дракон в одно прекрасное утро, махнув крылом, улетает, оставив ее на высокой скале. И что дальше? А ведь меня рядом уже не будет, чтобы помочь. А если она успеет родить от дракона ребенка?

— Насколько я знаю, корри и легал тоже расходятся, — заметил Аодх, — а драконы могут расстаться с матерью, но детей обычно не забывают.

Что-то было в его словах, что заставило меня поднять взгляд и внимательней присмотреться, но... Аодх оставался спокоен, невозмутим, если не считать мягкой улыбки, чуть насмешливой, но так успокаивающей и для меня, что аж страшно — как я быстро к нему привыкла...

Ой, а вот это я зря подумала!

Но уже не вернешь... Услышал... Понравилось... А мне — вот глупые мысли, нет бы один раз выдали и успокоились, так закинули в воспоминания, где звучали слова Аодха, что с каждым днем я все больше буду к нему привыкать, с каждым днем все больше буду к нему тянуться...

Не солгал.

И мне было жаль и тревожно, что не солгал, а еще — было чуть-чуть, самую малость, приятно.

— Вы меня задерживаете! — возмутился Кероп, а я вообще удивилась, что он еще здесь. — Доди говорила, что готова отдать и кимоно! — пояснил задержку полета дракон.

— Да бери, — я махнула рукой в сторону своих вещей, — но Сайв кимоно точно не наденет.

— А если наденет, — продолжил Аодх, — велика вероятность, что ты на ней все-таки женишься.

— С чего вдруг? Подумаешь... с другими было... ээ, — быстрый взгляд на меня и несуразный танец пальцами. — Эээ... все было и ничего!

— Она не другие, а подруга моей саинтэ, а я...

— Ай, ладно, я прекрасно помню, что ты мой друг и колдун, — приуныл Лунный и в полной грусти вышел из пещеры, махнул крыльями и улетел.

Мы с Аодхом стояли у самого края скалы, он меня крепко обнимал, я тихо радовалась удачной сделке, а когда хвост его приятеля растворился среди облаков, и мы остались одни, я спросила:

— А теперь скажи мне, пожалуйста: что с одеждой, которую ты мне подарил, не так?

И этот хищник, это зверь чешуйчатый, этот смелый воин, отвел покаянно глаза. И мне стали понятны и его терзания, мол, он идиот, и причины, по которым он укутывался в плащ, и дикие взгляды, и странная реакция Керопа на красную майку. Захотелось увидеть меня без одежды?

Увидел, надеюсь, насладился, но...

— Знаешь что? — прошипела я, обнимая его за шею. — Твой друг Кероп далеко не сразу закрыл глаза.

И ушла в пещеру, не оглядываясь, а он пусть воет, пусть зовет, пусть бесится, пусть устраивает камнепад. У меня самой внутри все переворачивается от обиды на него. Захотел развлечься — ну что ж, надеюсь, развлечение того стоило. Жаль, что не было другого способа привести Сайв к драконам, но ради мечты потерпит, переживет. Что поделать, если драконы действительно твари? И я догадывалась, когда начался торг, но не верилось.

Аодх...

Не хочу его больше видеть, слышать его не хочу. А я уж было начала думать... а впрочем... пустое... все к лучшему.

Когда злишься, легче уйти: прощаться не нужно.

Глава № 9. Папа

Огонь, весело потрескивая, съедал мое кимоно, а вместе с ним и горечь разочарования. Да, я знала, что драконы наглые, лживые, ни перед чем не остановятся ради цели, но... Так странно, с Аодхом мы знакомы всего несколько дней, да и началось знакомство с похищения, но мне казалось, с каждым часом мы становимся ближе...

А выяснилось, что я его ни капельки не знаю, и эта фраза, сказанная им всего два дня назад, мол, увидь меня настоящего...

Она что? Пустота, пафос, блестящий фантик, потому что настоящим я дракона и не видела. Забота его и услужливость теперь выглядели притворством, и не удивлюсь, если вдруг окажется, что жизнь драконьих жен ничем не отличается от корри. Обязанности, дети, каторжный труд, пока супруг парит в облаках — неплохо, правда? Заманить в ловушку, порассказав сказочек, усыпить бдительность показной заботливостью и улететь, сделав дело. А как же? Он нашел саинтэ! Герой! Счастливчик! А дальше уже ей расхлебывать...

Спасибо папе, что меня сия чаша минует, а сколько тех, кому не повезло раскусить обман в самом начале? Сколько тех, кто поверил в эту чушь про единственную и все такое? Папа прав: драконам верить нельзя, если только дракон не твой папа.

Странные мысли мелькают, смешные, от которых почему-то хочется плакать. Становимся ближе... да уж...

В огонь отправился крем для пяток — горит-то как хорошо! А на душе все равно скверно, еще и этот грохот камней на улице. Можно подумать, если кто-то из одной горы сделает две, я его прощу.

Можно подумать, кому-то нужно мое прощение.

Уже, наверное, полчаса воюет с камнями, пока я разбираюсь с подарками. Или дольше. Не знаю. Мне все равно. Да пусть хоть сам ими завалится!

Хотя...

Нет, пусть живет. Пусть, и если я, действительно, его саинтэ... Да, пусть живет. Сам по себе. А чтобы не нашел меня, чтобы не думал, что меня просто вернуть, я попрошусь жить с отцом. К нему не подступишься, ему глаза иллюзией не закроешь, его не обведешь сладкими словами, он не такой доверчивый, как я. Ну, я-то полукровка, хотя и для меня непростительно вот так, взять и поверить незнакомцу, и спать в его объятиях, и целоваться, и желать поцелуев...

Даже вспоминать стыдно.

В огонь отправилась пенка для умывания. Следом полетели красная майка, расческа, пакетик. Иллюзии нет. Так просто. И доверия больше нет. Так правильно. И так пусто. И тихо — камнепад прекратился, то ли камни закончились, то ли кто-то выпустил пар, то ли выдохся. Не оборачиваясь, я четко знала, когда у входа в пещеру появился Аодх. И так же четко знала, что он стоит, прислонившись к одной стороне и смотрит на огонь, а не в спину. Я специально села так, чтобы не видеть его, чтобы не ждать подсознательно, когда его фигура заслонит собой свет, и чтобы не думал, что жду.

Аодх присел напротив меня, потянулся к рукам, но я спрятала их за спину. Осторожно расцепил мои руки, все равно взял в свои, уселся поудобней и уставился на меня, ожидая... чего? Скандала? Его не будет. Отношения выясняют небезразличные друг другу, а мы —

попутчики. Слёз? Увольте. Позволить себе быть слабой можно при тех, кому доверяешь.

Тогда чего он ждет?

Не знаю.

Знать не хочу.

И я молчала, тяготившись молчанием и взглядом дракона, мечтая взмахнуть крыльями и улететь прочь, не выжидая, когда меня спасут, и понимая, конечно, всю тщетность этих надежд. Крыльев у меня не будет еще ближайшие лет тридцать как минимум, а пока их нет, я связана с одной стороны — лживым драконом, а с другой — скалами, в которые он меня затащил. И этот взгляд... проникающий в душу, зовущий, просящий... Но драконы не умеют просить... Вот снова придумала себе, накрутила...

— А я прошу, — услышала голос Аодха.

Его руки чуть сильнее сжали мои, а потом ладони обожгли быстрые поцелуи и шепот, в который я не могла поверить.

— А я прошу... чтобы ты простила... чтобы поняла... чтобы дала еще один шанс... чтобы поверила...

И к моему стыду, захотелось расплакаться, и все равно, что при нем, и все равно, что, казалось бы, я победила. Я — корри, заставила дракона просить! Но мне не было радостно, и даже голос выдавал мое перевернутое вверх дном состояние.

— Я не могу поверить, что ты это сделал, — прошептала я.

Дракон поймал мой взгляд и теперь смотрел не мигая, удерживая какой-то силой, названия которой я не знала.

— Я сам наказал себя, — придвинулся чуть ближе, обволакивая теплым дыханием. — Не представляешь, как тяжело было сдерживаться рядом с тобой и не прикоснуться.

Я только и успела, что вопросительно посмотреть на него, как он продолжил.

— Прикоснуться в полном смысле этого слова — сделать своей, овладеть, заявить права. Не представляешь, как мучительно было смотреть, как ты спишь и бояться пошевелиться, чтобы не испугать, чтобы ты не почувствовала, как сильно я желаю тебя.

Мои щеки опалило жаром, но я надеялась, что в пещере это останется незамеченным. Все эти ночи я спала рядом с драконом, но у меня даже не мелькнуло мысли, что он может зайти дальше, чем поцелуи. А ведь отец не зря говорил, что если бы меня украл дракон, я бы уже носила под сердцем дракончика. Чего-то я не понимаю, чего-то не улавливаю...

— Твой отец прав, — придвинувшись еще ближе, практически баюкая меня в своих руках, сказал Аодх, — если бы тебя украл любой другой дракон, скорее всего, так бы и было.

Я невольно отшатнулась, но Аодх снова вернул меня к себе.

— Драконы очень... — Пока он подбирал более-менее деликатное слово, у меня успели созреть варианты: «настойчивы», «неудержимы в сексе», «непереборчивы». — Любвеобильны, — сказал Аодх, и невинно приподнял брови на мой вопросительный взгляд. — Но когда они встречают саинтэ...

Вот не поверю, что их сексуальные аппетиты уменьшаются, не поверю, хоть ты тресни. Правда, мой отец — наполовину демон, но все же...

— ... Они берегут ее, — с улыбкой закончил дракон, и распустив мои волосы, стал перебирать пряди. Ну да, расчески у меня уже нет... — Они заботятся о ней. Они живут для нее.

Что-то не сильно верится, что когда я улечу с папой, дракон бросится со скалы в отчаянии.

— Они надеются, что саинтэ сделает правильный выбор.

А с выбором вообще туман. Или у меня сумбур в голове от того, как ласково дракон проводит ладонями по волосам? И двинуться не могу, и отстраниться, и разозлиться не получается.

— Я думал, что если увижу... просто увижу тебя всю, мне станет легче, но я — идиот...

— Ты повторяешься.

— Да, знаю, — покаянный вздох, — но этой ошибки я больше не повторю, Доди.

Мне все еще было удивительно слышать свое имя из его уст. Не знаю, как объяснить, все мы по-особенному реагируем на свое имя, но произнести его можно по-разному. Аодх произносил его так, словно вкладывал не только особый смысл, но и сердце.

— Когда я увидел тебя... когда ты надела эту майку... а когда кимоно...

Он так отчаянно замотал головой, что я подумала: снова языки запутались, но он заговорил раньше, чем я успела залезть к нему в рот с помощью.

— Дракона выкручивает от желания, раздирает на части, выворачивает наизнанку, но он не может овладеть саинтэ, пока она не признает в нем пару, пока она не услышит зов. — Аодх усмехнулся, втянул в себя запах моих волос и продолжил, упоенно закрыв глаза. — Иногда желание такое сильное, что вызывает затмение в мыслях и тогда хватаешься за малейшую соломинку, чтобы облегчить период ухаживания. Я наказал себя сам, Доди, потому что каждая минута с тобой стала напоминать полет без крыльев. Но каждая минута стоила того счастья, что я нашел тебя, и надежды, что ты меня выберешь.

После таких признаний стало немного неловко. У некоторых мучения из-за меня, а я только и думаю, как бы сбежать. Вернее... мелькают и у меня грешные мысли, но...

Дракон уставился на меня, снова гипнотизируя темными глазами.

— Мелькали! — поспешно исправилась.

И все равно он самодовольно улыбнулся, так, словно я наобещала ему пошленького и побольше.

— Хорошая была иллюзия, — перевела разговор на другую тему, чтобы сбить с него эту улыбку, чтобы напомнить, что вообще-то я в сильной обиде.

— Зря ты спалила косметику, — ничуть не смутившись, сказал Аодх.

О майке и кимоно ни слова — интересно, с чего бы? Косметика была почти... эм... настоящей или стареется лишней раз не нервничать, что его приятель видел мою обнаженную грудь?

Дракон протяжно, но негромко взревел, будто ему хвост отдавили, развернул меня спиной к себе, заставил облокотиться и принялся плести косы. От неожиданности я обернулась, но он вернул меня обратно.

— В период ухаживания драконам запрещено пользоваться магией, — от тихого голоса и действий Аодха я совсем расслабилась и закрыла глаза, только лениво и про себя поинтересовалась: а что, все драконы колдуны? Я думала, Аодх в долине такой один. — Некоторые драконы, в основном, очень древние, обладают задатками драконьей магии. Это не делает их колдунами, конечно, но что-то элементарное они в состоянии намагичить, к примеру, напустить чары.

Я инстинктивно насторожилась, но отбросила смятенную мысль. Что-что, а на чары наши отношения не похожи, иначе я бы с одержимостью думала, как его удержать и расположить, а не как сбежать.

Наградив меня поцелуем в макушку, дракон продолжил историю.

— Запрет на магию в период ухаживания наложен не зря. Если его послушаться, можно привязать саинтэ гораздо быстрее к себе, но ненадолго. Когда чары развеются, удержать ее не получится. Это может произойти через год или лет через десять, пятнадцать, но сама понимаешь, для драконов это в любом случае маленький срок. А если дракон пройдет сам и проведет возлюбленную через все пять испытаний, их пару не сможет разбить даже время.

И не то, чтобы мне корпело стать такой непробиваемой парой с Аодхом, а любопытства ради...

— Мы прошли три, — ответил дракон. — Первое испытание — пищей, второе — кровом. Неужели ты думаешь, я кормил бы тебя так скудно и держал в таких жутких условиях, — взмах рукой, — если бы не крайняя необходимость? С едой, правда, придется еще немного ограничиваться, а вот жилищные условия мы скоро улучшим.

— Каким образом? Драконы ведь живут в пещерах.

— Не все и не в таких, — мне кажется, он поморщился.

— А третье испытание?

— Его мы тоже прошли.

Хитрюга!

Еще один поцелуй...

— И все-таки хотелось бы знать, в чем оно заключалось?

Неуловимым жестом дракон развернул меня так, что теперь я лежала на его коленях. Перекинул две сплетенные косы мне на грудь, провел невесомо рукой по ним и со вздохом перестал искушать прикосновениями.

— Третье испытание заключается в том, чтобы не овладеть саинтэ, даже если она так призывно смотрит на своего дракона.

Попыталась увернуться — не дал, а чтобы перестала сопротивляться, склонил голову и поцеловал меня. Думает, я перестану болтать? Думает, я все прощу? Ну вот как-то я и правда чуть подобрела. Чуть-чуть. Наверное, метод действует. А, может, мне показалось?

Дракон поцеловал меня еще раз, уже не дразнясь, а по-настоящему, и столько было нежности в его поцелуе, что вся моя обида и воинственность растаяли, и отстранился он под мой разочарованный вздох.

— А четвертое испытание? — выровняв дыхание, поинтересовалась я.

— Четвертое испытание — это твой выбор.

— Но я ведь уже говорила...

— И я тебе пояснил, что ты еще не выбрала.

— Если это «еще не выбрала», — озадачилась я, — что же тогда из себя представляет выбор? И когда его делать, чтобы наверняка?

Аодх отвел глаза, словно прислушиваясь к чему-то, а когда посмотрел снова, мне показалось, в его взгляде мелькнуло сожаление.

— Гораздо быстрее, чем мне бы хотелось, — сказал он, и как-то моторошно стало от его слов, предчувствие скользнуло скорпионом по позвоночнику. Я понимала, что мой выбор — это освобождение от похитителя, вот только не могла понять, хотелось ли мне на самом деле от него освободиться? Всего четыре дня прошло, а у меня уже большие сомнения, что та жизнь, о которой мечтала до встречи с Аодхом — моя и для меня.

Я так хотела быть под крылышком у отца, дышать свободой на высоких скалах, следить с упоением за его полетами и ждать, когда и я смогу полететь... Я так хотела, и сейчас мечта приблизилась: отец после всего, что произошло и сам меня не отпустит, вот только кто бы

мне объяснил, отчего на сердце нет радости, а наоборот, скверно и страшно, и хочется прижаться и прижать к себе, и молчать, молчать... вдруг нас никто не заметит?

— Но если магией пользоваться нельзя, — я постаралась отогнать липкие страхи, — почему ты создал иллюзии?

— Потому что это не магия, а одна из моих особенностей. Например, как дышать огнем или спокойно сидеть в нем и не поджариваться. Сильную иллюзию я не стал создавать, чтобы не рисковать, — мало ли? — а эта была легкой, видимой только драконам. Кто бы мог подумать, что принесет Керопа?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты. Ты ведь видишь будущее!

— Будущее, за которым подсмотришь, может развернуться, а мне не хочется его спугнуть. Да и другого гостя я ждал, а этот так, залетный.

— А кстати, — и хотя это было некстати, увела разговор в сторону, — Кероп ведь принес целую корзину фруктов и лепестки драконьей лилии! А испытание пищей?!

— Не волнуйся, Доди, — рассмеялся дракон, — овощи и фрукты не считаются. Мясо, рыба — тоже можно. Но пока все. Хотя, нам не целый век поститься.

— А сколько?

Взгляд дракона был очень красноречив. Ага, все ясно. Пока я не сделаю выбор, и пока мы не пройдем пятое испытание, если я, конечно, по какой-то совершенно невыносимой причине останусь, чтобы его пройти.

— А вот интересно, — рассуждала я, — почему иллюзия ощущалась так... реально?

— Потому что реально все, во что веришь. И еще потому, что я очень хороший колдун.

— Ты невозможен! — я заработала поцелуй в нос. — Это твое самомнение!..

Поцелуй в уголок губ, и подстрекающий взгляд, мол, давай, давай, хвали меня дальше, а я отблагодарю.

— То есть, — на шантаж не поддамся, и увиливаю опять, — косметикой можно было спокойно пользоваться?

— Я же сказал: ты зря от нее избавилась, — кивнул дракон.

— Но из чего она вообще была?

— Из твоего желания и моих талантов, — рассмеялся залиvisto, а я невольно залюбовалась им. Красивый, гордый, независимый, и жаль губить его за одну ошибку. Подумаешь, не ту себе выбрал, не ту украл, не с тем тестем связался — а так бы жил.

А как жить мне, зная, что из-за меня, пусть косвенно, но из-за меня он перестанет смеяться, дышать, любить и так проникновенно лгать, что хочется принять ложь за правду?

Драконий смех оборвался. Аодх повернул голову к входу в пещеру, втянул воздух, глубоко выдохнул, закрыв глаза, и когда наши взгляды встретились, я поняла, что папа здесь и мое спасение близко.

— Доди... — дракон намотал косу на руку, ощутил всю ее тяжесть и отпустил, а я вцепилась в его ладонь, пытаюсь удержать, остановить, но только открывала рот, не находя нужных слов.

Аодх поднялся, я попыталась тоже встать, но он заставил меня сесть. Взгляд — и костер активней заработал языками, но спину вместо тепла окутал снег. Я знала, что не нужно отпускать дракона, знала, что он не захочет от меня отказаться и что отец его не пожалеет, но если бы я с ним поговорила, если бы убедила его не убивать...

— Нет, Доди, — покачал головой дракон, — это моя битва за твой выбор.

Он вышел из пещеры раньше, чем я смогла говорить, да и то... какой разговор... так... прохрипела что-то и сама себя не услышала. А с улицы раздавался свист, рев, вой нескольких голосов. Папа... за мной прилетел папа, и самое ужасное — он был не в драконьей, а демонической сущности, а это значит: у Аодха ни единого шанса.

А я...

А что же я?!

Я бросилась из пещеры, споткнулась — да что же здесь раскидали?! Помчалась к выходу, спеша спасти, отбить, просить... и онемела от увиденного, не в силах пошевелиться. Огромный серый монстр плетями ударял парящего в небе дракона, а тот мерцал синефиолетовой чешуей, усыпанной мелкими звездами, пытаюсь увернуться, но не сопротивлялся. Знал ли Аодх, что каждый удар плети вбивает в его сильное тело яд демона? Знал ли, что от этого яда умирают даже драконы?

— Папа!!! — хрипло крикнула я в небо, но плети продолжали ударять, сосредоточенно и с упоением. — Папа!!! Нет!!!

Я была уверена, что отец меня слышал, но не стал отвлекаться, а вот дракон бросил взгляд вниз всего на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы одна из ядовитых плетей обвила его шею.

— Не надо!!! Папа!!! — закричала я, беспомощно оседая на плато и глядя, как дракон с трудом делает взмах крыльями, рвется в сторону, гудит обиженным зверем и падает с нескончаемой высоты.

Вниз.

К смерти, но уже впитав смерть от плетей.

Не хочу! Не позволю! Не отпущу!

Я пошатнулась, спину свело судорогой, колени подогнулись, и я поползла к нему. Хрипя, повторяя его имя, выкрикивая его имя беззвучно и не в силах ползти уже на коленях, а только на животе. Что-то хрустнуло на спине, стало горячо и липко, наверное, я оставляла кровавый след, но плевать! Наверное, у меня отказали ноги, но безразлично!

Я успела подползти только к краю плато, не представляя как я, ползущая тварь, смогу взмыть в небо, чтобы спасти, — мелькала единственная мысль: к нему, к нему, остановить, — когда дракон безжизненным камнем рухнул у основания скалы.

Мне больше не к кому было спешить и незачем. Я свободна. Я спасена. За мной прилетел папа. Дракон мертв и лежит не двигаясь. Отец стоит у меня за спиной и что-то шепчет, и обнимает. Я счастлива. А кто же тогда так отчаянно воет, кричит и шипит? И кто зовет чье-то смутно знакомое имя?

Огонь... огонь...

Кому понадобился огонь, когда я сгораю заживо?

И вдруг я вспоминаю... Аодх... Огонь — это Аодх... И он там, внизу, а я... И я рвусь из объятий отца и ползу по скале, цепляясь непослушными пальцами. И кричу ему вниз, что он снова солгал! Он ведь обещал танцевать для меня! Он уверял, что выбор за мной, а не за глупой смертью!

Но он так далеко от меня, и я склоняюсь ниже и еще чуть-чуть, подползаю к краю, чтобы до него докричаться. И падаю вниз с ядовитой улыбкой.

Вот теперь-то он меня точно услышит...

Глава № 10. Выбор

Глава № 10. Выбор

Сквозь слезы я не видела плети, которой отец обхватил меня, но почувствовала ее обжигающее прикосновение. Рывок — и вот я снова на плато, не в силах перевернуться на спину, жадно хватаю воздух и все равно задыхаюсь. Единственное что удалось — немного подтянуться на расцарапанных до крови ладонях и посмотреть вниз, туда, где упал дракон. Отсюда он казался не авантюриновым, а цвета неба в бурю, и тем страннее воспринималась оглушительная тишина вокруг.

Ни шелеста листьев кровожадного курнабуса, ни взмаха залетной птицы, ни звона ручья... Ни единого звука не было, словно все сговорились, словно вынесли приговор, предали.

Я попыталась приподняться, но ноги бревном потянули вниз, а руки дрогнули и бессильно согнулись в локтях.

Не могу.

Встать не могу, пошевелиться, вытереть бесполезные слезы с щек.

— Доди, — пальцы отца прикоснулись к спине, и я дернулась от вспышки боли. — Доди, — повторил он, и бережно приподняв, уложил на колени к себе.

— Плохо, — шепнула я.

— Что плохо? — он беспокойно начал обследовать мое тело, вызвав новый приступ боли.

— Так плохо видно, — пояснила я, и он убрал от меня плети, которыми все еще обнимал, сменив демоническую сущность на человеческую. Заправил длинную челку мне за ухо, вытер слезы.

Для меня он в любой сущности оставался родным и близким и самым любимым, но я знала, как ему не по душе этот облик. Считал, что в образе молодого мужчины не все, поддавшись стереотипам, заметят его драконью мудрость. А мне нравилось видеть его таким — темноволосым, стройным, жилистым, высоким, а мудрость вне зависимости от его желания читалась в глазах. Они оставались одинаково демоническими и древними в любой ипостаси.

— Лучше?

Я кивнула. Говорить было тяжело, словно меня заставили проглотить горсть песка и не позволили запить водой. Но отец поймет, он всегда меня понимает.

— Ты не хотела, чтобы я убивал его.

— Да.

Закрывать бы глаза и спать, спать, но нет времени на такую роскошь.

— Он... — попытка пошевелиться выстрелила новой болью в лопатках.

— Лежи, — приказал отец. — Жив пока. И прекрати болтать, на это уходит много сил, а они, если надумаешь спасти того дурня, тебе ох как понадобятся.

Я знала, что он слышал меня во время битвы, вот только понять не могла: почему не остановился, а продолжал избивать?

— Ты правда думаешь, что я мог остановиться?! — возмутился отец, легко считав мои мысли. — Любопытно. И это после того, как он заставил тебя расхаживать перед ним голый?!

Еще раз о драконьей деликатности — для тех, кто забыл.

Вообще-то папа не лез в мое личное пространство, но если мне нельзя говорить, а ментальная связь забирает еще больше сил, чем язык — это единственный вариант общаться. Чтение мыслей для отца — такой же пустяк, как и для Аодха, куда серьезней способность видеть прошлое и будущее любой сущности, если это имеет к папе хоть какое-то отношение. А так как я имею к нему отношение самое непосредственное, логично, что он увидел эту историю с подарками Аодха.

— Хороши подарки! И не только этот, подпирающий сейчас пузом землю, но и еще один хвостатый на тебя голую пялился!

Теперь понятно, к чему была жестокая порка дракона, и разубеждать отца, что я простила, бессмысленно. Он не простил. Он злился. Он имел право на месть, и он им воспользовался.

— Вот-вот, — отец сурово сдвинул брови, а я невольно улыбнулась, несмотря на боль, на опасения, что похититель мертв, и боязнь даже думать, почему я не могу пошевелиться.

Мой папа рядом. Он со мной, и больше ничего плохого не случится. Вот выберемся, вытянем дракона в этот мир и...

И что?

Вернуться в Анидат? Просить отца, чтобы разрешил пожить у него, пока у меня вырастут крылья? А дальше? А... Аодх?

— Понятно, — поворчал отец, — успел он, значит...

Я покачала головой. Нет! У нас ничего такого не было!

— Да знаю я! — отмахнулся отец. — Думаешь, дракон бы еще дышал, если бы посмел тебя хоть когтем тронуть?

Ну... вообще-то... когтем тронул... и не только, но... поцелуи не считаются, да?..

Ой, мамочки! Черные глаза отца побелели — явный перебор с откровениями на сегодня. Не думать! Не думать! Не думать о поцелуях с Аодхом! И тем более о том, что мы вместе спали. То есть... в одной пещере... и с нами были другие драконы! Так что все было прилично!

— Ага, я бы поучил кое-кого приличиям...

И взгляд такой многозначительный.

Но я ведь не по собственной воле!

— Вот как?

Да! То есть... Не надо его убивать, пожалуйста. Я, конечно, не рвалась замуж за авантюринового, и вообще моя позиция на счет замужества давно известна, но... А правда, что жены драконов не занимаются домашним хозяйством?

Отец протяжно вздохнул, посмотрел на меня с жалостью и выдал беспощадный диагноз:

— Попалась ты!

Как?.. Нет! Да я... Да я вот только встану на ноги и все, свободна! Но, может, мы вернем к жизни авантюринового? Он так красиво летает и вообще... он добрый.

— Учучу-учу, а все бесполезно. Драконы — наглые, лживые, подлые и так далее, добавь на свое усмотрение из нескончаемого списка. Добрый дракон — мертвый дракон, а сама понимаешь, для дракона это не самое лучшее состояние. И не смотри на меня так. Нет, Доди, я не добрый. Можешь пощупать.

Удивительно. А мама...

— Не считается. Я просто без ума от вас с мамой. Для остальных я наглый, лживый,

вредный и вот все «то далее», что ты добавила.

Ну, хорошо. А Кероп? Это друг Аодха, он был у нас сегодня, пролетал мимо и занес корзинку с фруктами и овощами.

— Случайно не такой — блекло-мутный?

Эээ... под лунный камень!

— Точно он, — отец расплылся в довольной улыбке. — Папа не ошибается. Папа никогда не промахивается.

Он что... он тоже...

— Он тоже на тебя пялился, Доди, — нравоучительно заметил отец. — И что я должен был сделать, когда мимо меня пыталась пролететь эта наглая морда?

Пыталась, то есть — не пролетела?

— Папа никогда не промахивается, — повторил отец. — Так, ладно, нечего киснуть по извращенцам! У твоего задохлика мало времени.

Он несколько раз моргнул и посмотрел уже нормальными угольными глазами, которые затягивали в себя как заброшенные колодцы. Многим страшно, а мне и маме нравилось в них заглядывать.

— А, может, передумаешь? — с надеждой спросил отец.

Я попыталась пожать плечами, за что мне не преминула отплатить лопатка. Отец помолчал, рассматривая меня, я по-прежнему изображала обездвиженное тело, благо это не сложно.

— Понял, тогда надо поторопиться, — сказал он со вздохом и опять надолго замолчал.

И я, конечно, понимаю, что папа не любитель почесать языками, но если времени мало, а мы должны еще вернуть меня в вертикальное положение...

— Хорошо, начнем с того, что попроще, — вынырнул из раздумий отец, но взгляд его говорил о том, что все далеко не так просто.

Он поправил на мне майку, якобы та задралась, снял пятна крови мимоходом, убрал с ладоней царапины, и я поняла, что дела у нас обстоят не то, что не просто, а зашибись как плохо.

— Папа, — позвала вслух.

— Не думал я, что твой дракон уложится в четыре дня, — хотела возразить, но отец отмахнулся. — Ты сделала выбор, Доди. Посиди ты тихо в пещере, пока мы разбирались, и мы бы уже летели с тобой домой, а он рвал на себе чешую и выл на скалы, что посягнул на то, что ему не полагается. А так...

А так он на грани жизни и смерти, из-за меня...

— А так эта морда чешуйчатая имеет все шансы заявить на тебя права. Если захочешь, мы с тобой позже обсудим подробнее этот момент, но вряд ли придется. Выкарабкается — сам растолкует. Не выкарабкается — папа больше не подпустит к тебе драконов. Хватит и одной попытки.

Он выкарабкается. Он сможет.

— Да кто бы сомневался? — невесело улыбнулся отец. — Когда так ждут, всегда возвращаешься.

Подозреваю, я покраснела, потому что отец совсем опечалился.

— Доди, послушай, — на этот раз он выдержал совсем небольшую паузу, минуты в две, — сейчас все будет зависеть от тебя. Выходишь дракона, дозовешься — вернется. Не выходишь — я заберу тебя домой, понятно?

Вот так вот, значит, поставил меня перед фактом. Я кивнула, но это вовсе не значило, что я сдаюсь.

— Если не очухается за три дня, я заберу тебя, — мягкий тон отца не оставлял сомнений в бесполезности спора. — Я буду неподалеку.

Надежда выкрутиться и оттянуть время растаяла.

— Но самое сложное, — отец кивнул, подтверждая мои мысли, — что пока у тебя будет шанс вернуть его, помочь не смогу. Тебе придется все делать одной. Понимаешь?

Кивнула опять, хотя понимала все меньше.

— Он не подпустит к тебе ни одну мужскую особь, да и женской будет не слишком рад.

Вообще перестала понимать. Разве Аодх может что-либо делать в таком состоянии? В том числе и влиять на то, кто ко мне подойдет, а кто нет?

— Ты все увидишь, сложно объяснить. Но я хочу, чтобы ты запомнила четко: ты будешь одна с неподвижным драконом, но ему все равно нужно есть, пить и так далее, — он поморщился. — Или он не наберется достаточно сил, чтобы вернуться к тебе.

Вернуться...

Ко мне...

Ух, пока подумаем о первостепенном: если я продержусь три дня, Аодх вернется к жизни. Всего лишь три дня. Я смогу. Я, правда, не представляю как, но смогу точно. На первое время у нас есть фрукты и овощи, в термосе свежая вода, а после я что-нибудь придумаю.

— Не представляю что, Доди. Самое разумное — забрать тебя прямо сейчас, но ты мне потом не простишь, а драконы мало того, что злопамятны, так и живут долго. К тому же, в тебе слишком много от меня, чтобы рисковать.

Да, я папина дочка.

— И папа очень этим гордится, — улыбка сняла напряжение с мужского лица, а мне захотелось обнять его крепко-крепко, чтобы он понял, как я им горжусь! Он у меня самый сильный, самый красивый, самый ленивый...

— Хватит, Доди, — улыбнулся еще шире, — у тебя потешно получается путать хвалебные оды обычных землеходящих и драконы, а я подобрался к самому сложному.

Я вся внимание. Кормить, поить, ухаживать — это я запомнила, а что еще? Не дергать сильно за хвост? Полировать чешую?

— Я думал, как бы тебя к этому подготовить, но не привык миндальничать. Давай-ка я перейду, наконец, к главному, ты покричишь, поплачешь, а потом быстро успокоишься, потому что папа истерик не любит, и еще раз все обдумаешь.

Отец уже минут десять ходил кругами, утруждая языки, и я боялась даже моргнуть, чтобы не пропустить ни слова. Пожалуй, это была самая его длинная речь.

— В общем, Доди...

Я напряглась в его руках, попыталась приподняться, но снова не вышло. Ладно, полежу пока, отдохну, вон сколько работы в ближайшем будущем предстоит. И насажусь, и нахожусь еще.

— Нет, Доди.

Видимо, я все-таки моргнула.

— Что «нет?»

Но хоть голос потихоньку возвращается, а то совсем катастрофа.

— Ты пока не можешь ходить.

А, в этом смысле? Фух, ну да, пока не могу, но ведь у меня есть знакомый наполовину дракон и наполовину демон, у которого масса талантов. Ладони у меня вот уже не болят, царапины затянулись — спасибо, и голос почти нормальный.

— Ходить ты пока не сможешь, Доди.

А я подумала, что трудно Аодху со мной придется — отец вот сегодня несколько раз повторяет, а до меня не доходит.

— Это последствия выбора, — медленно, наверное, чтобы уж точно дошло, пояснил отец. — Как выбор отразится на саинтэ, предугадать невозможно. На кого-то действует так, на кого-то иначе... — Прямой взгляд черных глаз. — Ты какое-то время не сможешь ходить.

Вот как...

Всего-то.

Я героически молчала. Немного дрожала, конечно, но это не страх, а ветерок, вдруг сорвавшийся, и удивление от громкого крика птицы, что попала в расставленные ветки курнабуса. Я не смогу ходить. Не смогу ходить. Ходить. Не смогу.

— Какое-то время, не навсегда.

Ну вот, я так и думала, что случай не безнадежный, бывает гораздо хуже, я точно знаю. Один из соседских мальчишек в нашем районе упал с обрыва, и теперь вообще никогда не сможет встать на ноги, а ведь он грезил о крыльях легал! Он перестал мечтать, перестал верить, только сидит в комнате с закрытыми ставнями и дышит по привычке. Так что подумаешь — не могу ходить, у меня есть цель, я должна, и я знаю, что это временно.

— Как долго?

Отец не ответил.

Не страшно. Если я правильно поняла, просиди я в пещере, притворись, что дракон для меня ничего не значит, с моими конечностями все бы было в порядке. А теперь вопрос — смогла бы я отсидеться, зная наперед, чем обернется для меня вылазка? Нет. Поэтому толку тратить эмоции на сожаление и тупые вопросы, если нужно как можно скорее действовать? Я не для того сделала выбор, чтобы удариться в панику, за время которой Аодх умрет. Убить противника для демона слишком просто, поэтому он бросает его в агонию между жизнью и смертью. Я знаю. Я видела.

— Мне жаль, что ты видела.

Мне нет.

Отец прекрасен в своей демонической сущности, и мне не стыдно, что вид изувеченного ядовитыми плетями противника был мне приятен, более того — грел душу. Давняя история, мне и пятнадцати не было, когда один из монстров Наб пытался наложить на меня свои лапы. А позже, когда нас нашел отец, эти загнувшиеся лапки кровавыми кусочками лежали рядом с корчившейся в судорогах тушей. Я боялась, что придется собирать по кусочкам Аодха, потому и выбежала, но отец уже знал, что я... Словом, он оставил выбор за мной, и я выбрала.

— Никто не осудит, если ты передумаешь, Доди. Твоя привязка к дракону не такая сильная, она пройдет. Я могу забрать тебя прямо сейчас, со мной тебе будет проще.

Привлекательно быть рядом с папой, чувствовать себя нежным цветочком, который он охраняет, вот только есть тот, кому я нужнее и кого нужно мне охранять.

— Ты можешь перенести нас с Аодхом куда-нибудь, где проще будет обоим?

— Нет. Порталы здесь закрыты, туша у него откормленная, да он и не дастся. Я перенесу его в пещеру, это единственное, что я могу для него пока сделать.

— Спасибо.

Раз папа сказал «нет», я папе верю. Он мог любого бросить и подставить, кроме нас с мамой. Ну, что ж, посмотрим на что я гожусь и не пожалеет ли авантюриновъй, что на меня нарвался?

— Доди, — отец провел ласково по щеке, мне нравилось, когда он так делал, — дракон никогда не пожалеет, что нашел саинтэ, даже если она выберет не его. Он знал, что рискует. Он знал, кто я. Я видел это в его мыслях, его воспоминаниях. Он подготовился к встрече.

Не похоже. Не уворачивался, терпел удары плети. Нет, то, что не ударил папу — это хорошо, я бы ему не простила, но... И вдруг я поняла. Я поняла, почему Аодх не сопротивлялся.

— Из-за меня?

— Да, он хитрый.

И вот я знаю, что не время и у меня не то состояние, чтобы радоваться, а губы сами расползаются в улыбке.

— Ну, что, нести пузатого?

— Он не пузатый, — возмущаюсь с еще большей улыбкой и прошу со смехом: — Неси!

— Сначала ты, — отец поднялся вместе со мной, отнес в пещеру, где воскресил почти уснувший огонь. Уложил меня на спину возле него, подвинул поближе корзинку с провизией и только после моих уверений, что со мной все в порядке и спина почти не болит, ушел за драконом.

Я видела, как он недовольно обвел глазами наше убежище, но сдержался, ничего не сказал. Он знал о пунктиках испытания в отличие от меня. И вообще, некоторые корри живут на улице, а здесь какие — никакие, а стены, так что хотя бы моральная подготовка к таким условиям у меня есть, три дня продержусь, поставлю на ноги дракона и...

И что?

И не хочу сейчас об этом думать.

Вот когда встанет на ноги, расправит сильные крылья, когда снова мне бесшабашно улыбнется...

С улицы послышался такой дикий вой, что я бы в ужасе подскочила, если бы могла приподняться. А так лежала, смотрела в темный потолок и только и сумела, что ментально позвать папу.

«Я рядом», — отозвался он.

Вой усилился, теперь казалось, что чудовище подбирается к пещере. А отец... если он не успеет?

Не могу подвести его и Аодха!

Я нащупала в корзинке ананас, приготовившись оказать достойное сопротивление, когда в пещеру кто-то шагнул, заслоня собой свет.

— Это я, Доди, — сказал отец, приближаясь вместе с огромной ношей.

Картина выглядела забавно — молодой мужчина тащит необъятного дракона, и я бы не преминула пошутить на этот счет, но дракон, мотнув мордой, начал вырываться, стонать, а потом взревел так отчаянно, что ананас, растерявшись, выпал из моих рук.

Но когда отец уложил дракона рядом со мной, тот перестал сопротивляться, притих и только тяжело дышал мне в шею. Я провела рукой по сине-фиолетовой чешуе, и дыхание дракона выровнялось.

— Максимум три дня, Доди, — напомнил отец.

А я промолчала, потому что легал ясно, никуда я не уйду, пока дракон не поправится. И пусть только он попробует этого не сделать! Когда я в гнев, во мне очень мало остается от мамы. Вот и сейчас я чувствую, что меня буквально распирает от каких-то странных, новых ощущений. Лежу в пещере, двигаться не могу, а сердце рвется, просит выбежать под солнечные лучи, размять крылья и летать, летать, летать...

— Дочь... — отец шагнул ко мне, и тут же дракон беспокойно заворочался, захрипел.

Отец сделал шаг назад, и я поняла, что он имел в виду, говоря, что Аодх не потерпит рядом со мной никого. Неосознанно он будет метаться, выть, тем самым мешая себе вернуться в этот мир, но чужого присутствия не допустит.

— Дочь, — повторил отец, и по его глазам, вновь ставшими почти прозрачными, было ясно: то, что он сейчас скажет — очень важно, но неприятно.

Хотелось попросить его скорее говорить и помолчать подольше, хотелось убежать, закрыть руками уши, хотелось спрятаться, хотелось подбежать к нему.

— Да, папа? — подтолкнула я.

И я была готова ко всему. К тому, что ноги я почувствую в лучшем случае лет через двести, к тому, что у дракона ни единого шанса вырваться, а это так, притворство, жалкие попытки. Вот только оказалась не подготовленной к тому, что мне сказал отец.

— У тебя начали расти крылья, Доди.

От этих новостей вдруг нестерпимо зачесался лоб, но когда я попыталась его успокоить, уколола палец. Выход нашла — поцарапала лоб ногтем, и все нормально, все хорошо, зуд отступил, вот только вопрос: за что и как пострадал палец?!

— Это чешуя, Доди.

Чешуя?!

У меня?!

На лбу?!

Как у рыбы?!

— Ты становишься драконом.

А, ну тогда все ясно. Это в корне меняет дело, и я вовсе не в шоке.

Любопытно, подумалось мимоходом, а все драконы умеют летать? Потому что я, даже лежа на полу, почему-то куда-то падаю.

Глава № 11. Я — дракон

— Дочь! — оклик отца вовремя удержал от потери сознания.

И с чего бы, собственно, мне пугаться? Этот момент священен для каждого дракона, я знала, что когда-нибудь обзаведусь крыльями, и пустяк, что ожидалось это минимум лет через тридцать.

Я так поняла: момент выбора не всем саинтэ ускоряет процесс обращения, это я — торопыжка. Видимо, мне с перепуга показалось мало четыре конечности, и вот, вуаля, то есть — и вот, чешуя. Кстати, какого цвета?

— Ты будешь очень красивым драконом, — с гордостью и любовью заверил отец. — Твоему стопудовому придется напрячь свою тушу, чтобы отвадить других драконов.

Аодх настороженно повернул морду в сторону отца, словно расслышал, а я, наоборот, расслабилась. И правда, в кого бы мне быть страшным драконом? Я — папина дочка, а папа у меня льдисто-синего цвета, огромный, с острыми, как мечи, крыльями. Какая-то примесь, наверное, будет от мамы, хотя и не представляю, какую наследственность корри передает ребенку. Может, цвет будет не таким ярким, как папин? Ну, так я и на голубого дракона согласна. Я — не мужчина, меня этим дразнить бесполезно.

Царапнула чешую — не отстаёт, ну и ладно, значит, твердая, никто другой ее тоже не счистит. Вот за водой буду к ручью идти и насмотрюсь на свою красоту. Ну, идти — это я явно себе польстила, но ползти до ручья близко, максимум метров пятнадцать, что ради такого стимула не расстояние.

— Мне лучше убраться, пока дракон не впал в бешенство, — сказал отец. — Когда он немного утихнет, я смогу снова подлететь достаточно близко.

По-моему, дракон вел себя миролюбиво, но раз папа сказал, лучше не рисковать растягиванием трех дней на пузе — в неделю.

— Посмотри на него. Он напряжен. Он подсознательно следит за мной и пытается уловить суть слов, но не понимает. Ему все равно, что я твой отец. Для него я соперник.

Я посмотрела на дракона — чешуя как-то странно топорщилась, словно ее подели острым ножом, хвост приподнялся для удара, а пальцы с когтями растопырились, готовясь рвать, кромсать, ломать.

— Чшш, — прошептала я.

— Пока я не уйду, не поможет.

Отец отошел к выходу, а на меня снизошло запоздалое озарение, что прожить три дня будет гораздо сложнее, чем мне показалось вначале! Да, отец говорил, что не сможет быть рядом, но я все-таки думала, такая возможность появится, каким-нибудь драконо-демоническим способом. А теперь... Как я справлюсь с огромным драконом?

— У тебя еще есть выбор, — напомнил отец.

А я напомнила себе, что выбор уже сделала, и страху пора заткнуться, а панику никто не спрашивал. Я справлюсь. Драконы упрямы, а я ведь уже не корри, а почти дракон, так что выхожу Аодха, даже лежа на пузе. Вот только отец уйдет, и перевернусь со спины для удобства. Но он перевернул меня сам, несмотря на зубоскальство Аодха и удары хвостом, которые непременно попадали бы в цель, не установи отец блок. Хвост дракона ударялся о невидимый панцирь и отскакивал, замахиваясь для нового удара, но что странно: при всем

своим агрессивным настроем не задевал меня даже случайно.

— Сейчас этот полудохлый дракон воспринимает только тебя, — пояснил отец. — Ты для него — весь мир. Он скорее подавится своей чешуей, чем причинит тебе вред.

А вот это мне нравилось, очень, потому что корри бывают жестокими со своими женами. Я знаю. Я видела.

— Ты пока не жена, — коварно улыбнулся отец и вышел из пещеры, бормоча себе под нос про красивую смерть от собственной чешуи, которую легко можно устроить, а если своей чешуи не хватит, не беда, папа не самый жадный дракон.

Дальше я не слышала, но меня занимало другое: про жену, то есть «пока не жену» к чему было сказано? Просто так? Или со скрытым смыслом? И вот зная отца и его нелюбову к пустым разговорам, полагаю, он хотел мне что-то сказать между строк, но я не могла разгадать — что именно. Да и некогда было: столько событий сразу, а мне еще покормить дракона, перекусить самой, так что я вздохнула, готовясь к серьезной работе, прижалась к прохладному боку того, кто уверял, что совсем не сопит, и уснула.

Во сне я летала.

Я не видела себя полностью, только крылья, но они были такого насыщенного желтого цвета, что солнце побледнело от зависти. Я виртуозно выписывала виражи, кричала о своем счастье на напевном драконьем, из которого ни слова не знала, но вроде бы получалось со смыслом. А рядом летел еще один дракон — сине-фиолетовый, с вкраплениями белого жемчуга, и я понимала, что он оберегает меня, что он учит меня, и что он мой. Чувство собственности заставляло с гордостью расправлять крылья и лететь, лететь, несмотря на легкую усталость и черный горизонт, к которому мы приближались. А потом небо вздрогнуло и застонало, а я проснулась.

Открыв сонно глаза, обнаружила себя на драконе. Теперь понятно, от чего он стонал: болеет, лежит себе смирно — а здесь бах, навалилось что-то. Называется — позаботилась.

Эх, я...

Попыталась сползти — не дал. Застонал еще громче, почти взревел, и когтем по полу начал постукивать, мол, осуждаю твое бегство, вернись!

Растянулась на нем снова — притих. Ну ладно, полежу еще чуть, раз просит.

А внутри мимо воли разливалось приятное чувство: надо же как, я ему гораздо нужней, чем еда. Странные мысли, но рядом с этим драконом я вообще веду себя странно. Украд — я была очень против, четыре дня продержал в плену — мое мнение не изменилось; и вот превосходная возможность уйти, как грозились, а я лежу рядом, волнуясь, чтобы вернулся в реальность и тщательно отгоняю мысли, что будет, когда он вернется.

В мое будущее из-за него внесены значительные коррективы, но я не уверена, что готова безропотно их принять. Разве что... поторгуюсь?

Когда дыхание дракона выровнялось, я осторожно сползла с него, и вот казалось бы должен облегченно вздохнуть, а нет — заворочался, беспокойно задержал головой.

— Тихо, — начала уговаривать как ребенка, — тихо, я никуда не уйду.

Я вообще-то ходить не могу, но вдруг дракона эта новость расстроит, все-таки я для него — целый мир. Притих, а я пересмотрела наши запасы и поняла, что растянуть их на три дня нереально, даже если я совсем откажусь от еды. Но тоже не вариант, потому что без сил я не смогу ползать на животе, а я как-то не тренировалась быть ящерицей, да еще и голодной. Будь Аодх в человеческой сущности, съел бы меньше, а так, памятуя о его аппетитах, если я не убью лося, кабана, двух пернатых и всего одного грибника, не

протянем. Оставалась надежда, что отец с едой что-то придумает.

«Не волнуйся, Доди, — послышался родной голос, — твоему толстяку не мешало бы скинуть вес, но ты для папы и так очень миниатюрная».

«А папа для меня самый лучший».

«Уже сомнительно...»

«Самый лучший папа на свете», — мгновенно исправилась.

«Моя кровь, — с гордостью. — Изворотливая!»

Отец вовремя отключился, скорее всего, почувствовал, что Аодх начал задыхаться от такой наглости. При нем, при живом, и с другим мужчиной общаюсь!

— Я здесь, — пришлось повторить ему и погладить по чешуе.

Поверил и успокоился только после легкого поцелуя. Повторила — за хорошее поведение, и вдруг вспомнила свои рассуждения на крыше, что мне все равно кто из троих выберет Сайв, все равно чем они отличаются друг от друга, потому что это не мне целовать морду драконью. Вот кто бы знал! Кто бы знал до чего это делать приятно...

— Перекусим? — я взяла из корзины сомир, разделила ароматную мякоть на две половинки и поднесла ко рту дракона, с интересом наблюдая, как он водит носом, а потом открывает рот.

Я немного переживала, что придется силой раздвигать челюсть, запихивать пищу и закрывать, пока палец не оттяпает, но обошлось — и он выживет, и я не пострадаю. Доев сомир, дракон водил носом, пытаясь приподняться, и я поняла намек, достала ананас, разрешила, очистила от шкурки, размельчила на кусочки, радуясь, что запасливый Кероп и нож с фруктами принес, потому что если у Аодха он и был, то заколдованный какой-то, мне на глаза не попадался. Дракон съел ананас с чуть меньшим восторгом — наверное, тот кислил, и повернул голову в сторону корзинки. Ну, это уже и не намек!

— Я, конечно, не считаю, — сказала ему, снимая желтую кожуру с третьего аригало подряд, — но впереди у нас не один день. Вот если бы ты вернулся пораньше...

Я с надеждой посмотрела на дракона, но если ему и становилось лучше, он умело маскировался.

— Хватит? — поинтересовалась после уничтожения фрукта.

Дракон обиженно засопел.

— Ладно, достану первое, что попадет под руку, — пригрозила ему, и показалось или нет — жесткие губы дрогнули в улыбке. А я так вообще разулыбалась, когда достала ананас.

— Я не подсматривала! — хотя если и подсматривала, никто не видел. — Уверен, что будешь есть?

Я же видела, что Аодх не в восторге от ананаса и надеялась, что оставим его на черный день, так сказать. Но лучше, чтобы черного дня не было, потому что Аодх, не дождавшись когда я разберусь с кожурой, высунул длиннющие языки, обхватил ананас и целиком отправил в рот, не сделав ни единого движения челюстями.

— Приятного аппетита, — пожелала я, запоздало сообразив, почему первый ананас был воспринят с неудовольствием.

Он не гурман, далеко не гурман, это кусочки для дракона были слишком маленькими!

— Если папа не поторопится, боюсь, с таким аппетитом однажды утром ты примешь за грибника меня.

Аодх придвинулся ближе, положил на мою спину тяжелую лапу и лизнул в шею.

— Это что? Спасибо?

Промолчал. Ну и ладно, мне тоже не до разговоров. Выбрала один аригало, уничтожила быстренько, запила водой и напоила дракона. Ничего не делала толком, а руки болели, лопатки ныли, ноги по-прежнему не признавались, что они есть. Я легла и попыталась расслабиться. И, наверное, мне это удалось, потому что я не сразу почувствовала некое движение под своим животом, зато когда драконий хвост водрузил меня поверх своего хозяина, поняла, что и раньше не сама бросилась обниматься. Но возмущения у меня это не вызвало. Он — дракон, я — дракон, а драконы делают что хотят, хотя папа, наверное, прав, и кое-кто немного забыл о приличиях.

«Папа всегда прав», — послышалось сквозь ропот дракона.

— Тихо, — шикнула на чешуйчатого.

Он замолчал, а вот его своевольный хвост начал бить по пещерному полу.

— Тихо! — шикнула снова.

Хвост послушно прижался к полу. Наверное, мы с драконом все-таки идеальная пара — все понимаем, все делаем, пусть и доходит не с первого раза.

«Завтра подкину вам передачку», — хохотнул отец, и поди разбери, что его развеселило.

Я заподозрила худшее, и не потому, что папа хочет меня подставить, а потому что он знает точно: драконы долго не протянут на фруктах.

«Надеюсь, передачка не будет пищать и ожесточенно вырываться?»

«Пусть только попробует!» — пригрозил отец, и так проникновенно у него это вышло, что сомнений не осталось — у передачки есть ушки.

«А ты давай, — добавил уже мягче, исключительно для меня, — зови синюшного, нечего ему валяться без дела. Только ест да спит. Пусть старается! Зови, зови, или плюнь и ко мне возвращайся».

«Зови... — второй вариант не рассматривался. — Еще бы мне кто-то объяснил, как это сделать...»

«Снова здорово! — изумился отец. — Он ведь звал тебя, вот и ты позови!»

И с чувством выполненного отцовского долга, отключил ментальную связь. У меня мелькнуло видение, как он за кем-то погнался с угрозами, но, наверное, показалось. По крайней мере, я сильно на это надеялась, потому что одно дело — ушки у передачки, и совершенно другое, в моем приземленном состоянии — ножки. Ладно, подышу спокойно до завтра, мне только седых волос не хватало к параличу. Итак, нужно позвать дракона.

— Аодх.

Чуть заметно мотнул головой.

— Возвращаться думаешь?

Никаких изменений — мордой повернут ко мне, мол, я тебя слушаю, не волнуйся. Но мне этого мало! Мне нужно, чтобы он открыл глаза, посмотрел на меня и соврал, мол, все прекрасно, вот только чуточку отдохну и вернусь. И я гнала сгустки страха, которые тихо нашептывали, что он может и не вернуться, потому что отец у меня не просто дракон, а демон, а я ведь видела, как мучаются после удара плетьюми.

Мучаются и умирают.

Я шептала страху вместо прощанья, что меня распирает от гордости от того, что мой папа не только дракон, но и демон, и что к тем, кто ждет, возвращаются.

А я жду.

И зову, зову дракона вернуться.

Говорю с ним — о чем, не помню, глажу по чешуе, иногда украдкой целую, иногда

подключаю угрозы. Пусть попробует не вернуться! Пусть попробует! Для него будет лучше не испытывать меня в гневе.

— Возвращайся, — шепчу между поцелуями.

И мне все равно, если нас видит отец. Мне не стыдно. Мне кажется, я все делаю правильно. Вечер быстро сменяется ночью, но я спать не могу, не хочу. Я зову его, как умею, как получается. Я уверена, что он слышит. Я чувствую.

Он вернется. У него нет другого выбора. Я — дракон, а драконы предательства не прощают...

Я не помню, когда уснула, но утром открыла глаза с надеждой, что встречу взглядом с Аодхом, а если притворюсь, что сплю, но так, чтобы он понял, что притворяюсь — он разбудит меня поцелуем. Но минута сменилась второй, я специально покрутилась, привлекая к себе внимание — и ничего, дракон оставался подозрительно неподвижен, и даже когда я приподнялась и позвала его, не повернул головы. За ночь ему стало значительно хуже, он и дышал через раз.

Перебрав скудные запасы в корзинке, достала самый спелый аригало, сняла кожуру, поднесла чешуйчатому — ноль реакции.

— Поешь, — попросила его.

Не услышал.

— Аодх, тебе нужно восстанавливать силы.

Проигнорировал.

Поднесла термос с водой — втянул носом воздух, приоткрыл рот.

— Хорошо, — похвалила его, когда сделал большой глоток. — Вот так, хорошо.

Дракон жадно выпил всю воду, и когда я потрогала его лоб, поняла почему — он был горячим как пламя, а раньше рядом с его прохладным телом можно было смело пережить любую жару.

— Я сейчас вернусь, — сообщила ему, хотя он вел себя тихо в отличие от вчера. Уж лучше бы вырывался, уж лучше бы дико ревел, потому что тишина меня ужасала.

Развернувшись на руках, я медленно поползла из пещеры. Знала бы мама, что вместо того, чтобы учить любимую дочь готовить, лучше позволять ей с мальчишками кувыркаться на турнике. Эх, какое бы было счастливое и полезное детство, и ладони бы после первых же метров не мстили мне кровавыми мозолями. Ничего, заживут, у меня папа не из простых и знакомый колдун. Фух, пузо немного устало, а ладони потерпят, потерпят, я же терплю, что у меня под мышкой как нарост образовался холодный термос.

Я почти выползла из пещеры, когда за спиной услышала шум. Повернула голову, а это Аодх хвостом машет по полу, когтями постукивает и носом водит из стороны в сторону.

— Здесь я, — отозвалась, и он успокоился.

Чуть проползла — снова завозился, и уже громче прежнего.

— Скоро буду, — пообещала ему и, несмотря на зарождающийся рев, выползла из пещеры.

Солнце с жадностью набросилось на мою спину и боясь, что оно выпалит мои пока еще слабые крылья, я придала ладоням и пузу ускорение. Позади слышался вой, от которого закладывало уши, но я не повернула обратно. Во-первых, потому что до ручья и пещеры теперь было примерно одинаково; во-вторых, мне очень хотелось умыться и напиться самой, а, в-третьих, я уже говорила, что тишина меня пугает больше, чем буйство.

Жила у нас одна девушка по соседству. Такая тихая, что никто ее и не замечал, а потом

она соблазнила любовника герцогини, чтобы он сделал ее легал, втерлась в доверие к самой герцогине и выдала государственную тайну кому-то, кто в ней сильно нуждался. Ее забросили к демонам, но она и демона соблазнила, и посмела вернуться в Анидат с темно-фиолетовыми крыльями и тавром своего любовника. Такая вот была тихая девушка.

А вот и курнабус, а за ним, если бы не ревел так громко Аодх, был бы слышен ручей. Ползем, ползем дальше. Пузо, ты — моя суперсила!

У кустарников я перевела дыхание, с жалостью наблюдая, как в его ветках трепыхается еще живая невезучая птичка, и только начала ползти дальше, как спину ожог укус. Вскрикнув, повернула голову и опешила от увиденного — ветки курнабуса пригнулись, чтобы достать до меня, и как я уже поняла — не с целью погладить.

Да что этот кустарник, с ума сошел, что ли?!

— Я — не птица! — крикнула недоумку, и попыталась проползти дальше, но спину обожгли уже несколько укусов, и первый по сравнению с этими был так, на пробу, а эти намеревались пусть что-то, но откусить! — Курнабус, — процедила я, и не думая сворачивать, а наоборот ускоряясь и ломая загибающиеся ветки перед собой руками, — все, курнабус, ты меня вывел! Я сделаю так, чтобы ты стал трупарус!

Угроза, судя по еще больше оживившимся веткам, не испугала, но зря они недооценивают мою память и переоценивают доброту. Прорвавшись через кустарник, я бросила несколько оторванных веток, которые пытались за мной поползти, но куда там — у них не было такой суперсилы и злости, как у меня. Подхватив поудобней термос, приползла, наконец, к ручью, оглянулась — ни одного стремного кустарника — и обессилено припала к земле.

Мне предстоял обратный путь, но я не портила себе шикарное настроение от пусть маленькой, но победы. Аодх притих, видимо, смирился, что я ненадолго отошла. Восстановив дыхание, я приподнялась. А вообще красиво здесь и ручей большой, это мерками дракона он маленький, и я бы с удовольствием после восстановления здесь искупалась. Пока же оставила термос и отползла от красоты к терпеливым деревьям, где куврякаясь и подтягиваясь, кое-как удалось освободиться от джинсов на пару минут. О да, я вспомнила свое кимоно, которое бы очень даже сейчас пригодилось, когда натягивала джинсы обратно, но заикливаться было некогда, и я поползла обратно к ручью.

Набрала немного воды в термос, утолила жажду и, наполнив его полностью, положила рядом. Протянула ладонь к ручью, чтобы освежиться, и в шоке уставилась на свое отражение. Правда, я не сразу поняла, что это я: слишком плохо увиденное совпадало с моими представлениями о красивых драконах. Лицо осунувшееся, желтого цвета, скулы выпирают, на лбу и правой щеке серая чешуя, не драконья, а самая настоящая рыба, а за правым плечом колыхается серое недоразумение, состоящее из одной палки и двух или трех перьев, которые даже курица постыдится признать за крылья.

Вспомнив с какой гордостью отец уверял, что я стану красивым драконом, и с каким пафосом я рассуждала, что это священный момент, я громко расхохоталась. Я не дракон. Нет, не дракон.

Я — чудовище!

Глава № 12. Драконья красота

Глава № 12. Драконья красота

Бывает у меня настроение, которое иначе как странным не назовешь. Казалось бы, есть повод поплакать, пожалеть себя, а я смеюсь. И только начинаю успокаиваться, опять представлю, как мы с драконом со стороны смотримся, и держите меня четверо — угораю. Он — весь такой большой и распластаный на полу, и я вся такая прекрасная, суечусь над ним, обнимаю, целую.

Видел бы он, кто к нему лезет с нежностями — наверное, не разлеживался так спокойно. А интересно, если саинтэ страшная, дракон все равно ее ворует или делает вид, что не заметил? И чисто для любопытства, а не потому, что волнуюсь — когда Аодх увидит меня, закричит, онемееет или деликатно помашет хвостом?

«Черта с два он тебя бросит», — ворчливо пообещал отец.

«А, подсматриваешь? Ну и как тебе?»

«Можно подумать я плохо рассмотрел в прошлый раз», — огрызнулся.

«Ну...» — это было единственным оправданием, но если папа не хочет...

«Я не такой старый, Доди, у меня все в порядке с глазами и ты забыла кое-что. Папа никогда не ошибается, а это значит: ты будешь красивым драконом».

«Ну да, ну да, — воодушевленно подхватила я, плеснув в лицо свежей воды, потому что солнышко припекало, — я и не думала, что ты мне соврал специально. Ну, чтобы утешить, например, или потому что любовь слепа — нет, нет. У нас просто разные представления о красоте».

«У нас действительно разные представления о красоте. Ты вот считаешь меня красивым в демонической сущности».

«И что? — возмутилась. — Ты красивый!»

«Вот если бы ты выглядела как я, Доди, сомневаюсь, что дракон бы тебя украл, а если бы он увидел тебя на крыше в такой полутрансформации, как сейчас, сомневаюсь, что он бы геройствовал и заставлял вас обоих проходить все эти дурацкие испытания. Меня беспокоит его повернутость на пунктиках, кстати».

«Стоп, — я вытащила руку из ручья, поскребла зудящий лоб, — а что, можно было испытания и не проходить?»

«Вот мне интересно, ты действительно думаешь, что я бы соблазнил твою мать, если бы держал ее в необжитой пещере и морил однообразной пищей, а главное тратил время?! Да она бы никогда не позволила к себе прикоснуться, и где была бы сейчас ты?!»

«То есть...»

«То есть твой папа не растерялся и не дал времени растеряться твоей маме. Украл — так украл, все равно никто ее не собирался возвращать».

У меня было много вопросов, очень много, но как-то с папой мы такие темы раньше не обсуждали, и я чувствовала неловкость, да и он, наверное, тоже.

«Ничего подобного, — вклинился отец. — Подробности я, конечно, пошлить не буду, но если есть вопросы о драконьей жизни, кто из драконов тебе ответит честно, если не папа?»

«В другой раз я спрошу подробнее, как вы обошли эти испытания, а сейчас...»

«Да ладно, — громкое фырканье, — что там обходить?! Мы сразу начали с испытания

номер пять и все дела. Причем, удачно, она даже не заметила, что пару деньков попостилась. Собственно, для меня на тот момент еда тоже отошла на задний план. А выбор... Ну, после пятого испытания и моего обаяния не оставалось сомнений, какой ее выбор».

«А испытание номер пять это...»

«Э, нет, — с усмешкой протянул отец, — пусть тебе твой правильный рассказывает. Я так думаю, для него испытание номер пять — серьезная причина выкарабкаться. Ты там как, кстати, не утонула еще на мелководье? А то твой хиляк волнуется, глотку надорвал, тебя дозываются».

Я насторожилась, но ничего кроме естественных звуков природы — ручья, жучков, курнабуса и очередной неловкой птички не услышала.

«Хочешь — отдыхай, папа только «за», но ты не слышишь этого горлодера, потому что он охрип».

«А раньше мне сказать?» — возмутилась и поползла к пещере, с ненавистью рассматривая приближающиеся кустарники.

Опять же примут за птицу и единственное, в чем могу упрекнуть их после увиденного — в дурном вкусе. Крыло у меня есть, два пера болтаются, а чешую вечно голодные курнабусы, видимо, предпочитают не замечать. Или не знают, что это такое — вряд ли мимо них пролетали рыбы, да и что проползали — сомнительно.

«А я за похитителями своей дочери присматривать не обязан, — отнекался отец, — это ты его балуешь».

Папа мог сколько угодно ворчать и возмущаться, но мы ведь оба знаем, что на сегодня он приготовил передачку, и она скорее для Аодха, чем для меня.

«Да, — не стал увиливать, — но папа ничего не делает просто так, если это не ты или твоя мама».

Настораживает. Очень настаораживает. У нас еще есть шанс отказаться от передачки?

«Да пожалуйста! Кое-кто сильно обрадуется, если это синее чудо-юдо высохнет от недоедания, и сразу говорю, что этот «кто-то» — не твой дружелюбный папа».

Похоже, я права, и некоторые в Долине Драконов не слишком жалуют Аодха.

«Это еще мягко сказано, — поддакнул отец. — Ладно, пойду проведу последний инструктаж для передачки и подкину вам. Ждите».

Кому ждите, а кому ползите...

И я поползла дальше, готовясь не позорно проскользнуть незамеченной хищным кустарником, а обломать ему его планы. Пусть учится различать еду!

Одной рукой прижимая к себе термос с водой, вторую поднимала как можно выше и ломала, ломала загибающиеся ветки, что тянулись ко мне. Ломала с хрустом, и этот звук нравился мне куда больше чавканья. Ломала с удовольствием и намеренно, расчищая себе путь для следующей вылазки, и обернувшись по ту сторону некогда ветвистого препятствия, довольно потеряла саднящие ладони.

Все-таки красота — страшная сила.

Уже у входа в пещеру расслышала приглушенное бульканье и поднажала, набирая скорость и приговаривая:

— Тихо, я здесь, я здесь, я далеко не уходила.

Дракон дернул головой, словно не веря, но хрипы прекратились.

— Ты чего это буянишь? — поставила термос, собрала разбросанные фрукты обратно в корзинку, подползла к дракону, и тут же вокруг меня обвился хвост. — Нам еще здесь жить,

а ты продуктами разбрасываешься.

Я много еще причитала, но дракон делал вид, что не слышал. Лежал себе, загораживая меня от всего мира хвостом, и молчал. А мне удобно, конечно, и спокойней: чувствуется, к примеру, что тело у него уже не такое горячее, но разлеживаться некогда. Хорошо бы вернуться и собрать сломанные ветки курнабуса, а то огонь может потухнуть.

«Не может, — послышался родной голос, приведший дракона в волнение. — Папа на тебя не претендует, поэтому папе можно творить чудеса».

А ведь и правда, положив голову на бок дракона и посматривая на весело пляшущий огонь, подумала я: все это похоже на чудо!

«Да ладно, — фыркнул отец, — я и не такое могу».

А я старательно спрятала свои мысли, чтобы он не догадался, что я вовсе не огонь имела в виду.

«Драконы дураками не бывают, Доди, но чтобы старый папа мог и дальше тешиться иллюзиями, научись правильно ставить блок, — послышалось ворчание. — Правда, не советую это делать сейчас. Папа вам пока очень нужен, даже этому твоему, который вместо коврика».

Аодх заворочался, хвост нервно заходил из стороны в сторону.

«Скучный он, — зевнул отец, — так и пролежит три дня, чтобы меня позлить».

«А что, есть способ поднять его раньше?»

«Конечно. Если помрет, а ты будешь слишком сильно горевать, я подключу знакомого некроманта. А если ты настаиваешь на том, чтобы он вернулся живой, что по мне, небольшая разница, потому что драконы и так холодные, тогда нужно предпринять кое-что другое».

«Я выбираю второй вариант!» — выкрикнула поспешно.

«Я так и подумал, поэтому... А, ну вот, у меня все готово. Встречай передачку!»

И в следующую секунду, не успела я спросить нужно ли выползать на улицу, снаружи послышался крик, рев, очень быстрая и отрывистая драконья речь, мало похожая на напевную, потом что-то шмякнулось о плато со стоном и очередным набором непередаваемых драконьих, а потом в пещеру просунулась морда Лунного.

— Х-х-э-х, — прошипел он, высунул свернутые трубочкой языки, распутал, затянул в рот. — Х-о-х-эх...

И вот я смотрю на его измученную морду и понять не могу — это что, и есть завтрак Аодха?!

«Ой! — рассмеялся отец. — А я был бы не против!»

Фух, значит, это не пища, а что тогда? Дружеский визит?

«Да ща! — возмутился отец. — И не вздумай тратить на него оставшиеся продукты! Пусть сначала заработает. Он твой помощник».

«А как именно он будет мне помогать?»

«Элементарно. Будет все за тебя делать».

Я в сомнении посмотрела на дракона, который после экстремального приземления не находил в себе сил приподняться.

«Да уж, что-то он долго валяется без дела, — согласился отец. — Сейчас придам мутняку вдохновения, а то можно подумать, что папа не помог, а подкинул тебе еще одного задохлика».

Папа не терял времени даром, спустил одну из ядовитых плетей, похлопал нежно по

чешуйчатой морде, и Кероп вихрем влетел в пещеру. Правда, я успела заметить, что он не по своей воле так быстр — сзади его подгоняла еще одна плеть, вероятно, указывая направление.

— Ох, и деньки для драконов настали, — выдохнул Лунный, меня звериную сущность на человеческую.

Все в той же одежде, но с небольшими изменениями — брюки заляпаны грязью и протерлись на коленях, черная рубашка без одного рукава и без воротничка, кожаные мокасины истоптаны и искривлены.

— Привет, — поздоровалась я, потому что не спрашивать же мне, что с ним случилось, в самом деле!

Но Лунный и сам был не прочь пожаловаться, игнорируя возрастающее недовольство своего приятеля и хвост, который пытался до него добраться.

— А, — он безразлично махнул рукой на попытки Аодха его пристукнуть, — после того, что я пережил, смерть от лучшего друга — за счастье.

И тем не менее, он отсел чуть поближе к выходу, предварительно выглянув и не обнаружив ничего подозрительного.

— Лечу себе, никого не трогаю, — начал рассказ дракон, — смотрю, мимо пролетает еще один дракон. Я с ним поздоровался, хотел поинтересоваться к кому да куда, а он вместо того, чтобы отчитаться, как обернется серым демоном, как схватит меня, как начнет выколачивать душу! До сих пор не уверен, что она со мной осталась.

«Отчитаться?» — переспросил отец, и одна из плетей пощекотала шею Керопа.

— А, дьявол! — отскочил тот так поспешно, что чуть не упал в объятия поджидающего хвоста Аодха.

— Кероп, ты здесь зачем? — подтолкнула к развязке, а то папа у меня не из терпеливых, да и я тоже.

«Моя дочь! — слышалось. — Так его, так, припахивай к работе!»

Дракон замаялся, сделал вид, что рассматривает Аодха, хотя уверена, знал в каком он состоянии, папа ведь проводил инструктаж.

— Да вот, понимаешь... — тянул время, явно не хотелось гордому парню становиться чьей-то сиделкой. — Лечу себе, лечу...

— Ну-ну, — разрешила потянуть еще пару минут, иногда перед важной работой отдохнуть бывает полезно.

«Твоя доброта — это мамино плохое влияние».

«Хорошо, я так и скажу маме».

«Да пожалуйста, и с чего я взял, что ты любишь папу?»

«Люблю», — улыбнулась я, и знаю, он увидел мою улыбку и все понял без лишних слов.

Отец послал мне ментальный поцелуй, и я почувствовала, что он тоже расплылся в широкой улыбке. В общем, мы и поболтать успели, и нежностями побаловаться, а Кероп все придумывал, как бы откосить от свалившейся работы.

— Лечу себе, лечу, — по третьему разу принялся рассказывать, — а здесь меня перехватывает демон, маскирующийся под дракона, и такой жуткий, что до сих пор как вспомню, так вздрогну. Ты бы увидела, Доди, я уверен — кричала бы так, что у всей Долины Драконов перепонки полопались!

«Скажи ему, что папа польщен», — заговорщически шепнул отец.

Но, конечно, я ничего не сказала и даже деликатно сдержала смех. Кероп понятия не

имеет, что демон, которого он встретил — моя родня, а вдруг узнает и начнет шарахаться по плато? Нет уж, он мне пока нужен здесь, и вменяемым.

— Но ты ведь не кричал? — поинтересовалась я.

— Нет, конечно! — он фыркнул.

«Нет, конечно, — перекинул фыркание отец. — Он истерил так, что я его слегка придушил, чтобы не разозлиться и не убить ненароком».

— Я четко спросил, что ему нужно, — сказал Кероп.

«Уточни: это было после того, как я битый час распутывал ему языки или после того, как он с визгами девственницы пытался сбежать?»

— И ничего здесь смешного нет, — обиделся Лунный, неверно истолковав мои попытки не рассмеяться. — Да, потом у нас произошел серьезный разговор, и демон попросил... ээ...

«Попросил?! Мне послышалось или это оскорбление?!»

Одна из плетей протянулась в пещеру, покачалась перед носом Керопа, освежив ему память.

— В общем, — покраснев от злости, выдавил тот, — я буду тебе помогать, Доди.

«Ну, не знаю, — протянул задумчиво отец, а плеть качалась и качалась перед драконьим носом, — как-то неубедительно и не совсем правда».

«Лишь бы результативно, — заступилась я, — а драконы любители лгать, сам же говорил».

«Хорошо, не будем наказывать за традиции», — согласился отец, и плеть уползла из пещеры под шипение Аодха.

— Ну, раз ты настаиваешь... — протянула я. Кероп, расслабившись, что беда миновала, ожесточенно закачал головой, но я пока еще не дракон, у меня зрение не идеальное. — Я с радостью приму твою помощь.

После этих слов дракон протяжно вздохнул, кивнул и поднялся.

— Пойду поймаю что-нибудь вам поесть, — буркнул на выходе. — Похоже, я случайно овладел новой профессией — добытчик-кормилец. То фрукты, то охота...

— Ты — настоящий друг, спасибо. Без тебя я бы не справилась.

Дракон выпрямил спину и вышел из пещеры, весь такой гордый от возложенной на него миссии по спасению.

«Хороший ход, — похвалил отец. — Я — кнутом, ты — пряником, так и человеком станет. Тьфу-тьфу, не хватало!»

Люди — самые слабые и мало живущие жители империи, поэтому такого и врагу не пожелаешь, а тем более собрату-дракону. По особому указу императора другим существам запрещено их уничтожать, разве что в исключительных случаях, каждый из которых расследуется службой императора. Похоже, император верил летописям, в которых значилось, будто наша империя некогда была создана людьми, но это его проблема, а здесь хватало своих.

Эх...

Пока Керопа не было, дракон вел себя тихо, но стоило его приятелю снова войти в пещеру, задергался, причем усердней, чем раньше. Сумел перевернуться и поползти в его сторону, пытался даже поджечь, пока я отвлеклась на минутку, но Кероп после спины подставил один бок, потом второй и так и крутился, объятый пламенем, довольно покрхтывая.

— Хоть косточки прогрею, — пояснил мне, а я постаралась сделать вид, что видеть

существо, по телу которого гуляет костер, для меня в порядке вещей.

Но сама к драконам не приближалась. Кероп крутился в огне и у огня, ловко разделав тушу парнокопытного и подвесив на вертел ее и птичку, Аодх баловал повара вниманием, переползая с места на место и бешено рыча, а я отдыхала, зная, что мне ничего не угрожает и радуясь, что у нас, кажется, наметились улучшения. Мы уже ходим, пусть и с закрытыми глазами и неосознанно.

— Соли нет, — сообщил Кероп, когда блюда были готовы, — и кормить Аодха я не смогу — он закусит моей рукой и не вспомнит.

— Я покормлю.

«Я передам соль», — сказал отец, и тут же в пещеру просунулась плеть с льняным мешочком. На всякий случай погрозив Керопу, плеть оторвала от поджаренной туши ногу и потянулась на выход.

Повар задохнулся от возмущения, я от смеха, Аодх от долгой игры с огнем, и мы устроили перекур, дружно взявшись за пищу. Теперь, когда я понимала запросы авантюринового, кормление не заняло много времени. Лунный оторвал от тушки вторую ногу, я поднесла ее ко рту Аодха, вернувшегося ко мне под бочок, и он съел, даже не разжевывая. Получил добавку, водички и прилег, обернув хвост вокруг меня и пытаюсь длинными языками вырвать из рук Керопа кусок мяса. Не ради того, чтобы поесть, а чтобы тот остался голодным.

— Второй раз сорвались переговоры с герцогиней, — кажется, это расстраивало Керопа гораздо больше, чем чьи-то коварные языки.

— Не твоя ведь вина, — медленно пережевывая птичку, щедро сдобренную солью, поддержала я парня.

А то вдруг ему грозит наказание — ну, не знаю, от старшего по клану там. И еще подумалось, а что будет Аодху за то, что тоже не оправдал надежд на переговорном поприще?

— Да понятно, — согласился Кероп, — и вообще, если бы не встреча с демоном, я и рад, что не пришлось выплясывать на балу, как ты угрожала.

— Это герцогиня угрожала, а я тебя честно предупредила об угрозе.

Дракон усмехнулся, и успокоившемуся было Аодху это не понравилось. Он приподнялся на лапах, нервно повел носом, хвост взлетел вверх, а языки схватили Лунного за ногу.

— Фу! — прикрикнула я. — Не лезь ко мне после этого с поцелуями!

Языки пристыжено вернулись к своему владельцу, а Лунный обиженно засопел, рассказывая мне, что он любит купаться и вообще часто купается, а выглядит плохо исключительно из-за происков демона.

— Что-то я тебя не пойму: рукой покормить друга ты не захотел, а ногу не жалко? Так я могу намекнуть Аодху, что не ревную.

Кероп предпочел сделать вид, что это он поставил точку в разговоре, и я милостиво позволила ему так думать. Этот диалог меня волновал мало, спасена нога — и ладно, а вот кое-что другое очень даже интересовало, и ответ мне нужен пусть и лживый, но не в порыве негативных эмоций.

— Слушай, Кероп, — поев, я привалилась к боку Аодха, — а ты заметил, что я изменилась?

— Конечно, — он удивленно моргнул.

— И как тебе?

Он пристально всматривался в меня несколько минут, потом перевел взгляд на напрягшегося дракона и признался совершенно честно, насколько это возможно сделать дракону:

— Ты очень красивая. Если бы тебя не украл мой друг, это бы сделал я.

А потом резко поднялся и вышел из пещеры, словно не в силах больше смотреть на мою красоту.

— Может, и правда мои два пера выглядят круто? — почему-то вслух поинтересовалась я. — Если Кероп не против в третий раз тащить девушку на себе, очаровывать, чтобы потом оставить на какой-нибудь скале, наверное, чешуя на лице привлекательна для драконов?

И я совсем не ожидала услышать смешок авантюринового и едва различимое:

— Моя!

Глава № 13. Папины методы

Наверное, признание выбило из Аодха последние силы, потому что он и дышать стал прерывистой, и почти не отреагировал на возвращение Керопа после прогулки. Рыкнул угрожающе, оскалился и так и застыл. Но все равно Лунный не захотел оставаться в пещере.

— Это тебе только кажется, что он не слышит сейчас и не понимает, — пояснил свое предпочтение улицы, и несмотря на внезапно начавшийся дождик, решения не изменил.

Я прилегла рядом с драконом, и чешуйчатый хвост тут же обернулся вокруг, защищая от возможной угрозы. Спать не хотелось, лежать опротивело, спина болела от растущих уродливых крыльев, живот ныл от трения по камням, волосы раздражали длинными паклями, лицо шелушилось и чесалось, намекая, что жесткая чешуя — это вовсе не нежный крем, а руки... на них не хотелось смотреть, они были похожи на руки затюканной замужеством корри. Одежда, если бы у нее был выбор, полагаю, добровольно ушла в утиль, но другой у меня не было, так что... А, кстати... не то, чтобы я собиралась надеть, а любопытства ради...

— Кероп! — позвала без особой надежды, что дракон отзовется, несмотря на чуткий драконий слух.

— Чего тебе? — заглянул Лунный в пещеру.

— Где майка, которую ты выторговал у Аодха?

— Тьфу ты! — выругался дракон. — И ради этой фигневины ты меня позвала?

— Ну мне интересно.

— И Аодха тебе не жалко — спал тихо, восстанавливался, а ты...

Авантюриновый действительно теперь лежал не так расслаблено, как минуту назад, но вопреки опасениям папы вел себя паинькой. Никого не разорвал, никем не позавтракал из знакомых, так что все под контролем — подумавшись, пару раз порычал и пробежался с огнем по пещере. Все живы, здоровы, некоторые размялись, некоторые согрелись.

— А ты, если так переживаешь за друга, ответь да седи себе дальше, — посоветовала Лунному.

— Да нет майки, — видимо, придя к выводу, что легче дать, чем отказать, с грустью ответил тот, — демон, который меня сбил, отобрал.

Любопытно, зачем папе женская майка?

«У папы есть кому ее подарить, — хохотнул тот. — Я сам не догадался такую же сделать».

«Я надеюсь, ты не думаешь, что мама...»

«А почему бы и нет? Мимо моей пещеры безнаказанно не летают драконы, так что все будет пристойно».

«А ты ей скажешь, что на самом деле майка прозрачная?»

Отец промолчал, и это все равно, что ответил. Ладно, сами разберутся — не маленькие, я уверена, что детям не стоит лезть в жизнь родителей.

«Это по-драконьи мудрое решение!» — похвалил папа.

Ну да, ну да, надеюсь, мама никогда не узнает, что я знала о майке.

— Эх, говорил я Аодху, — вздохнул Лунный, — что мне эта пещера не нравится, а он: нет, говорит, здесь никто раньше не жил, ни одной драконьей мордой не пахнет, так что

подойдет. А я как чувствовал, что что-то здесь аномальное.

— Например?

— Например, в округе летает демон, который нагло посягает на драконью душу!

— Ты о майке?

Лунный махнул рукой, мол, объяснять безнадежно, и перешел ко второй претензии:

— А еще вот мы все ждали, что твой папа-дракон заявится и попытается прокачать права, но кто мог предположить, что он попытается убить зятя?!

— Если бы он собирался, он бы убил.

— Много ты понимаешь. Убить Аодха не так легко, да и в такое состояние, в котором он пребывает, не думал, что можно ввести. Что-то нечисто здесь, говорю же! И вот еще что, если Аодх в таком... удрученном виде, то что стало с твоим отцом? Я пока охотился, осмотрелся, приняхался, но нигде не учуял крови раненного дракона.

— Хочешь познакомиться с моим папой? — не сдержала улыбки, представив себе эту встречу.

— Только если он выжил!

— Договорились. Я вас познакомлю.

«Он не обрадуется еще одной встрече», — предупредил отец.

«Но все равно ведь придется».

И мы оба оставили эту тему, не желая уточнять: почему да как. Смысл притворяться?

— Спустишь чуть ниже, там есть укрытие, — сказал Лунный, заметив, что дождь переходит в ливень. — Аодх наелся, ему пока хватит. Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо.

Лунный кивнул, принимая благодарность, и вскорости я услышала, как раскрылись в полете его крылья. Ну вот, снова мы с Аодхом одни, и не скажу, что меня это пугает. Нет. Хотелось бы, очень хотелось бы, чтобы дракон вернулся, размял затекшие крылья, наслаждался вольным полетом, но меня не пугало быть с ним так близко, что дыхание задевает волосы на макушке, не пугало больше, что я не справлюсь. Паника улетучилась, я понимала, что нужна ему, понимала, что он вернется, и знала, что все препятствия временные. Когда-нибудь я вспомню с улыбкой, как путешествовала по высокой скале на пузе, когда-нибудь напишу книгу об эффективности мясной диеты и свежего воздуха, расскажу всю правду о глупом кустарнике.

А пока я жду, и зову, зову...

Я рассказывала дракону о своем детстве, ничего выдающегося, в принципе, не было, похищение монстром я опустила, ведь Лунный утверждал, что Аодх все слышит, а так, несколько забавных историй, просто чтобы он знал, что я с ним. Большинство историй связаны с Сайв, и хотя по сути они были веселыми, загрустилось. Как она там? Ждет еще своего дракона? Или смирилась? Почему-то мне представлялось, что она до сих пор сидит на крыше булочника, одна, смотрит на горизонт в ожидании чуда, и понимает, что чуда не будет.

Жаль, что у меня не получилось помочь. Жаль, потому что драконам нужна половинка сердца, а я знала, как нуждалась в любви Сайв, как хотела стать для суженого-дракона — его душой, миром, словом, тем, кем по словам папы, сейчас для Аодха являюсь я.

«Фух, надоело мне ждать, когда твой лежебока поднимется. Столько дел нарисовалось, столько дел...» — пожаловался отец.

«Не терпится на первую примерку?» — поинтересовалась я.

Нет, ну а что подгонять-то? Стараемся мы, стараемся, сегодня были успехи.

«Да видел я, что стараетесь, но мало, — зевнул отец. — Скука. Что мертвому припарка, то дракону огонь. Не ориентируется он пока где кто, но ты его хорошо сдерживаешь, не ожидал, что тот мутный так легко отделается. От меня он и то ушел под большим впечатлением. Я тут подумал. Второй день на исходе, а второй между первым и третьим — это что? Это серединка, куда качнет — то и будет, так что надо сине-бурому встрепенуться».

«Как? То есть... ты уверен, что надо?»

«А я никогда не болтаю зазря, даже мысленно. В общем, пока ты не против, я начну действовать».

И как в прошлый раз, не успела я расспросить толком и озвучить свое мнение, не успела моргнуть, если честно, как одна из серых плетей забросила в пещеру какого-то мужика с плетеной корзинкой. Дракон тут же приподнялся на лапах, ударил хвостом по полу и повернул морду к гостю, а я, присмотревшись к корзинке, поняла, что хана мужику, потому что он не просто мужик, а одно из лакомств дракона — грибник!

— Иззвинните, — проблеял мужик, закутываясь в длинную бороду, — я, кккажется, заблудд... заблудился?

И вот если бы он молча сбежал, у него еще был шанс, но услышав его голос, Аодх открыл зубастую пасть и заревел так, что корзинка с грибами рассыпалась по пещере, а мужик испуганно осел на пол. Дракон сделал рывок вперед, и я понимала, что мой крик его не остановит во время охоты, но все равно закричала, закрыв глаза, потому что боялась. Боялась увидеть обглоданные кости ни в чем неповинного человека. Боялась, что после этого не смогу видеть Аодха, не смогу обнимать, не смогу...

А потом послышался вскрик, но по ту сторону входа, какое-то бормотание, и тишина.

Я открыла глаза. Дракон лежал поперек пещеры, такой же спокойный, как минуту назад, и хвостом подталкивал ко мне грибы, мол, бери, бери, они для тебя, мне не надо. Грибника и пустой корзинки не было. Аодх услышал, он понял меня! И такая радость нахлынула, что я поползла к дракону и, обняв, расплакалась. Ну я же говорила, что рядом с ним делаю иногда странные вещи: плачу вон, когда на душе радостно.

«Самое странное, что ты уже почти собираешься за него замуж», — хмыкнул отец.

А я ничего не сказала, потому своим не лгут и еще потому, что после шокотерапии, устроенной папой, говорить пока не хотелось. Да, я понимаю, для чего он так сделал, но... я по-настоящему испугалась. Не за себя, а за незнакомого человека, но в первую очередь — за Аодха.

— Эй, ты куда? — я глазам не поверила, когда дракон приподнялся и вслепую пошел из пещеры.

«Не ходи за ним», — посоветовал папа.

«Почему?»

«Он скоро вернется».

Догадавшись, что дракон окреп достаточно, чтобы уединиться, я осталась лежать в пещере, правда, у самого входа, потому что он ведь пока действует в полубессознательном состоянии и если вдруг начнет падать со скалы, я успею не подхватить, но хотя бы позвать папу.

«Не факт, что папа успеет подсуетиться», — по привычке своей нелюбви к похитителю ответил отец, но мы оба знали, что он поможет, если понадобится.

Ливень сменился моросью, словно не желая зря мочить огнедышащего дракона, правда,

Керопа природе не было жаль. А, может... все дело в Аодхе? Правда, это бы значило, что на самом деле авантюриновый чувствует себя лучше, чем мне показывает и что Кероп прав — он все слышит, все понимает...

«Я же говорил, что он хитрый, — поддакнул отец, — и кстати, та пещера, ниже по курсу, где пытался спрятаться мутняк-извращенец, до отвала забита летучими мышками. К вам случайно никакие крики не доносились?»

«Да нет», — растерялась я.

«А, ну тогда этот твой, чешуя ходячая, установил слуховые заглушки в пещере. Пожалуй, не так и плоха его повернутость на пунктиках. Порасспрашивай после мутного, как ему пещерка — посмеемся. А пока...».

«Что?» — насторожилась, и как оказалось, не зря.

«Еще один шаг из зоны комфорта, чтобы кое-кто быстрее шевелил своим коротким хвостом».

И да, да, в ту же секунду в пещеру были заброшены два бородатых мужика с корзинками. У одного красовались разномастные ягоды, у второго еще трепыхалась рыба.

— А что, за рыбой теперь тоже с корзинками? — опешила я.

— А что, хозяйка пещеры всех встречает лежа на пузе при входе? — хохотнули мужики.

И не успела я ничего сказать, округу пронзил душераздирающий вой, содрогнулась скала, по моим ощущениям, треснув надвое, и гулкий топот Аодха ответил вместо меня, что хозяин пещеры спешит оказать более гостеприимный прием, чем хозяйка.

— Сматываем! — мужики бросились к выходу, благо, я учла их замечание и отползла в сторону, а то бы задавили и не скривились.

— Корзинки оставьте: дракон голодный, вы ему даром не нужны, а за ними погонится!

Они послушно бросили корзинки и выбежали из пещеры, кстати, понятия не имею куда, потому что крыльев у них нет, а на скалу хоть и вела одна тропинка, но спуститься с нее можно только свернувшись колесом.

«Это же надо быть такими трусливыми! А если бы ты не успела отползти? Ну ничего, папа разомнется, папа этих му...у...мужланов сейчас с горочки прокатит, — пообещал отец. — Нечего им у вас там приманками для дракона разгуливать. Хватит».

Покаянные вскрики, как жаль, что они чуть не задавили хорошенькую девушку, правда, более рваными фразами, все отдалялись, пока не стихли совсем. А в пещеру вернулся Аодх. Все так же, зашел с закрытыми глазами, повел носом в мою сторону, опустил хвост, успокаиваясь, и не задев ни единого приношения гостей, протопал поближе к огню. Укладываясь, негромко рыкнул, мотнув мне мордой, что я расценила за приглашение присоединиться.

Ползу, ползу...

Я попыталась подталкивать корзинки с провизией и ползти одновременно, но драконий хвост сгреб меня и подтянул к себе. Корзинки остались при входе, и, наверное, это правильно, потому что одно дело — дышать драконьей чешуей, и другое — рыбьей. Драконья — она как-то... пахнет драконом.

Надеюсь, на сегодня прием гостей окончен?

Папа ничего не ответил, поэтому оставалось только надеяться, а, впрочем, пусть вваливаются гости, если так надо, потому что несмотря на странность папиных методов, они действуют. И проветрился дракон, и не тронул никого, а когда немногим позже Кероп заглянул поинтересоваться все ли у нас в порядке, авантюриновый мотнул головой, мол, да,

хорошо, и Лунный спокойно принялся готовить рыбу с грибами.

— Это хорошо, что у вас запасы обнаружили, — сказал он, потирая ладони в огне, — и тепленько. Я прям очурился под ливнем.

— Ты же говорил, что нашел пещеру, — вспомнила я.

— Ну да, только до меня ее нашли летучие мыши. — Он пожегся и машинально пригладил длинные волосы. — Такие маленькие, а такие злые!

— Ааа, — протянула я, — кажется, я слышала, как кто-то кричал...

— Так они и кричали. Они так голосили — до сих пор уши болят! — нашелся Кероп, но потер почему-то шею и спину.

Я услышала, как раскатисто засмеялся мой папа и сквозь смех попытался добавить подробности, но не успел.

— А почему же ты, а не они мокли под ливнем? — поинтересовалась я.

— Да жалко их стало, — развел руками дракон, — такие маленькие и такой большой ливень.

Отец рассмеялся еще заразительней, и мне едва удалось не присоединиться к нему.

— Готово, — объявил Лунный, осторожно передавая мне вертел с рыбкой.

Вкуснотища, без соли и кусочка бы не осилила, но когда под боком такие мужчины, как Аодх и папа, мне не грозит голодная смерть. Лунный сидел у костра, не нервирова лишний раз Аодха, дракон терпеливо ждал, когда я за ним поухаживаю. И я сама не понимаю, как за несколько дней он успел из безразличной мне сущности стать тем, для кого ничего сделать не трудно.

Покормила, напоила, угостила десертом из ягод и фруктов, а спать он сам улегся. Лунный убрал остатки, а с наступлением сумерек хотел оставить нас, сказав, что любой дракон и днем с трудом терпит присутствие других драконов рядом с саинтэ, а ночь вообще создана для двоих. Тогда я напомнила, что мы уже спали в одной пещере, и обошлось без последствий, но вряд ли бы я убедила его, если бы с улицы не послышались раскаты грома. Не настаивая больше на уговорах, Лунный лег по другую сторону огня.

Под монотонные звуки дождя и на ложе из собственного дракона, я уснула быстро, но вскоре проснулась от сильного толчка. С трудом разлепив ресницы, увидела, что лежу на полу пещеры, то есть дракон меня просто спихнул с себя! Но удивление переросло в шок, когда вместо звериной я увидела человеческую сущность. Он обернулся! Только стал светловолосым, как на крыше!

— Аодх, — тихо позвала я.

Он дернулся, скрутился пружиной, застонал и снова обернулся — теперь уже темноволосым. Но тело его почти сразу выгнулось и обернулось драконом. Потом рядом со мной уже лежал рыжий, с длинными-длинными огненными волосами и такими смешными веснушками на переносице. А потом снова дракон. Сущности сменяли одна другую, с десяток образов проплывал перед глазами, а я с замиранием сердца следила за превращениями. Это все... Аодх? Во всех этих сущностях? Или просто образы, которые он когда-либо принимал?

— Он возвращается, — услышала шепот за спиной.

Я и забыла, что в пещере еще есть Кероп.

— Что мне сделать? — прошептала чуть слышно.

— Жди.

И я ждала, ждала и чуть тихо шептала имя дракона. Я знала, что он услышит. Я знала,

что он поймет, что я рядом и жду его. Пусть возвращается. Пусть возвращается... И слезы выступили на глазах, когда Аодх, захрипев, обернулся темноволосым и застыл, тяжело дыша, а его ресницы дрогнули.

Он вернулся!

У него получилось!

Сердце рвалось из груди и так громко стучало, что его грохот серьезно угрожал барабанным перепонкам. Спина заныла, словно на нее наступили с размаха, но я прикусила ладонь, чтобы не закричать. Перетерпится, перебьется. Главное, что дракон вернулся! Сколько раз, пока он лежал в полусне — полусмерти, я мысленно перебирала наши моменты вдвоем: он всегда заботился, окружал любовью, оберегал меня, а я...

А я вдруг вспомнила, как сейчас выгляжу, поняла, что Аодх тоже сейчас увидит меня такой и... что?! Какой будет его реакция?!

Уползти бы, спрятаться, хотя бы за Керопа! Но Лунный подумал, что моя паника от радости, и подмигнул мне. Никакой помощи. Никакой. А мне бы спрятаться, правда... хотя бы на первое время, чтобы перевести дыхание и изобразить равнодушие. А если Аодх сделает вид, что не заметил меня, если разомнет крылья и улетит со своим приятелем, я не заплачу. Нет, не заплачу. Я смогу. В конце концов, я не люблю его, просто привыкла и...

Аодх открыл глаза. Повернул голову. И уставился на меня с таким пляшущим ужасом в бездонных зрачках, что я замерла на месте, не в силах ползти, не в силах дышать, не в силах бояться, что не нужна ему больше. Я и сама понимала, что выгляжу жутко и, наверное, запах не их приятных, поэтому реакция дракона не ранила, я даже изобразила улыбку и прошептала:

— Привет.

А дракон, услышав мой хриплый голос, закрыл глаза, словно не мог больше переносить то, как я выгляжу, и издав боевой клич, потянулся ко мне, слепо сжимая в кулаки пальцы.

— Нет, я, конечно, понимаю, что выгляжу очень не очень, — пробормотала я в замешательстве, — но ведь можно выставить из пещеры и без рукоприкладства?

Мне ничего не ответили. Молча сгребли в охапку и поцеловали так отчаянно и со вкусом, что я едва расслышала, как за спиной что-то грохнулось. Вот уж не думала, что Кероп такой чувствительный! Но я так соскучилась по поцелуям, что отбросила все мысли о Лунном. На душе предательски потеплело от того, что никто меня возвращать и не собираются, да и я никуда пока не собираюсь сбегать. И вообще, если мы с авантюриновым удачно сторгуемся, обсуждая условия новой жизни, я не против некоторых драконьих традиций.

Я имею в виду: украл — так украл!

Глава № 14. О линьке, чешуе и планах

Глава № 14. О линьке, чешуе и планах

— Оухххэх, — стон за спиной заставил обернуться, и я несколько удивилась, заметив, что Лунный все еще лежит и, кажется, подниматься не собирается.

Понятно, что он намотался за день и что ночь еще в самом разгаре, а мы оба не выспались, но разлечься посреди пещеры, практически у меня под боком? Немного некомфортно, если честно. Подвинуться бы, да не могу: Аодх крепко прижимает к себе — это раз, а два — я все еще ползуче-неуклюжая, возвращение авантюриновогo в этот мир меня ведь не преобразило. Я так же прекрасна — с волосами-сосульками, в протертой одежде, особенно, в области живота и коленей, со стесанными носками у кроссовок, потому что несмотря на полную нечувствительность ног, забывала об этом и пыталась упереться в землю, чтобы легче ползти. И, признаться, понятия не имею, почему Аодх прижимает так крепко, словно я драгоценность, когда я ничуть не похожа на ту, кого он украл.

— Ты — моя саинтэ, Доди, — придерживая мой подбородок, заставил отвернуться от стонущего Керопа. — Для меня ты была прекрасна и в человеческой сущности, а когда я увидел тебя такой...

Он с силой втянул воздух и закрыл глаза, пальцами запутываясь в моих прядях. А я думаю, он запутывается, потому что они ужасны.

— Когда я почувствовал, что у тебя начался процесс обращения... — прохрипел авантюриновый, распахивая глаза, немигающие, влекущие к себе черным пламенем. — Я начал сходить с ума. Я рвал сети, в которые меня укутала смерть, в них было уютно, легко, я был там своим, но я хотел вернуться к тебе, пока никто из драконов не успел заявить на тебя права, я хотел снова увидеть твой взгляд — иногда жесткий, иногда отстраненный, иногда чужой. Но всегда мой. Для меня.

Как-то так получилось, что моя голова устроилась у него на плече, а волосы после ласки Аодха закрывали пылающее лицо приятным шелком с легким запахом горных трав. Они теперь были совершенно чистыми, как и моя одежда, я правда, видела только майку, но у Аодха есть еще один пункт — все начатое доводить до конца. Вот бы и с моими чудокрыльями что-то сделал!

— Они действительно чудесные, — моя спина остро отреагировала на его прикосновение, хотя я и пыталась не выдать, как это больно. — Чшш, — шепот у моего уха, — я ее заберу.

И удивительно, но надоедливое покалывание сменилось легкой прохладой, и я смогла глубже вдохнуть, без опаски получить новый удар боли. Выпрямила спину, повела плечами — хорошо-то как, вольно.

— С крыльями ничего не нужно делать. Просто ждать. Когда они полностью сформируются, — дракон обжег дыханием два моих безобразных перышка, а те довольные вниманием — затрепетали, потянулись к нему, — мы полетим с тобой вместе. Я научу тебя. Я буду рядом. Само небо будет завидовать нашей свободе.

Я слегка напряглась, потому что вспомнила сон, свой сон, в котором летала по небу... но я не стала спрашивать, знал ли он о моем сне. Думаю, знал. Думаю, видел его. А, может, это был и не сон, а другая реальность, в которой мы оба летали? Может, еще одна из простых особенностей дракона?

— Ты не боишься?

— Вот еще!

Значит, это все-таки сделал Аодх...

Благодаря тому сну или не сну я на какое-то время забыла, что ползаю, как гадюка, и что Аодх может и не вернуться. Я была гордым драконом. Я была сильным драконом. И я была не одна.

Аодх на секунду прижал меня еще крепче, и я даже хотела рассмеяться и сказать ему, чтобы не боялся — в таком состоянии не сбегу, но он отпустил меня, снова балуя перышки легкой лаской. Не много ли им? У меня вот чешуя на лбу зачесалась, а лоб прижат к мужскому плечу, а руки сами обнимают дракона...

Аодх отстранил меня от себя, и я смутилась под его взглядом. Я понимаю, что не в первый раз он меня рассматривает, и даже так близко не в первый, просто я пока еще сама не привыкла к своему новому облику... Может, чуть позже рассмотрит? Хоть чуточку позже? Но в темных глазах Аодха светился такой восторг, что я смутилась и успокоилась одновременно. Кажется, ему нравится, как я выгляжу.

— О да, — провел ладонью по щеке, погладил большим пальцем лоб, и зуда как не бывало.

Ух ты, и кому там не угодила магия колдуна?! Держите меня четверо, я за себя не ручаюсь. Со всеми разберусь, всех догоню, вот как смогу ходить, так и держите, а то начнется кровопролитие. Я — дракон молодой, до конца не обратившийся, новые вкусовые пристрастия у меня еще не сложились, могу и врагами перекусить.

— Спасибо, — поблагодарил Аодх, хотя это ведь я должна была, это мне лоб почесали. — Я сделаю все, чтобы ты не пожалела о выборе.

— Я... ну...

— Ах, ну да, — усмехнулся авантюриновый и переключился на второе крыло с массажем, — ты хотела поторговаться.

Да! Хотела! Имею полное право! Погоди-ка... У меня что, появилось второе крыло?!

— Да, — восторженный шепот. И вот мне еще показалось, что восторга по поводу этого крыла явно больше, чем по поводу предыдущего, но Аодх не дал времени погрязнуть в раздумьях, а сразу порадовал: — А еще, Доди, — восхищением была наполнена каждая буква, — у тебя появился хвост.

Хвост?

Эм... Что ж, с хвостом, пожалуй, ползать удобней.

Нет, я видела по сверкающим глазам Аодха, что он рад за меня и предполагалось, что я тоже должна быть в восторге, но мои эмоции притупились от обилия новостей. И, наверное, из-за этого же не давало покоя маленькое уравнение с одним неизвестным. Понимаю, что не вовремя, но куда от него деться? Назойливое. Итак, сижу я спиной к Керопу, мой хвост явно не заправлен в джинсы, так как хвосты у драконов не птичьи что бы там себе не думал курнабус, а жесткие и длинные, их тряпочкой не прикроешь. Вопрос: что именно видит Кероп и насколько это прилично?

— Ничего он не видит, — Аодх развернул меня к лежащему на полу пещеры дракону. Тот ворчал нечто непередаваемое и усиленно тер глаза, пытаясь открыть их. — И ничего не слышит, — добавил Аодх. — Надеюсь, ты не против, если мы продолжим разговор без него?

— Ну, если ему не очень плохо...

Аодх приподнял бровь, тоже рассматривая приятеля.

— Потерпит, — принял решение, — в конце концов, сейчас ночь, зачем открывать глаза?

— И утомлять уши посторонними звуками? — поддакнула я.

— Посторонними звуками? — Аодх мгновенно потерял интерес к приятелю и уставился на меня таким говорящим взглядом, что я бы испугалась, конечно, испугалась, если бы не была уверена, что мне рядом с ним абсолютно ничего не угрожает. И что испытание номер пять, на которое намекал папа, вряд ли пройдет при свидетелях, пусть даже и слепо-глухонемых.

— Ну, наконец-то вспомнили! — послышался возмущенный голос, и отец вошел в пещеру, в звериной сущности, наверное, чтобы намеренно выделиться среди других драконов. — А то я уже подустал там стоять. Стою, стою — не зовете.

Он уселся по-турецки, неодобрительно покосился на Лунного, норовящего нечаянно задеть его хвост, и уставился на Аодха.

— Ну, здравствуй, — протянул обманчиво ласково, — верно я подслушал, что ты из категории смертников торопишься перейти в категорию моих родственников?

Аодх поморщился, а больше ничем не выдал, что мой отец не совсем верно подбирает слова. По смыслу подходят, не оспоришь, а по факту вряд ли он когда-нибудь мечтал о родстве с демоном. В ответ на мои размышления мне достались сразу два взгляда — один со смешинками, второй с благодарностью, и несмотря на то, что мне было приятно, я незамедлительно установила блок. Прочный на этот раз.

— Умница, — похвалил отец.

— Хорошая попытка, — похвалил Аодх и успокоил меня мимолетным поцелуем, прежде чем я успела расстроиться.

А потом пещеру накрыла тишина, прерываемая редкими возмущениями Керопа. Я переводила взгляд с отца, застывшего в ожидании, на Аодха. Они смотрели друг на друга, не мигая, молча, но думается мне, ожесточенно вели мысленный диалог. Вот так, у меня на глазах, и без моего участия! А я сиди и жди? Мучайся от любопытства?

— Это мужской разговор, — отвлекся на секунду Аодх, и снова все внимание отцу, а тот и не заступился!

Сидел и смотрел на него, сидел и смотрел. Ну ладно, я тогда... да я вот вам... ну я тогда хотя бы хвост свой порассматриваю! Перекрутилась ужом, повернула голову и обессилено уронила ее на колени Аодха. Это невыносимо! Это несправедливо, если на то пошло! Была у меня маленькая надежда, что чешуя серая, крылья облезлые, но хвост будет на зависть другим драконам, но снова не повезло! Чуть ниже спины, там, где раньше особенно интересно смотрелись джинсы, образовался клин, так иногда распарывают одежду для беременных, если нет средств на новую, и вот оттуда протянулся длинный хвост цвета песка с пеплом, причем в свободной пропорции и вперемешку. Нет, цветовая гамма соблюдена, и хвост идеально подчеркнет мое желтое лицо, но!

Где обещанный красивый дракон?

Где он?!

Драконья жизнь — сплошное разочарование, и если эти двое не перестанут отмалчиваться и притворяться, что им все нравится, я заору. Реально заору. И укушу Керопа. Не знаю, почему его хочется укусить, но укушу. Мне плохо! Я в бешенстве! Пожалуйста, прикончите меня до того, как я гляну на свой хвост еще раз, а то смерть от остановки сердца в таком возрасте — это как-то не по-драконьи!

— Ой, — выразила возмущение, когда меня бережно развернули в руках.

— Доди, — черные глаза заглянули в мои, — неужели для тебя красота так важна?

— Нет! — выпалила поспешно, а потом задумалась и призналась. — Да.

Аодх недоверчиво покачал головой, и мне самой было немного неудобно, но что есть, то есть.

— Отец твой красивый? — спросил Аодх.

— Конечно!

— В какой сущности?

Такое ощущение, что глаза отказали не Керопу.

— Во всех.

Аодх удовлетворенно кивнул.

— А я?

— Что ты?

— Красивый?

— Ну... — протянула я, стараясь не покраснеть и не выдать себя.

— В какой именно сущности?

— Да у тебя их столько... — начала я задумчиво и осеклась под его взглядом.

Ну, да, поймал, поймал!

Понятно, что Аодх пытался мне доказать: если кто-то нравится, ну или больше чем нравится, внешность не имеет значения. И с этим я полностью согласна. Но разве не кощунственно называть красивым безобразное, растить надежды, а потом бах! Я ведь не слепая! И у меня нет завышенного драконьего самомнения! Я вижу, что чешуя у меня рыба, перья никчемные, а хвост тошнотворный. И мне с этим жить! А как с этим жить?!

— Дай себе время, — посоветовал Аодх.

— И тогда ты вспомнишь, что папа тебе никогда не лжет, — подключился отец.

— И поймешь, что есть еще один дракон, которому можно верить, — добавил Аодх.

А ведь и правда, ведь и правда, затеплилась надежда, я не прошла полного обращения, а значит, цвет хвоста может измениться, крылья вырасти, а чешуя, как у других зверей, вылинять! Но стоило бросить взгляд на драконов, которые никогда мне не лгут, чтобы понять по их старательно безразличным лицам — драконы и здесь выпендрились, драконы не линяют... чтоб их...

— А еще у нас чешуя не выпадает, — порадовал папа, и я поняла, что мой молниеносный план по собственному преобразению рушится, потому что эти странные вкрапления грязно-серого в моем желтом хвосте пинцетом не напугаешь.

— Ничего, — Аодх сочувственно погладил меня по голове, — я тебе все-все расскажу о драконах. Я сделаю то, что не сделал тот, кто должен был подготовить тебя к этому счастливому моменту.

— Если бы ты не игрался два дня в задохлика, предварительно состроив из себя благородного, моей дочери еще лет тридцать не грозило махать хвостом, — огрызнулся отец. — И у нас с ней было бы еще около десяти тысяч девятьсот пятидесяти тихих вечеров, когда можно было бы обсудить все нюансы обращения и подготовить ее к тому, что она сейчас видит. По твоей милости, кстати.

— А успели бы? За семь тысяч шестьсот шестьдесят пять вечеров у вас даже не вышло подготовить ее к возможному похищению.

Я бы сказала, что мое летоисчисление в днях сразило меня наповал, если бы и так не

лежала.

— А это потому, мой дорогой и уже вряд ли из-за своего длинного языка, любимый зять, — оскалился папа, — что до недавнего времени Анидат был надежно закрыт от наглых драконьих морд. Можно подумать, мы с Доди только сидели и ждали, когда ты нарисуешься, чтобы потанцевать на балу! Поналетели, понимаешь ли, ногами махать!

Аодх не посчитал нужным повториться, что танцевать не мечтал, а, может, решил, что я знаю — и хватит. Быстрый поцелуй в макушку подтвердил, что ко мне опять возвращается логика и здравые рассуждения, и было так приятно и радостно, что и перед папой почти не стыдно.

— Как вы вообще пролетели через границу? — полюбопытствовал отец, испепеляя Аодха взглядом. — В горле не пересыхало? Крылья не вяли? Хвост не дергался? Глаза не отводило?

— Ааа, — протянул Аодх, — так это ваша работа? А я-то удивлялся: почему мне так не хочется лететь в Анидат? Почему просто выворачивает от желания отказаться? А ведь наоборот должно было притягивать. — Ласковый взгляд на меня. — У вас почти получилось, друзей я затащил в город практически за уши, через границу так вообще перебросил, а сам не повернул, видимо, подсознательно зная, кого встречу.

— Не верю я в такое подсознание, — проворчал отец. — Ты просто упертый, как...

— Как ты, папа, — подсказала я, а то все лежу да молчу.

— Не лъсти ему! — возмутились драконы одновременно, и уставились друг на друга, рассматривая, присматриваясь. Видимо, сделали какие-то выводы, но ничего не сказали. Синхронно вздохнули и оставили скользкую тему.

— Так, ладно, — папа махнул лапой на авантюринового, — с ним остаешься или со мной летишь?

И я почти подскочила на руках Аодха. Я как-то не была готова, что отец улетит! А я... я что... совсем одна останусь?

— Доди, — послышался напряженный голос Аодха, и страхи так же быстро улетучились, как появились.

— А мы еще не поторговались! — выпалила поспешно, чтобы отец понял, как нужен мне, чтобы чуть-чуть еще задержался. — Я еще не перечислила все свои условия. А вдруг я соглашусь с ним лететь, а он решит, что теперь может во всем мной командовать, и я буду ему как коврик у ног? Или подумает, что об меня можно разбивать сковородки? Или что я буду терпеливо обжигать в огне руки лишь бы приготовить все по приказу? Или что буду развлекать его гостей, даже если он уйдет спать?

По мере того, как я говорила, Аодх сильнее сжимал мою ладонь и склонялся все ниже, пока не скрыл меня от отца длинными черными волосами и не обжег шепотом мои губы:

— Я обещаю, что куплю коврик для ног — лишь бы ты не волновалась, хотя у меня в пещере расстелены колдовские ковры. Я обещаю, что выброшу из дома все сковородки, хотя у меня и так ни одной нет. Я обещаю, что даже если ты захочешь что-либо приготовить, никогда не обожжешь руки, потому что ты — дракон. Я обещаю, что тебе не придется развлекать гостей в моем доме, потому что ко мне никогда не приходят гости. Ну как, Доди? Дальше летишь со мной добровольно или похищение продолжается?

И только он, дракон с демоническими глазами, мог так бездарно пропустить трогательный момент и меня рассмешить!

— Ты... ты... невозможный, невыносимый, ты... — сквозь смех перечисляла я, а он

водил по моей щеке большим пальцем, всматривался, словно никогда раньше не видел, и был так серьезен и задумчив, что мне с удвоенной силой захотелось скорее прилететь в Долину Драконов и разобраться с каждым, кто хотя бы раз косо посмотрел на него!

Гости к нам, значит, не ходят? Да кому эти снобы сдались? Пусть едят у себя дома, пусть топчут свои ковры, а не эксклюзивные колдовские! Я, правда, не представляла, что это за ковры, но все равно — стопы прочь! Наши! Хотя, может, я здесь и поторопилась...

— Твои, твои, солнце, — улыбнулся дракон, а больше ничего не сказал.

Прижался лбом к моему, удовлетворенно вздохнул и закрыл глаза. Надеюсь, не уснул, потому что поза у нас недвусмысленная, и не хотелось бы, чтобы папа снова вернулся к вопросам воспитания...

— Доди... — Аодх выпрямился, и я увидела, что место, где сидел отец минуту назад, пусто. Я не слышала, как он ушел из пещеры, не слышала, как улетел, все мои мысли были сосредоточены на другом драконе. Это непривычные для меня ощущения, потому что раньше папа был для меня почти всем, не считая мамы, а теперь появился дракон, из-за которого я иногда теряюсь в пространстве и времени. Я прекрасно понимала, что расставание с папой не навсегда и что мы опять увидимся, но маленькая нить одиночества протянулась и завязалась узлом где-то в области сердца.

— Скоро они с твоей матерью прилетят в Долину Драконов.

— Хорошо, — я сглотнула ком в горле и решительно дернула за тонкую нить, — вот и будут у нас первые гости.

Глава № 15. Для чего нужен хвост

Глава № 15. Для чего нужен хвост

Меня не покидало ощущение нереальности. Ведь так не бывает. Не со мной — уж точно. Но это именно меня несет на руках дракон, а я смотрю с улыбкой, как его черные волосы развеивает ветер, как отражаются в его глазах яркие звезды, и как лунный свет смягчает строгие линии его обнаженных плеч. И самое поразительное: я и не думаю возражать, более того — удивляюсь, почему идея искупаться ночью, с ним, вдвоем, возникла не у меня?

— Пусть спит, — сказал Аодх, прежде чем взять меня на руки и вынести из пещеры, и тихое посапывание Керопа сопровождало наш уход.

Ну, и действительно, зачем держать уставшего дракона в полубессознательном состоянии, из которого он настойчиво пытается вырваться, если можно дать ему отдохнуть, а результат одинаков? Мы с Аодхом без свидетелей, на огромной скале. Отец улетел к маме, Кероп под действием чар уснул крепко, а других драконов или землеходящих в округе нет — проверено колдуном.

Между нами так много не сказано, что и сказать нечего. Мы оба молчим. Дракон идет медленно, зная, что я наблюдаю за ним, конечно, зная и продлевая такую возможность. Зачем? Он ведь и сам в курсе, что довольно красив.

Тихий смехок.

В курсе, слышит, и пусть. Не уверена, какая из его сущностей вызывает во мне больший отклик. Драконья — когда огромные крылья ленивыми взмахами рассекают небо на две половины, а черные глаза прожигают насквозь все, что неосторожно летело мимо? Человеческая — когда длинные волосы рекой падают ему на спину, а во взгляде смешинки и такая самоуверенность, что хочется рассмеяться? Или полутрансформация как сейчас, когда за спиной его сложены драконьи крылья, а взгляд пристальный, обжигающий, колдовской?

Не знаю, когда мое сердце обратило на него внимание, когда ускорило бег. Не уверена, что услышала зов, о котором он говорил, но... Что-то произошло, что-то случилось между нами, и это многое изменило. Я могла бы сейчас лететь на спине у отца, быть свободной, вернуться к привычной жизни в городе детства, я ничем не обязана Аодху, выжил — и хорошо, но я не жалела, что отказалась лететь.

Поступь дракона мягкая, идет без единого шороха. Он как хищник прекрасно видит и ориентируется в темноте. Когда-нибудь и я смогу спокойно передвигаться, а не лежать бревном на руках, когда-нибудь и я смогу рассмотреть каждый камешек ночью, каждую веточку, каждый... Упс, кстати, о веточках...

— Я хотела пожаловаться.

— Интересно, — мурлыкнул дракон.

— Нет, правда, — для наглядности надула обиженно губы, — пока ты лежал без сознания, меня чуть не съели.

— Подозреваю, речь не о тех мужичках с корзинками?

— Откуда ты знаешь?

Улыбнулся, промолчал, предлагая продолжить. Ну, а кто от такого откажется? Тем более с непривычки? Мы ведь жили с мамой, и мой долг — помогать, а не усложнять, а здесь... эм...

— Можно, — еще шире улыбка.

Вот, а здесь можно.

И я выложила все о мерзком курнабусе, расписала в красках укусы спины, показала царапины (удивилась сама, что они остались), и в конце указала на горку веточек, сломанных мной в жесткой схватке. Мы остановились как раз у кустарника, когда я закончила речь.

— А ты мстительна, — похвалил дракон и развернул меня так, чтобы я сама увидела причину его гордости.

Пушистый кустарник несколько поредел, но не так типа осень настала, листья опали, а выборочно и прилично. А именно: в самой его гуще, там, где раньше обильно кустились кровожадные ветки, зияла дыра. Видимо, именно здесь я и проползала, вот только... я была уверена, что хуже как минимум на три размера!

— Я могу сам выполнить твоё обещание на счет трупаруса, — снова проявил поразительную осведомленность Аодх, — а могу показать, для чего тебе нужен хвост.

— Этот? — покосилась на длинное безобразие, которое тащилось за нами.

— Ты его явно недооцениваешь. Хвост для дракона — оружие, по-моему, ты это знаешь. Да, — кивнул, что-то высмотрев у меня в глазах, — это одно из немногих знаний о драконах, которыми с тобой поделились.

— Папа уже говорил, что...

— И я твоего папу прекрасно расслышал, но наша дочь будет знать о драконах все, не обижайся, — поцелуй вместо успокоительного. — Так вот, хвост — часть твоей силы, твоя опора. Если у тебя отказали ноги, благодаря хвосту ты все равно будешь передвигаться. Если у тебя отказали руки, ты все равно не останешься голодной.

— Тьфу-тьфу, — сплюнула я за плечо Аодха.

— Размер хвоста и цвет тоже немаловажны.

— Я так и знала! Все эти рассуждения, что красота не главное — для отвода глаз! Я буду у вас там шутком!

— Вряд ли я позволю, даже если ты действительно этого захочешь, — остудил снова дракон. — Цвет твоего хвоста не просто красив, Доди. Не спорь, ты пока этого не понимаешь. Это, как знаешь... жить среди обжор-толстяков и считать, что это идеальные формы, а потом попасть к вегетарианцам. У тебя не сформировался правильный вкус относительно драконов.

— Дааа?! — выкрутилась, чтобы лучше видеть драконью морду, а то, может, я тут ошиблась, со своим-то непритязательным вкусом!

— Доди, — поцелуй в висок, щеки, и вот ни одного шанса позлиться, — ты постоянно меня смешишь и перебиваешь, и так странно, что меня это не раздражает.

— Дааа?! — воодушевилась поблажками. — Что, и повторяться можно до бесконечности?

— Продолжим говорить о хвостах, — сияющая улыбка вместо ответа. — Цвет хвоста — это тоже оружие или защита, как повезло, как сумеешь использовать. Как думаешь, цвет твоего хвоста — это что?

— Недоразумение.

— А если подумать?

— Ну, если подумать, то наказание. Я, правда, не знаю за что, вроде бы нагрешить не успела.

— А если подумать всерьез?

Подумала снова, на этот раз как полагается — сдвинув брови, нахмутив лоб, но нет, правда, ничего за собой не припомню: подругу не подставляла, чужого мужчину (тьфу блин не хватало) не возжелала, до недавнего времени даже не целовалась.

— Незаслуженное наказание, — озвучила рассуждения.

— Ладно, — Аодх спрятал взгляд за опущенными ресницами, и мне еще послышался стон, но, наверное, только послышался, — лучше я тебе как-нибудь покажу. Оставим пока эту тему, а то мы соединимся, несмотря на твою полутрансформацию.

И вот здесь у меня брови взлетели птичками, лоб разгладился, а дыхание прервалось. Погоди-ка, а он что... хочет меня, даже видя в таком состоянии?

— Доди, — тяжкий вздох приговоренного к вечным мукам, — интересно, когда ты согласишься, что у меня голова кругом только от взгляда на тебя? После первого или второго ребенка?

А я как представила, что у меня будет ребенок от Аодха, у самой голова закружилась, а перед глазами испуганно затанцевали мутные мушки.

— Я пока не готова, — выдавила просьбу-признание.

— Я тебя подготовлю, — получила намек-обещание. — Ну, так что мы решаем с кустарником?

Окинув курнабус благостным взглядом, я махнула хвостом: пусть живет, а у нас купание намечается, не до разборок. И вообще, Луна очень яркая, и так низко висят звезды, что кажется, чуть подпрыгнешь — достанешь рукой. Только успела так подумать, почувствовала прикосновение ветра к лицу и, — ой, мы летим! — увидела, как стремительно приближаются звезды, а потом одна из них падает мне на ладонь!

Мы приземлились...

Плавно, медленно, в ленивой драконьей манере. Не было слов, чтобы выразить все, что чувствую. Обняла Аодха за шею, разжала ладонь с магическим светлячком — никому не отдам, мой! Светлячок — не звезда, это и легал ясно, он гораздо, гораздо, лучше!

Я с восторгом смотрела, как после полета за спиной дракона складываются сильные крылья. Хорошо, что у него тело прохладное, потому что мое невыносимо горело, а еще хорошо, что у меня есть такой безобразный хвост и все, что со мной сейчас происходит, можно списать на шок, просто шок.

— Все, что с тобой сейчас происходит, — прошептал Аодх, — это я.

А я посмотрела вниз, поняла, что мы оба уже без одежды, пискнула, скрестила руки, попыталась что-то сделать с ногами, но бесполезно, и отчасти из-за растерянности резко поинтересовалась:

— Не слишком самоуверенное заявление?

— Нет.

Дальше я спорить не стала, во-первых, потому что драконов не переспорить, во-вторых, потому что он прав. Все, что со мной происходит в последнее время, из-за Аодха. Он удивленно моргнул — ага, фраза ему не понравилась, но ведь правда, а то хотел смутить меня, выставить напоказ мои... ну... все, что я чувствую...

— А все, что происходит сейчас со мной, — провел ласково по щеке, не забыв почесать и мой лоб, — это ты, Доди.

Взгляд прямой, ничуть не смущенный, но лукавый, мол, смотри, мне не стыдно вслух признаться в том, что я чувствую. Все напоказ, для тебя. Но я пока не готова, не могу, не

привыкла...

— Драконы долго живут, — усмехнулся.

А я закончила мысленно то, что осталось несказанным — «подожду»... и по темным глазам прочитала, что поняла его правильно. Хм, похоже, драконья мудрость — это наследственное.

— И самомнение тоже, — добавил Аодх, заходя в воду все дальше и дальше, пока она не скрыла наши тела. Дракона — по плечи, меня почти всю, потому что он все еще держал меня на руках.

Фух, так поприличней, хотя... я только сейчас поняла, что если мы оба обнажены, то, собственно...

— Не дергайся, — попросил Аодх и добавил с лукавой улыбкой: — Не усугубляй.

И я снова притихла. А что оставалось делать? Захотел раздеть — раздел, захотел рассмотреть — рассмотрел, захочет — возьмет, а я...

— Искушаешь? — строгий такой взгляд с предупреждением.

Молчу, боюсь усугубить, боюсь, что скажет потом, что сама напросилась...

— Доди, — вздох, один, второй, третий, длинная пауза, — ты серьезно думаешь, что я мог так поступить: захотел — взял? Хм, захотел — взял, — повторил он, смакуя, — это, конечно, очень привлекательно, но если бы я придерживался этого принципа, я бы не придумывал момент с кимоно, майками, да и плащ бы мне не понадобился в такую жару.

— Это я все понимаю, — подняла на него глаза, — и помню, что ты говорил про зов и мою к тебе привязанность, — погладила его по груди, меня как-то успокаивал стук его сердца, — и ты говорил, что пока я в полутрансформации, между нами не будет... ну... эм... ничего не будет... но...

— Между нами уже все есть, Доди. Скажи прямо, что тебя беспокоит. Или просто хотя бы подумай об этом. Я пойму.

Под моей ладонью стук его сердца ускорился, и несмотря на прохладную воду, мне стало еще жарче, чем было. Как объяснить, что я не привыкла к тому, что к моему обнаженному телу прикасается мужчина? Пусть даже этот мужчина мне нравится, пусть даже его прикосновения мне приятны...

Дракон облегченно выдохнул, прикоснулся ладонью к моим горящим щекам, и сказал:

— Так нормально?

Я посмотрела вниз: теперь под водой просматривалась нательная рубашка до колен, и несмотря на ее прозрачность я сразу почувствовала себя гораздо уверенней и в настроении.

— Спасибо, — потянулась к губам колдуна.

Я понимала, что рубашка ненастоящая, что он видит меня всю как и раньше, но мне было спокойно в этой иллюзии. Я смогла расслабиться, откинуть голову и позволить Аодху и течению удерживать себя.

— Поработай хвостом, — подсказал Аодх, я шевельнула чешуйчатым убожеством и с удивлением поняла, что плыву.

Я плыву! И причем убожество совершенно мне не мешает, а наоборот! Я слышала, что следом за мной плывет дракон, и когда устала, только успела подумать о нем, как тут же была подхвачена на руки.

— Ну как тебе хвост?

— Непривычно. И в воде не видно, какого он цвета!

Аодх только качнул головой, но на этот раз спорить не стал, что мне повезло. Вот ему

повезло — это да, у него драконья сущность красивая; и папе моему повезло, а мне... Постараюсь не показать при родителях, что расстроена, а то мама у меня впечатлительная, еще примет на свой счет, а я не хочу, чтобы она расстраивалась.

Дракон вышел на берег, сам уселся на землю, меня усадил к себе на колени, дунул, помогая обсохнуть, и откинулся на спину, увлекая меня. Похоже, ему нравится снизу...

Открыл глаза, усмехнулся.

— Знаешь, мне очень интересно слышать твои мысли, — сказал он, расчесывая пальцами мои подсыхающие пряди.

Я немного подвинулась выше, исключительно ему для удобства, да-да; повернула голову набок.

— Только мои мысли интересно слышать или вообще?

— Ты не пытаешься думать правильно или красиво.

— Не поняла. Я что, как-то неправильно формирую мысли?

— Обычно те, кто знает, что я их слышу, пытаются думать что-то пафосно-хорошее, но чаще всего получается пустое и лицемерное.

— Зачем они так делают?

— Чтобы спрятаться.

— От тебя?

— От себя.

— И у них получается?

— Пока я рядом — наверное, но когда я уйду, они ведь остаются наедине сами с собой.

— А как твоя семья воспринимает твой дар?

— Ты первая, кто назвал это даром.

Понятно, дальше о семье можно не спрашивать.

— Да нет, там не очень грустно, просто...

Ага, ага, уши мне не заговаривай, я ведь слышу вздох и как гулко забилося сердце.

— У меня есть два брата и одна сестра. Есть замечательные родители, — сказал Аодх после длительной паузы.

— Ух, ты! — приподнялась, заглянула в лицо, а оно такое задумчивое и печальное, что хоть сейчас начинай кого-нибудь оплакивать. — Эй, ты чего? Не хочешь — не рассказывай, мы вообще можем не общаться с ними. Я никогда не мечтала о свекрухе, знаешь ли, и прекрасно и дальше без нее обойдусь. А братья и сестры... ну... мне всегда нравилось, что я у родителей одна.

— Врушка, — не упрек, а маленькое замечание, но главное, что улыбнулся.

Честно говоря, пока я не подружилась с Сайв, мечтала, чтобы у меня была сестра, лучше старшая, с которой можно делиться секретами, и да, я не против обзавестись близкими родственниками немного другим способом, но если они скверно относятся к Аодху, я не собираюсь строить из себя добрую девочку.

— Они тебе понравятся, Доди. Я уверен, что ты подружишься с Алин — это моя сестра. Может, будет сложно поначалу с Блэмом и Харди, но они ко всем относятся настороженно — это мои братья. А Урбан и Эрта — это мои родители, примут тебя как родную дочь. У них большое сердце. Когда-то они приняли в свою семью ребенка, которого бросила собственная мать. Когда-то они приняли в свою семью меня, Доди.

Каждая буква в словах Аодха была пропитана любовью, лицо стало умиротворенным,

словно он сбросил тяжкий груз. А для меня и разницы никакой — родной он или приемный в семье драконов, просто теперь я постараюсь, чтобы из-за меня у них не ухудшились отношения.

— Они тебя любят, Доди.

Несмотря на заверения Аодха, у меня зашевелилось нехорошее предчувствие, но я постаралась отогнать его до того, как оно оформилось в мысли.

— А мы к ним летим, да?

— Так положено. Мой отец — глава клана. Я официально представлю тебя ему и своей семье, мы немного погостим и улетим домой.

— Немного?

— Несколько дней — не больше.

— Обещаешь?

Аодх прищурился, всматриваясь в меня, видимо, что-то рассмотрел, потому что прижал сильнее и пообещал:

— Улетим в тот же день, если тебе не понравится.

И я поверила и почти успокоилась: уж день-то я как-нибудь продержусь. А если кто-то что-то позволит себе лишнее в адрес Аодха, я... эм... я их хвостом напугаю — вот что! Или перышками на крыльях защекочу так, что обчихаются! Или...

Ой! Что это?!

Вскрикнув, отпрянула от Аодха и уткнулась ему на грудь. Мамочка моя! Ужас непередаваемый! А дракон лежит и улыбается, будто это не ему в грудь упирается огромная желтая лапа с когтями! Одна лапа — что самое страшное, а вторая рука обычная, нормальная. И в итоге кто я?

— Мое сокровище, — сказал дракон и, видимо, чтобы я не оспаривала, поцеловал.

Забавно, подумала я после третьего поцелуя, но, похоже, ему действительно очень нравится драконо-монстр.

И кто-то еще меня упрекал в отсутствии вкуса!

Глава № 16. Долина Драконов

Рассветное солнце сменилось полуденным, принеся с собой жару и духоту, от которой нестерпимо чесался лоб и щека, но я, прижимаясь к спине дракона, водила лицом из стороны в сторону, снимая зуд. Аодх притворялся, что не замечает моих ухищрений, но мне иногда слышался его смех. Не знаю, как описать — не вслух, не явный, а так, будто я чувствую, что он про себя смеется.

Странные ощущения, если честно, но зуд нестихаемый, навязчивый и отвлекаться на анализирование ситуации не было времени. Одной рукой и одной желтой лапой я что силы держалась за авантюриновую шею, хотя Аодх и сказал, что ни за что меня не упустит. Наверное, он применил одну из своих особенностей, потому что я действительно не соскальзывала с его спины и чувствовала себя вполне комфортно. Светлячок разместился возле левого уха дракона и тоже держался уверенно.

Перед полетом я больше переживала за свою одежду, но отказалась чтобы мне наколдовали другую. Я, конечно, понимала, что новые родственники постараются как можно лучше меня узнать, но предпочитала, чтобы присматривались к моей душе, а не телу. Пусть у меня хвост и лапа, но остальное, не считая лба и щеки, не было скрыто драконьей чешуей.

Аодх почистил мою одежду, а я взяла с него обещание, что к его родным он понесет меня, прикрывая мой расклеванный тыл. Удручало, конечно, что ходить я все еще не могу, но с другой стороны — кто может похвастаться, что его с таким удовольствием носят на руках?

— И спине, — впервые за длительный перелет заговорил Аодх.

Он вообще был удивительно молчаливым и кажется, чем ближе мы подлетали, тем больше замыкался в себе. Я помнила слова отца, что есть желающие, чтобы дракон и вовсе не появился в Долине, и сколько ни старалась, не могла избавиться от неприятных ощущений, что мне там будут рады еще меньше. Но правила есть правила, он подданный своего лэрда, обязан представить ему саинтэ, так что придется потерпеть — и тем, кто не желает видеть нас там, и мне. Одно утешало: визит не затянется.

С правой стороны летел Кероп, пребывающий в отличном настроении и иногда выписывающий виражи в небе. С улюлюканьем, драконьим ревом, у него получалось забавно, а когда он вытянул длинные языки и начал крутить их зигзагами, я рассмеялась.

— Распутывать не буду, — предупредил Аодх, бросив взгляд на разгулявшегося приятеля, но тот, услышав мой смех, подмигнул и стал лениво и монотонно размахивать крыльями. По-моему, он именно этого и добивался — немного развлечь меня. Но, может, я ошибаюсь и он всегда такой весельчак.

Аодх никак не прокомментировал мои мысли, но я не мучилась догадками. Это не было важным. А вот первая встреча с другими драконами...

Что они скажут? Я бы, увидев такой выбор сына, подумала, что он сумасшедший, оставалось надеяться, что не только у Аодха другие представления о красоте. А, впрочем, я не собиралась молчать, если что. На нашей улице в Анидат было много мальчишек, и я давно усвоила, что как поставишь себя в первый раз, так и будут с тобой обращаться. Мне в первое наше знакомство с ребятами пришлось драться, зато потом...

Рычание дракона настоятельно порекомендовало не слишком развивать эту тему, и я с готовностью мысленно повторила имена родственников Аодха и то немногое, что он успел мне рассказать о них. Алин — сестра Аодха, перед ее красотой многие драконы были бы рады сложить крылья, но она уже выбрала себе пару. Блэм и Харди — два старших брата Аодха, у них разница в один год, что для драконов удивительно, обычно драконица не соглашается так рано на второго ребенка. Недоверчивые, замкнутые, но если к кому проявляют расположение, более верных друзей не сыскать. Аодх считал, что мне удастся найти с ними общий язык, но я не была настроена навязываться. Вот с Алин, возможно, получится подружиться. Мне очень не хватало Сайв, наших задушевных разговоров обо всем на свете, посиделок на крыше, но чтобы не расстраивать себя, я опять вернулась мысленно к новым родственникам.

По сути, они пока не были мне родней, мы с Аодхом еще не связаны, брачными клятвами не обменялись, но дракон сказал, что у них свои законы, и если саинтэ сделала выбор, она практически жена избраннику. Остальное — так, дань традициям. Как и знакомство с лэрдом; у Аодха есть свой дом, в который мы вскорости улетим.

Мурашки по коже, когда представляю, что буду жить в одном доме с женщиной, и этот мужчина — мой муж. А ведь нам еще предстоит осуществить брак, так сказать... вот где жуть...

Смешок, теперь уже явный. Ну, конечно, кто-то уверен, что мне понравится. А я боюсь. Элементарно боюсь и вообще, мне кажется, что еще слишком рано, я не готова, и здесь мое обращение в монстра играет мне на руку. Я так понимаю, пока я полностью не обращусь, ничего между нами не будет более интимного, чем поцелуи, а поцелуи — это... приятно. От них мило кружится голова, они заставляют отвлечься. Тогда, у ручья, когда дракон подарил мне магический светлячок, я вообще обо всем забыла, была готова даже простить курнабус. Я — готова, но дракон и не собирался прощать. Когда мы вылетали из пещеры, он сделал крюк, схватил хвостом кровожадный кустарник и вырвал с корнем, тем самым успев спасти незадачливую птичку.

Еще одна демонстрация для чего нужен хвост. Впечатляет. Когда-нибудь и я так смогу, и какая разница, что он выглядит как... как... что он отвратительно безобразный.

— Обернись, — сказал мне Аодх.

— За нами кто-то летит?

— Обернись, Доди, посмотри на свой хвост.

— Моральная пытка в полет не включалась, — запротестовала я, но обернулась: вряд ли я увижу что-то хуже того, что там уже есть. Но то, что я увидела прилежно лежащим поверх хвоста дракона... Мой хвост... Он был... Он так сверкал в полуденном солнце, словно сам был сплетен из его лучей.

— Мой хвост... — это все, что я смогла из себя выдавить, чтобы описать восхищение.

— Обычно Кероп летит замыкающим, но твой хвост слепит ему глаза. Это тоже один из видов оружия, Доди, и большой перевес перед противником.

Ой, я не хотела доставить кому-нибудь неудобства! Но хотела или нет, а в груди радостно встрепенулось сердце. Похоже, у меня начинают потихоньку меняться вкусовые пристрастия.

— Похоже, у тебя просто прорезается вкус, — поддразнил дракон, но сам был рад не меньше моего, что мне понравилось.

И опять же — не пойму, как я узнала об этом. Почувствовала и все тут.

Прижавшись к прохладной спине, я повернула голову набок и незаметно для самой себя уснула. Вскинулась от радостного рева по правую сторону, удивленно наблюдая за куролесящим в небе Лунным. Что это с ним? А потом глянула вниз и ахнула от открывшейся красоты. Мы летели над огромной зеленой долиной с холмами, посреди которой возвышался настоящий каменный замок. Пожалуй, размерами и величием он мог соперничать с замком самой герцогини. А вокруг него разместились маленькие деревянные домики, из которых высыпала ребятня, чтобы помахать нам рукой. Чуть поодаль скопилось прилично народа, но они на нас особо внимания не обращали, сновали туда-сюда, о чем-то переговариваясь между собой. Взрослые, слишком заняты покупками на рынке, чтобы отвлекаться на двух драконов.

— Трех, — поправил Аодх, а я не спорила, боясь упустить самое интересное.

Это что, поселение людей? Вижу мужчин с мечами и одетых, как воины. Вижу женщин, одетых так же практично, как корри — в темные платья с длинными юбками и в сандалии. Вижу взъерошенных мальчишек, оттачивающих навыки будущих воинов на деревянных мечах.

— Это клан оборотней, — пояснил Аодх и сделал круг над долиной, чтобы я еще раз все рассмотрела.

— Красиво, — выдохнула я. — Вы с ними дружите?

— Мы с ними не враждуем. А настоящей красоты ты еще не видела.

В словах Аодха чувствовалась явная гордость и, несмотря на его старания — легкая грусть. Мне бы тоже не слишком хотелось лететь туда, где не ждут, но эти чертовы правила....

— Я очень люблю своих родных, — сказал Аодх в ответ на мои мысли. — Для меня наш визит не просто правила.

Мне стало немного стыдно, но что мне теперь, вовсе не думать или притворяться, что рада встрече? Меня всегда настораживало неизвестное, а неизбежное неизвестное — еще больше. Это Аодх летит к своим, а для меня там чужие.

— Прости, — дракон вздохнул, но темные мысли, как меня встретят, уже закружились, не желая отпустить.

А если я им не понравлюсь? А если они решат, что я им не подхожу?

— Никто не скажет дурного слова, — попытался успокоить Аодх, но так я ему и поверила.

Решила про себя, что если достанут, развернусь и уползу прочь, и только тогда развеялось внезапное раздражение.

— Дракон не может отпустить саинтэ, я уже говорил. Как и то, что если тебе не понравится, мы немедленно улетим.

Ну да, сгоряча я, но, по-моему, чем больше у меня становится от дракона, тем хуже характер. Смешок, и я хотела ответить, но мы как раз пролетели поселение оборотней, зелень холмов резко сменилась на высокие горы, мрачно глазающие на нас чернотой, и все мысли, абсолютно все, улетучились. Горы казались нескончаемыми, плавно перетекающими друг в друга. Здесь не было раздольной долины, как я предполагала. Сами горы представляли собой раздольную бесконечность, и повсюду слышался громкий шелест раскрывающихся крыльев. Драконьих крыльев. Белые, синие, красные, серые, изумрудные — в глазах зарябило от обилия и яркости. Желтого не было видно, эксклюзив он и есть эксклюзив.

Драконы слетались на огромное плато, где потрескивал костер, простирающийся

огненные языки к самому небу. Сложив крылья, они задирали головы вверх, не оставив сомнений, кого поджидают и где именно мы приземлимся. Ну вот, смотрины оказались еще хуже, чем я предполагала, и вместо пяти драконов мною будет любоваться весь клан.

— Это тоже традиция? — поинтересовалась я, пока мы еще не приземлились.

— Нет.

— Тогда зачем они собрались?

Шея дракона напряглась, он тяжело вздохнул, явно не желая отвечать, но все же удовлетворил мое любопытство:

— Чтобы убедиться, что ты от меня не сбежала.

— То есть?

— Они были уверены, что ты меня не выберешь.

— Почему?

— Дастин сказал им, что я тебя не обманывал.

— Дастин?

— Он прилетал с нами в Анидат.

А, дракон горного хрусталя... Понятно.

— А в каком смысле не обманывал? Ты меня обманом украл!

— Я тебя честно выкрал, — поправил Аодх. — Это драконов не удивит, даже если ты вздумаешь им пожаловаться, — улыбка, но не веселая. — Имеется в виду, я не скрывал от тебя, кто я есть.

— Интересно, как бы ты скрыл от меня, что ты дракон?

— Я — колдун, Доди.

— А, в этом смысле? — я недоуменно махнула лапой. — Им-то какое дело?

Дракон приземлился на плато и мгновенно обернулся в человеческую сущность, чтобы взять меня на руки. Не совсем вежливо повернулся спиной к ожидающим и заглянул мне в глаза, затягивая их чернотой. Я прислонила ладонь к его щеке, погладила, и дыхание его снова стало размеренным. Меня не волнует, что он колдун, я пока не видела в этом ничего плохого, а мысли... Ну, это немного нервирует, слегка непривычно, но зато языки утруждать не надо.

— Ничего не бойся, — склонился к моему уху Аодх, не позволяя другим подслушать. — Помни: что бы ты ни сказала, что бы ты ни сделала, за твоей спиной всегда стою я.

Он повернулся к драконам, и я смогла рассмотреть их поближе. Я слышала, как приземлился Кероп, слышала, как сложились крылья еще нескольких драконов, опоздавших к началу, но смотрела прямо перед собой, на всех и ни на кого в отдельности, стараясь не показать, как сильно переживаю.

Их было не меньше ста, и все они — хищные, наглые звери, о чем не следовало забывать. Вперед вышел высокий мужчина со светлыми длинными волосами, его открытый лоб пересекали несколько глубоких морщин, но седины не было, и даже приблизительный возраст определить не представлялось возможным. Это мог быть как один из братьев авантюринового, так и отец, правда, я склонялась к последнему интуитивно и из-за двух тонких косичек, спускающихся от висков. У других драконов такого отличия не было.

Аодх кивнул, и я поняла, что оказалась права. Глава клана, мой будущий свекор, был по-своему красив, несмотря на то, что в его лице не прослеживалось и легкого сходства с младшим сыном. Впрочем, последнее и понятно.

— Лэрд, — Аодх сделал шаг вперед и склонил голову.

Я на всякий случай повторила его жест, хотя, подозреваю, это смотрелось странно — моя голова коснулась моей груди, а глаза все равно исподлобья следили за приближающимся мужчиной. Ему удивительно шло высокомерие, и черная одежда, в которую был облачен, усиливала эффект. Я смотрю, драконы большие почитатели этого цвета. Многие мужчины облачены в черные брюки или рубашки. Только женщины, которых значительно меньше, пестрели разнообразием и драгоценностями.

— Аодх, — кивнул мужчина, и переключил внимание на меня, — ты не один.

Ну, здравствуй, драконья прозорливость! А то это не очевидно!

— Отец, — уже не так официально обратился дракон, — позволь представить тебе мою саянтэ.

Мужчина склонил голову на бок, бесцеремонно пройдясь взглядом по моей серой чешуе на щеке и лбу, по фигуре, по свисающему желто-грязному хвосту. Прищурился, снова посмотрел на хвост, а потом перевел удивленный взгляд на сына. За спиной лэрда загомонили, перешептываясь и так же удивленно окидывая меня любопытными взглядами. И я вопреки своим ощущениям и желанию спрятаться, вздернула подбородок и уставилась на синеглазого лэрда. Да, хотелось мне крикнуть, да, я не сбежала! Собиралась, но не сбежала! Что дальше?

Аодх ласково провел ладонью по моей щеке, но мой пыл не угас. Они, видите ли, удивлены, что я не сбежала от колдуна! Да много они знают о нем! Пусть боятся, пусть трусят зайцами, пусть разлетаются в страхе!

— Вот как, — негромкий голос лэрда утихомирил драконов, — что ж, такого у нас еще не было.

Меня начинали бесить эти паузы и намеки. И вообще, я не так добра, как Аодх, и не так обучена выдержке. Пусть говорят мне в глаза все, что думают! Я выслушаю или нет, но отвечу — уж будьте уверены! Еще одно прикосновение Аодха, и я бы не успокоилась, неа, но он так вовремя почесал мне лоб, что не хотелось платить черной неблагодарностью.

— Пока справляешься? — поинтересовался лэрд.

За его спиной послышались подшучивания, что если что, есть желающие помочь со мной справиться, и все мои благие намерения от молчания, рухнули. Аодх покачал головой, предостерегая, но, простите, я молодой дракон, нервный, и я помню правило первого дня.

— Попробуйте! — зло плюнула я в толпу, и мне безразлично, что лэрд замер хищником, Аодх насторожился, а толпа напряженно замолчала. Все они — мне никто, просто цветная масса, для меня важно мнение только некоторых существ в целой империи, они в это число не входят определенно, так что топтаться по самолюбию не позволю.

Я дернула хвостом, он поймал солнечный отблеск и четко попал в глаз одному из наглых драконов. Тот, чертыхаясь, закрыл ладонью глаза, а я не выдержала и рассмеялась. Собственно, я и не собиралась сдерживать смех.

Одним взмахом руки лэрд прекратил возмущение подданных, сделал шаг вперед, оказавшись почти вплотную, но я не чувствовала от него угрозы. Любопытство — да, интерес — возможно. Я уставилась на него. Он смотрел на меня. Долго. До боли в висках.

— Хватит, — отрезал Аодх.

Дракон перевел взгляд на него, помедлив, кивнул и взмахом руки велел одной из женщин приблизиться к нам.

— Леди, — почтительно склонил голову Аодх, и я поняла, что эта женщина с волосами цвета первого снега и глазами, полными холода — его мать. Поежилась, но после

приветствия смело встретила ее взгляд.

Кажется, я новых родственников впечатлила, но не так, как хотелось Аодху. Вон как плятятся, а глаза чуть на лоб не лезут, и ведь видно же, пытаются сдерживаться, а не могут. Ну да, не в таких я праздничных одеждах, как вы, зато уши не оттягивают длинные серьги с камнями, а шея не ноет от рубиновых ожерелий.

— Как зовут твою саинтэ? — расколол тишину лэрд.

— Доди.

Бровь драконицы вопросительно взметнулась, ее муж сохранял хладнокровие, только задумчиво протянул очень тихо, словно был наедине с собой:

— Божий дар...

Я еще выше вздернула подбородок.

— Странные нынче Боги посылают дары...

Я вспыхнула, дернулась, но ответить ничего не успела. Из груди Аодха послышалось угрожающее рычание, он тряхнул гривой черных волос и сделал два шага назад.

— Не смей, — прошипел он, а я заметила, как попятились другие драконы, хотя отец и мать оставались спокойны. — Не смей, — повторил Аодх, и где-то вдали послышались громкие раскаты грома, а с чистого неба в метре от нас пролетела молния. — Никто. Не посмеет. Обидеть ее.

— Ты в брачной горячке, — примирительно заметил лэрд, попытался приблизиться, но рычание Аодха стало значительно громче.

— Ра-зор-ву, — произнес по слогам Аодх, прижимая меня крепче к себе.

Гроза входила в свои права, поднялся ветер, разметая мне волосы, из ладони Аодха, которой он не обнимал меня, посыпались искры. Драконы недовольно попятились, а я пожалала плечами — подумаешь, первый раз видят его настоящим, что ли? Подняла взгляд и ахнула: глаза дракона были белого цвета, такими же, как бывают у отца, если он выходил из себя.

— Аодх, — позвала его.

Он моргнул, возвращая глазам прежний цвет, обвел взглядом драконов, посмотрел на родителей. Ладонь искриться не перестала, Долину пересекла еще одна молния.

— Я не имел в виду ничего плохого, — лэрд снял с запястья массивный браслет с рунами. — Проверь.

Минуту Аодх всматривался в мужчину, потом кивнул, расслабляясь. Ветер стих, искры на ладони пропали, солнце несмело вернулось на небосвод.

— Значит, ты знал? — спросил лэрд.

— Да.

— Я имел в виду только это, сын. Ничего более. Мы с твоей матерью рады твоему возвращению. Остайся. Позволь нам лучше узнать твою саинтэ. Позволь нам порадоваться за тебя.

И если слова лэрда звучали вполне искренне, да и жесты это подтверждали, лицо матери Аодха не отобразило и намек на радость.

— Погости у нас, сын.

Авантюриновый вопросительно посмотрел на меня, напоминая, что не забыл о своем обещании, и хотя первый прием мне не слишком понравился, я не хотела, чтобы из-за меня он отдалился от родных. Потерплю их немного, ладно уж, но сначала один вопрос, так, чисто из любопытства:

— А что именно вы имели в виду? — спросила у лэрда. — Что знал обо мне Аодх такого, что вас удивило? То, что мой отец — наполовину демон?

Толпа за спиной лэрда пораженно застыла.

— Ну, хоть кто-то правильно реагирует на эту новость, — пожаловалась Аодху, — а то у меня начало складываться впечатление, что мой папа не так опасен, как я считала. Некоторым грозила, грозила — не помогло. — Я притворно вздохнула, и немного приободрила слушателей: — Ну, так он еще и наполовину дракон!

Но зрители, кажется, никак не могли согнать со своих лиц настороженности.

— Нет, девушка, — покачал головой лэрд, — то, что твой отец наполовину демон — не страшно. Меня поразило то, из какого клана твой отец, а, следовательно, и ты.

— Да нет у нас никакого клана, — отмахнулась я.

— Есть, — возразил лэрд. — Принадлежность к клану не зависит от того, где живет дракон. Аодх не живет с нами, но он из клана Белых Драконов.

Обведя взглядом подданных лэрда, я не стала уточнять, с чего такое название. Все драконы — и женщины, и мужчины, были блондинами, кто-то светлее, кто-то темнее, кто-то с легкой рыжиной, но блондинами.

— Хорошо, — я накрутила на палец темно-русую прядь и выжидательно посмотрела на лэрда, — а из какого клана, по-вашему, я?

А про себя усмехнулась: небось начнет сейчас заливать про клан Темно-Русых, он ведь не знает, что у моего отца черные волосы.

— Из клана Золотых Драконов.

— Золотых Драконов? — я отпустила прядь и махнула хвостом. — А что, — протянула задумчиво, — быть золотым драконом мне нравится куда больше, чем желтым.

— Клан Золотых Драконов, — мрачно продолжил лэрд, — это клан, в котором собраны все отморозки империи.

Эй, эй, завистью моего настроения не испортить!

— И он один из самых многочисленных, к сожалению.

Пусть жалеют те, кто обвешивает себя побрякушками, чтобы выглядеть дорого, а у нас всегда при себе золото!

— Я сказал «к сожалению», — все-таки лэрд вознамерился убить мое настроение, — потому что это наши враги. Естественно, когда сын приводит в клан одного из врагов, это не слишком похоже на Божий дар. Вот и все, что я имел в виду, девушка.

Он даже по имени меня не называет и смотрит как на рвотную массу, ну что ж...

— А знаете, — сказала я, глядя поочередно то в заледеневшую синь, то в чистый лед, — не удивительно, что у вас так много врагов, если вы в эту категорию записываете даже тех, кто вам ничего плохого не сделал.

Сказала и почувствовала, как воздух снова заискрился напряжением, как гроза встрепенулась и послала предупреждающие раскаты грома. Ладонь, которой Аодх придерживал меня, стала горячей, а вторая заискрилась, разбрасывая беспорядочно искры.

Драконы за спиной лэрда начали трансформацию, ледяные глаза покрылись туманом, а сам лэрд застыл снеговиком посреди высокой скалы. Красиво, бери кисточки и пиши картину — монстры перед прыжком. Только мой единственный талант, по всей видимости, выводить из себя душек-драконов, хотя кисточками с золотой краской я бы им пятен наставила. На долгую память. Все равно от меня ничего хорошего не ждут!

За спиной Аодха развернулись крылья. Я пока не понимала, к чему он готовится — к

поспешному бегству или защите, но повернув голову, увидела, как оскалились у него за спиной два серых дракона, тех самых, из опоздавших, как начал трансформацию Кероп. Вряд ли они готовились выступить против клана и лэрда, а значит, с этой стороны путь к отступлению отрезан. В небе послышался боевой клич. Подняв голову, я увидела, как прямо над нами кружит дракон цвета белого горного хрусталя.

Итак, мы оказались в ловушке.

Глава № 17. Первый блин комом

Глава № 17. Первый блин комом

Лэрд, склонив голову набок, сделал шаг к нам, усмиряюще поднял ладонь, и драконы, готовые кинуться в бой, недовольно заворчали, но стихли. Впрочем, трансформироваться обратно они не спешили, равно как и Аодх не спешил купиться на спокойствие отца.

— Сын, — лэрд говорил тихо, и от того одуряюще громко его голос отдавался в моих ушах, а, может, все дело не в страхе, не в зависшей над нами опасности, а в скалах, на которых мы стояли. — Никто не тронет твою саинтэ.

— Не позволю, — уверенно кивнул мой дракон.

— И я тоже, сын, — еще одна ладонь поднята вверх как гарант мирных намерений. — Мы все понимаем, что у нее идет процесс обращения, и она не знает наших законов. Иначе не посмела бы так говорить с лэрдом и твоим отцом. У всех дракониц ужасно портится характер в этот период. Я помню, как твоя мать... впрочем, — он окинул ласковым взглядом стоящую за ним Леди Холод, — я обещал, что никогда не буду напоминать ей об этом.

Невероятно, бледные щеки драконицы порозовели, но взгляд мужа она выдержала твердо. Интересно, что именно происходило между ними в период ее обращения? Не верилось, что она могла хоть на минуту поддаться эмоциям.

— Сын, позволь нам лучше узнать твою саинтэ.

Драконы, стоящие за нашей спиной, придвинулись ближе, от чего я поморщилась. Похоже ли это на перемирие или нас заставляют шагнуть в капкан добровольно? Лэрд повел руками из стороны в сторону, не знаю, что он хотел продемонстрировать кроме того, что на нем нет деревянного браслета, и что значил этот браслет, но Аодх после минутных раздумий и обмена взглядами с отцом, кивнул. Гроза, набирающая обороты, снова сошла на нет, ветер, подбросив на прощанье мою длинную челку, позволил себе удалиться без церемоний, солнце коснулось лица, успокаивая, согревая, показывая желтыми бликами, что все хорошо, нечего опасаться. Ладонь Аодха медленно спустилась вдоль моего лба к щекам, снимая зуд и тем самым хоть на маленький градус, поднимая никчемное настроение. Я заметила, как отчаянно бьется мое сердце, и сделала глубокий вдох, который повторил дракон. Вопросительный взгляд побелевших глаз с неммым вопросом — как я? Хочу ли дать его родственникам еще один шанс? Почему бы и нет? В конце концов, это они, а не я, вели длинный список врагов.

Аодх кивнул, считав мои мысли, и озвучил наше решение:

— Хорошо. Мы останемся, но если...

— Думаю, все хорошо поняли это «если», — впервые усмехнулся лэрд, и драконы, словно только и ждали этого, трансформировались обратно и сложили крылья.

Я обернулась на тех, что стояли за нашей спиной, они тоже сменили облик на человеческий. Обманчивый облик, потому что я прекрасно помнила наставления папы и понимала, что как бы дракон не выглядел, кем бы ни притворялся, он оставался злым, жестоким и лживым зверем.

Я отвлеклась на сверкнувшую улыбку Аодха и подумала, что мне показалось, но один из драконов, что стоял у нас за спиной, снова мне подмигнул правым глазом. Второй дракон сделал то же самое левым, а Кероп изобразил это поочередно двумя глазами. Значило ли это, что изначально они были на нашей стороне, а не против?

— Да, — ответил Аодх, и его ответ лэрд принял на свой счет, а взгляд дракона подсказал, что ответ был для меня.

Клан ожил, загудел, послышался смех женщин и перепалки безобидного флирта. Лэрд вернулся к своей леди и что-то говорил ей, склонившись к самому уху, Аодх развернулся, чтобы я не выкрутила себе шею и смогла получше рассмотреть наших драконов. наших, потому что они были за нас, вопреки своему лэрду. Остальных я считала чужими и не жаждала с ними сближения. Может быть, я отойду, если все дело действительно только в моем обращении, но в любом случае, даже будучи корри, я никогда не жаловалась на память.

— Доди, я хочу познакомить тебя со своими братьями.

Первым я уставилась на Керопа, но тот, изобразив рожицу отчаяния, мол, я здесь ни при чем, показал пальцем на двух серых драконов. Серые — именно такими они были в боевой трансформации, и если в драконьей сущности я бы вряд ли отличила их один от другого, то сейчас они, несмотря на одинаково белые волосы, спадающие на плечи, различались как ночь и день. Оба высокие, статные, но один с яркой мимикой и жестикуляцией, а второй как застывшая глыба.

— Тот, что играет бровями, глядя на тебя — Блэм, — представил Аодх. — Тот, которого легко принять за часть скалы — Харди.

Как по мне, первому повезло больше, но второй компенсировал живость каким-то неуловимым желанием тронуть его, вывести из себя, заставить разбиться на маленькие осколки. У меня пронеслось несколько мыслей, как бы это осуществить, но драконы очень обидчивы, а мне не хотелось лишаться ни одного из наших союзников.

— Мудро, — похвалил Аодх, и я отбросила соблазнительные мысли совсем.

Дракон, круживший все это время в небе, приземлился рядом с братьями Аодха.

— А это Дастин.

— Я уже догадалась. По-моему, он один в вашем клане цвета горного хрусталя.

Дастин заинтересованно прищурил глаза.

— Цвета горного хрусталя? — переспросил недоверчиво.

— Надеюсь, я не провоцирую новый конфликт? — подняла лицо к Аодху, но тот покачал головой.

— До тебя мой цвет называли молочным, — протянул Дастин.

— Ну, прости, — развела руками, — я привыкла вас так про себя называть. Тебя — Горным хрусталем, Керопа — Лунным камнем.

— Лунным камнем? — вышел вперед уже Кероп, вмиг став каким-то задумчивым. Раскрыл за спиной крылья, вытянул в длину, присматриваясь и качая головой.

— Лучше молчать, да? — я вздохнула. — А то всех твоих друзей распугаю.

— Что-то я сомневаюсь, — улыбнулся Аодх.

— В том, что я могу помолчать?

— В том, что этим ты их распугаешь.

— Да?

— Драконы не любят молоко, — кивок на повеселевшего Дастина. — А Керопа до этого называли мутным.

Мне не хотелось признаваться, что у моего отца тоже проблемы со вкусом и неправильное восприятие цвета, поэтому я промолчала. Ну вот, могу промолчать. Легко. И так интересно было наблюдать, как Дастин и Кероп рассматривали свои крылья, словно впервые видели, а потом выпрямились гордо, блеснули сапфировыми глазами и кивнули.

— Действительно, похож на горный хрусталь, — пробормотал один.

— А у меня на Лунный камень, — сказал второй.

И оба посмотрели на меня так, словно вдруг и сейчас влюбились. Тихий рык Аодха я успокоила прикосновением. Я рядом, я пошутила, и все.

— А мы какого цвета? — спросил Блэм, и заранее растянул губы в счастливой улыбке.

Но, собственно, не знаю, чему здесь радоваться, у меня единственный вариант.

— Серого.

Блэм скис, зато брат его едва заметно усмехнулся.

— А как ваш цвет называли раньше? — полюбопытствовала.

— Кошачий глаз.

— Ну... — я постаралась припомнить, но нет, я не заметила характерного отлива или мерцания в серых крыльях. — Я не большой знаток драгоценностей. Я ведь еще не дракон. Вот когда научусь...

И, конечно, я не стану говорить двум таким хорошим ребятам, что в сокровищнице отца был кошачий глаз, и я прекрасно его рассмотрела, пока папа не посчитал, что он тускло смотрится в шикарной коллекции и не выбросил за ненадобностью.

— Главное, что ты разбираешься в горном хрустале и лунных камнях, — усмехнулись приятели Аодха, и так они пронизательно на меня посмотрели, что закралась мысль — только ли один дракон среди собравшихся читает мысли?

— Да, — ответил Аодх, а два его брата переглянулись и снова уставились на меня.

— Что? — поинтересовалась я. Может, и нужно было сделать вид, что я не заметила, но ведь не в том случае, когда смотрят в упор.

— Он читает твои мысли, — сказал Блэм.

— И что?

— Всегда?

— С тех пор, как мы познакомились.

Братья снова переглянулись, и на этот раз уставились вопросительно на Аодха.

— Ты сделаешь для нее браслет?

— Да, — он пожал плечами, — как только представится возможность.

— Я не люблю браслеты, — для наглядности продемонстрировала свободные от украшений запястья.

— Браслет защитит тебя от чтения мыслей, — пояснил Харди и показал деревянный резной браслет с рунами на своем бицепсе. — А носить его можно хоть на щиколотке, верно, Аодх?

— Верно.

Одно слово, сказано ровным голосом, но что-то в нем скрыто. Как ни старалась я прочесть по лицу Аодха «что именно», не смогла. Но это не значило, будто я легко забуду об этом.

— Пойдемте к огню, — предложил Кероп и первым двинулся в сторону других драконов. Дастин пошел за ним, ушли и братья, попросив нас не задерживаться. Мы с Аодхом остались вдвоем у самого обрыва, и Драконья Долина лежала как на ладони, подставляя нашим взглядом свою красоту.

— Мне нужно было промолчать, да? — спросила я тихо, памятуя об отменном слухе драконов.

Аодх склонил голову, провел губами по моему лбу, щекам, потерся лицом.

— Ты никому ничего не должна здесь.

— В отличие от тебя?

— Они меня вырастили.

— Но ты все равно был готов...

— Я и сейчас готов. Ты — все для меня, Доди. Все — это выше долга, чести, выше всего.

Значит, я не обманулась и видимый покой в клане — всего лишь видимость, пожелание лэрда. Говорят, шутят, что-то готовят, разливают напитки, а сами рады вцепиться в глотку, подозреваю — в первую очередь мне, чтобы сделать больней Аодху.

Он промолчал, но это и так очевидно. Надо же, выстроились поглазеть на ту, что не сбежала от колдуна, которого все боятся, а он ведь не может сейчас использовать магию. Они знали это, знали и, вероятно, потому неохотней оставили нас в покое.

— У них были хорошие шансы?

— Ни единого.

— Почему?

— Ты права, я не могу использовать магию сейчас, пока мы не связаны, я знаю о последствиях. Они это тоже знают. Но я предпочел бы, чтобы ты ушла от меня сама, со временем, когда начнется откат, чем увидеть тебя мертвой.

— А вот этого они не учли.

— Нет.

И даже не предполагали, что за желание растоптать и унижить могли заплатить собственной смертью. Саинтэ, то есть я, из-за всплеска магии, скорее всего, ушла бы от своего дракона, но увидел бы это уже только один из них.

— Ты хочешь, чтобы мы остались? — спросил Аодх.

— Ненадолго. И только потому, что этого хочешь ты.

Он любит свою семью, а я смогу немного потерпеть присутствие тех, кто еще минуту назад был готов разорвать нас на части. Слабые, завистливые, жалкие...

— Это мой клан.

— Молчу.

Мы подошли к огню, и я заметила, как несколько дракониц, презрительно фыркнув, отсели подальше. Мужчины были более сдержанны, хотя и не спешили втянуть нас в свои разговоры. Впрочем, большинство драконов молча бросали в нашу сторону взгляды. Кероп, Дастин и братья Аодха, вежливо растолкав драконов, уселись напротив нас. Лэрд и леди сидели справа, видимо, специально избрав хороший обзор, когда весь клан на ладони. Огромный костер, который мог быть виден и в Анидат, выстреливал искрами в начавшее сереть небо, и тени ложились на мрачные большей частью лица драконов. Я увидела, как Кероп протягивает мне маленький вертел.

— Я так привык к роли добытчика, что пока не могу отойти.

Я взяла угощение после кивка Аодха. Сам он, посолив мою пищу, вытянул из огня что-то гораздо побольше, а расправился гораздо быстрее.

— Соль? — удивился отец Аодха.

— Что, драконы не любят соли?

— Нет, но, видимо, в тебе сильнее гены демонов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я безразлично пожалала плечами, демоны не пугают, если ты с ними в близком родстве.

Да и тот, что когда-то украл меня, вряд ли осмелился бы на это, знай о моем отце. Аодх бросил косой взгляд, намекающий, что мы обязательно к этой теме вернемся, я улыбнулась. Ага, только после того, как он расскажет, в чем заговздка с браслетами.

— Смотрите, — шепнул кто-то, — мне кажется или он считывает ее мысли?

— Мне скрывать нечего! — у меня пусть и не драконий пока слух, но и в глухари и тупицы я не записывалась. Но теперь-то понятно, почему отсели подальше — боялись, что Аодх прочитает все, что наверняка сейчас о нас думают. Интересно, знают ли они, что и на таком расстоянии он прекрасно все считывает? Что перед ним не держится ни один мысленный блок?

Аодх покачал головой, когда я бросила на него вопросительный взгляд. А они еще жалче, чем я думала раньше: не знают всего, а боятся. Что было бы с ними, узнай они правду? Что было бы с Аодхом, узнай они? Мне стоило большого труда не выдать своего отвращения и продолжить есть. Еда казалась безвкусной, пресной, возможно, я просто устала после перелета, но думается, все дело в компании. И только одна мысль, что здесь драконы, которые воспитали авантюринового, которые заменили ему семью, как-то сдерживала мои порывы разобраться со всеми и сразу. Смешные порывы, расстановка сил не равная, но чувства перекрывали разум.

Полусидя на руках Аодха, я осматривалась, пытаюсь понять, кто из женщин его сестра и почему она до сих себя не проявила, но одна из девушек, переловив мой взгляд, поднялась и подседа к Керопу. Следом за ней подсел и один из драконов. Они обменялись с Аодхом кивками. Молчание затягивалось. Кто-то ждал, пока начнет говорить другой, и раз уж я и так разболталась сегодня...

— Ты — Алин?

Девушка встряхнула длинными белыми волосами, и круглые серьги заиграли в свете огня. Она потрогала браслеты на запястьях, словно проверяя точно ли они при ней, и только после этого ответила:

— Да.

Она не рискнула поддержать брата, но, может, женщины предпочитали избегать конфликтов, а не участвовать в них? Подумала так и тут же отбросила эту мысль. Нет. Все драконы трансформировались, все были готовы броситься, значит, и она тоже. Подругами мы не станем, притираться необходимости нет, так как жить будем отдельно, но можно ради худого мира притвориться, что я ничего не заметила.

— А меня зовут Хэлл, — представился дракон, пришедший следом за ней.

— Ясно.

Ну а что я могла сказать? Приятно мне не было, а легко и непринужденно врать как драконы, я пока не могла. Похоже, моя уловка не прокатила, и дракон понятливо растянул губы в улыбке. Ладонь Алин немедля легла на его бедро, что меня рассмешило, но я, показывая, что не претендую на ее выбор, обняла рукой свой.

— Вы задержитесь после ужина? — заметно расслабившись, спросила девушка.

— Ненадолго, — ответил Аодх.

— На пару недель?

— Дня два-три, может, меньше.

Взгляд девушки с укором вернулся ко мне, но я проигнорировала намек.

— Мы все тебе ждали, Аодх.

— Я заметил.

— Дастин сказал, что ты нашел саинтэ, но кое-кто надеялся, что ты вернешься один.

— Кое-кто? Наверное, ты имеешь в виду всех, кто не поленился помахать крыльями и прилететь сейчас на плато? Помимо семьи, конечно.

— Ты знаешь, кого я имела в виду.

Я невольно напряглась в руках Аодха, но он принялся перебирать мои пряди, и меня это успокоило. Наверняка, тот, а точнее та, что ждала его, видит все. Пусть видит. Пусть понимает. Пусть знает, что он со мной.

— Ведь знаешь? — изогнута красивая белесая бровь и взгляд в сторону, туда, где среди воркующих женщин притаилась одна незнакомка и чей взгляд метал искры похлеще огня.

— Я ничего ей не обещал.

— Но она ждала. Не догадываешься почему?

— Блэм и Харди свободны, и она все еще имеет шансы породниться с лэрдом.

Блэм и Харди дружно отмахнулись. Незнакомка, за которой я наблюдала, вспыхнула, отвернулась, но лицо ее успело перекошиться от обиды. Или злобы. Разговор мне не нравился, но вмешиваться я не спешила. Пусть говорят. Предпочитаю видеть проблему, а не поворачиваться к ней спиной.

— Я рад, что тебе удалось найти саинтэ, — сказал Хэлл и, похоже, он говорил правду. — Это удастся редким счастливицам. Не думал, что ты окажешься среди них.

— Я тоже не надеялся, — видимо, Аодх различил искренность в словах дракона, а, может, считал в мыслях, ведь на мужчине не было браслета.

Пальцы Алин, поглаживающие бедро своего избранника, сжались, и Хэлл предпочел взять ее ладонь в свою.

— Девушка, — ага, конечно, это ко мне обратился лэрд, представителей своего клана он называл по именам, а мое все еще жгло ему горло, — не суди по первому впечатлению.

— Да у меня вообще нет тяги к юриспруденции.

Он усмехнулся, протянул руку в огонь, отрывая себе ногу кого-то, кто оказался медленней голодных драконов.

— Ты, как любая хозяйка, прекрасно знаешь, что первый блин комом.

— К готовке у меня тоже нет особой предрасположенности.

— А как же... — Алин запнулась, покосилась на своего спутника. — Ну да, ты же саинтэ.

И этой оговоркой выдала себя с головой. Так вот почему она так волновалась, заметив обмен взглядами между мной и Хэллом. Они не были парой в полном смысле этого слова, между ними не было связи, а значит, на ее плечи легли все функции по дому и созданию уюта, и все равно не было гарантии, что однажды ее не бросят ради другой. Не хотела бы я оказаться на ее месте, мне и на своем пока не слишком уютно.

— А вот это моя забота, — склонив лицо к моему, Аодх жарко поцеловал меня, и я ответила не менее увлеченно.

Кто-то ахнул, а я мимолетно подумала: будь у меня на плите блины, они бы точно сгорели, причем все, а не только первый.

Глава № 18. Дела прошлые

Глава № 18. Дела прошлые

Я была рада, когда лэрд поднялся, а следом за ним и его жена, тем самым давая понять, что официальная часть ужина закончена. Я видела, как некоторые драконы расправили крылья и улетели, но многие, кивнув на прощание лэрду, остались сидеть у костра, делясь впечатлениями.

— Летим? — спросил у меня Аодх.

Никто из клана не спешил к нему с поздравлениями, никто не пытался даже из вежливости остановить нас, так чего рассиживаться?

— Летим.

Он поднялся вместе со мной, раскрыл крылья, не трансформируясь полностью, и мы полетели над еще более черными в это время суток скалами. На одной из них приземлились: у самого выступа простиралась Долина. За горизонтом давно село красное солнце, но отсюда был виден костер, кажется, только набирающий обороты. Слышались голоса, радостные крики, смех. Мы стояли молча, я обнимала дракона за шею и надеялась, что так он меньше ощущает одиночество, которое всегда непрошено возникает среди отвергающих тебя.

— Красиво, — сказала я.

— Наш дом далеко отсюда.

— Очень хорошо, если так.

Мне не понравились и родственники Аодха и сам клан. Будем жить подальше от них, обзаведемся новыми друзьями, если захочется пообщаться, а эти... Прошное иногда лучше оставить в прошлом, а не привязывать к настоящему.

— Доди... — Аодх прижался щекой к моему лицу, крепче обнял. — Ты не понимаешь...

Возможно, я, действительно, не до конца понимала, поэтому я попросила его:

— Расскажи.

Он сел у обрыва, привычно принялся перебирать мои пряди — не знаю, кого сие действо успокаивало больше, но, полагаю, мы оба не оставались внакладе.

— Мне было лет пять, когда Эрта нашла меня.

Вот так начало. Я почему-то была уверена, что Аодха приютил именно лэрд, а его жена просто смирилась.

— Она нашла меня на одной из высоких скал. У меня, естественно, еще не было крыльев, и сам бы я оттуда никогда не спустился, разве что очень радикальным способом. Я мало что помню об этом, только нескончаемое чувство голода, доводящее до отчаяния. Наверное, я кричал, скорее всего, плакал. Я был уверен, что за мной никто не вернется. А если бы меня обнаружили раньше Эрты... территория, где меня нашли, принадлежала клану самых кровожадных драконов.

— Золотых?

— Угу, — хитрый взгляд, — твоих родственников.

— Но, может, ты сам был из этого клана?

— Нет, — покачал уверенно головой, — у меня ни одного признака этого клана, а скала, на которой меня нашли... Золотые драконы сами там и не появляются, если только не приходит время уйти за грань. Это дикое место, для одного.

— Хочешь сказать, кто-то приговорил маленького мальчика к смерти?

Аодх равнодушно пожал плечами.

— Уже тогда у меня проявились мои способности. Эрта говорила, что обратила внимание сперва не на меня, а на настойчивых светлячков, которые ее за собой позвали. Сама бы она никогда не нарушила чужих границ. И судя по всему, меня не только что оставили, я прожил на скале какое-то время. Долгое время. Я был очень худым, едва держался на ногах, а когда она забрала меня в свой клан, набросился зверем на еду.

Я хмыкнула.

— Драконы и есть звери, ты права, но у меня из рук вырывали еду, а я рычал, дрался. У Харди до сих пор остался след на плече от моих зубов.

— Это его он прикрывает браслетом?

— Да.

— Разве этот след нельзя было убрать, даже если он сам не исчез со временем?

— Подозреваю, ему нравится дразнить меня этим, несмотря на то, сколько прошло лет.

— А что дальше? — возраст Аодха обсудим при случае, я отнюдь не обольщалась, что мы ровесники.

— Дальше? Я все-таки отвоевал себе немного еды, осыпав огненными искрами и ругательствами всех, кто пытался меня остановить. Потом мне было плохо три дня, я думал, что умираю. Меня пичкали настойками и противным бульоном. А потом меня оставили жить в семье лэрда.

— А клан был не слишком рад, — догадалась я.

— Некоторые в клане советовали сбросить меня со скалы. Кое-кто советовал вернуть туда, где Эрта меня нашла.

— Кто именно знаешь?

— Я тогда никого не знал, все казались на одно лицо, я только различал голоса.

— Но теперь ты знаешь, кто это был?

— Да.

— И кто же?

— Не важно. — Он рассмеялся мне в волосы. — Лэрд и леди не позволили ничего смелого сделать. Я выжил. Я не помню, кто мои родители — только смутные силуэты проносятся в памяти, но я люблю семью, которая мне досталась волей случая и императора.

— А как отнеслись к тебе дети лэрда?

— Ужасно, — снова смех. — Блэм, как я и говорил, пытался отобрать у меня еду. Он всегда меня опекал, как и Харди. А когда я подрос, мы втроем начали опекать Алин, несмотря на то, что она самая старшая из них и уж, конечно, значительно старше меня. Мы все очень близки.

Ага, близки, только я все еще не могла забыть, что Алин оставалась по ту сторону, когда драконы хотели напасть.

— Будь уверена, она бы схватила за глотку первого, кто бы на нас набросился.

Признаться, у меня такой уверенности не было, мне казалось, что будь ее воля, она бы первой начала травлю. Аодх хотел возразить, пожалуй, он мог говорить о своей родне без усталости, но мы услышали, как за спиной приземлился один из драконов. Авантюриновый вскинулся, обернулся, но немного расслабилась, когда увидел женщину, стоящую на плато в нескольких метрах от нас.

— Кейтлин, — в голосе дракона ни намек на радость встречи, и я его чувства

полностью разделяла. Это на нее указывала Алин с намеком, что девушка так ждала возвращения ее брата.

— Мы можем поговорить? — сапфировые глаза драконицы метнули в меня взгляд и вернулись к лицу дракона. — Одни, без свидетелей. Я хочу сказать тебе кое-что...

— Ты уверена, что я хочу это услышать?

Никогда Аодх не говорил со мной так. И не было в его словах угрозы или насмешки, а только холодное предупреждение, шанс отойти, пока есть возможность. Его же слова ко мне всегда пытались добиться обратного — удержать.

Я прислонила ладонь к его обнаженной груди. Может, лучше прямо сейчас оставить позади прошлое, не растягивать? Он считал мои мысли, осторожно усадил меня на плато и с большим неудовольствием поднялся к драконице. Взгляд, которым она меня наградила, пылал торжеством и чем-то, что я определить не могла. Я хотела отвернуться, чтобы не мешать им поговорить без свидетелей, но соблазн все видеть собственными глазами был непреодолимым. Я не сомневалась, что драконица постарается говорить тихо, но и визуальная картинка могла рассказать многое.

Я видела, как драконица что-то убедительно шепчет Аодху, что-то пытается ему доказать, видела, как не увенчалась ее попытка взять его за руку; я расслышала только одно слово, произнесенное Аодхом, но понять не могла: причем здесь браслет? А потом заметила браслет на запястье драконицы — не видела его на ней раньше. Или такие есть у всех в этом клане? Надо будет спросить. А после драконица наклонилась к Аодху, попробовала обнять, проявляя поразительную настойчивость, я чуть-чуть подвинулась, чтобы определить: показалось мне, или она пытается поцеловать дракона. Но в этот момент кто-то ударил меня в спину так сильно, что я почти взвыла от боли, а в следующую секунду перед моими глазами заплясала приближающаяся земля.

Послышался треск, пожалуй, удар оказался сильнее, чем я полагала, по спине проползло что-то липкое — страх? Я не думала ни о чем. Просто не успевала. Не могла. Не хотела. Я даже забыла кричать, впрочем, наверное, на крик уже не было времени.

А красиво здесь, хоть и темно.

Так красиво...

Это последнее, что я вижу?

Обернуться бы, перекрутиться, чтобы сказать все, что я не успела. Почему-то мелькнула суматошная мысль, что опять я не увидела танца авантюринового. Что ж...

Что-то крупное навалилось сверху, обняло, и не нужно было оглядываться, чтобы понять, что, а точнее — кто это. Сердце, секунду назад замершее, встрепенулось, потянулось навстречу. Я впервые за длинный полет вдохнула одуряюще вкусный запах костра, жизни, свободы. И вот снова мы на скале. Обнимают меня жадные руки, целуют сумасшедшие губы, кто-то что-то говорит, отдает команды. Все равно. Пусть и здесь я иду против чьих-то приличий. Я целую, обнимаю в ответ, изо всех сил стараюсь не плакать, и дышу, дышу. Я дышу.

— Привет, — уворачиваюсь от поцелуя, мне кажется важным сказать ему, что я жива, кажется важным, чтобы он понял...

— Привет, — хриплый шепот, и одно дыхание на двоих: на минуту, на час, бесконечность.

Он пытается что-то сказать, что-то объяснить... Не сейчас, не позволю, не отпущу, ничего не хочу больше слушать... Постепенно я успокаиваюсь, только немного дрожу, и как

клятву, которая свяжет нас, повторяю:

— Привет.

И в ответ получаю не менее сильное обещание:

— Привет.

Он любуется мной, я тону в его взгляде, а потом чей-то громкий крик все-таки зазывает в реальность. Женщина, та, что приходила к Аодху, стоит на плато, вокруг толпятся драконы, а напротив нее лэрд и леди.

— Ты посмела напасть на саинтэ моего сына, — разнесся среди скал тихий голос.

— Нет! Это не я! Я в этот момент говорила с Аодхом! Он подтвердит! Она сама упала! Сама!

Лэрд обернулся ко мне.

— Кто-то толкнул меня в спину, но она в этот момент действительно говорила с Аодхом.

— Вот видите! — взвизгнула драконица. — У меня есть свидетели!

— Вижу, что ты постаралась обеспечить себе алиби, — согласился лэрд. — Но уверен, что девушку сбросили со скалы по твоей просьбе.

Лэрд обвел взглядом драконов, их было значительно меньше, чем у костра, наверное, многие уже разлетелись по пещерам.

— Ты знала, что я легко установлю правду, — снова обернулся к встрепенувшейся женщине, и я заметила, как тухнет в ее глазах надежда. — На что ты рассчитывала? Даже если бы саинтэ моего сына разбилась, — игнорирование рыка Аодха, — а я уверен, что халатность, проявленная им, была в первый и последний раз. Он слишком отвык от теплого приема и подзабыл, как некоторые из вас его любят. Так вот, даже если бы его саинтэ разбилась, ты бы все равно не стала моей невесткой. Разве не это тебе пытался объяснить Блэм, с которым ты пробовала закрутить пять лет назад? Разве не это тебе сказал Харди, на которого ты переключилась после младшего брата? Разве не это тебе по-дружески пыталась внушить Алин? И разве холодность Аодха не говорила тебе об этом?

Женщина осунулась, обмякла, уставилась в землю. Казалось, она не слышит, что обращаются к ней или ей все равно.

— Не пройдет и часа, как я буду знать имя твоего сообщника, — голос лэрда казался пропитанным ледяной водой, — и он предстанет перед ответом вместе с тобой.

Женщина встряхнула роскошными волосами, перекинула их через плечо, любуясь в свете костра, — кто его разжег и когда? — и перевела ненавидящий взгляд на меня.

— У нее даже волосы не белые, — скривилась, — не пойму, что он нашел в ней. Почему она? Она не умеет общаться с лэрдом и леди, не умеет угождать его друзьям, не умеет готовить. Она ничего не знает о драконах. Она — враг. Лэрд, она ведь — наш враг!

— Она — саинтэ моего сына, — отрезал тот. — Ты знаешь, какое наказание тебя ждет. Хочешь, чтобы я сделал это сейчас или подождешь сообщника?

Я вопросительно посмотрела на Аодха. Наказание — это то, что я думаю? Он покачал головой. Не убьют, значит. Ну, что ж, не скажу, что сильно разочарована, но надеюсь, наказание будет серьезным, потому что если ее просто отпустят, я на животе поползу, но достану ее.

Острая боль пронзила плечо, и как я ни пыталась отвлечься на происходящее, получалось плохо. Пелена перед глазами практически застилала все, голова гудела так, словно я все-таки упала и ударилась об острые камни, и при этом нестерпимо чесался лоб.

Никогда не уделяла этой части тела столько внимания!

— Лэрд, позволь мы уйдем? — обратился к отцу Аодх.

Помню, я пыталась возразить, бормотала, что со мной все нормально, а потом почувствовала прикосновение мягких подушек и забылась глубоким сном. Проснувшись, долго не могла понять, где нахожусь. На кровати — очевидно, надо мной развивается белый полог, который мешает рассмотреть обстановку. Вспомнила, встрепелась — я что же, так и спала в одежде? Куда там. Полупрозрачная ткань длинной ночной рубашки вместо майки и джинсов, стопы, понятное дело, без любимых кроссовок. На подушке мой магический светлячок.

Я выдохнула, успокаиваясь, вспоминая. Я в доме лэрда, вернее, в пещере лэрда. Именно к ней мы и подлетели с Аодхом, когда меня попытались убить.

Мне не было страшно, по крайней мере, сейчас, но и вчера, несмотря на мысли о скорой смерти, я была уверена, что Аодх этого не допустит. А если бы он не успел, если бы драконице удалось отвлечь его поцелуем... Не хотелось думать об этом.

— Вот и не думай. — Полог приподнялся, на кровать присел Аодх, убрал вечно мешающую челку с моего лица.

Но мысли назло пустились вскачь, и все повторяли и повторяли: а если бы, если бы все-таки...

— Ты знаешь, что я не слишком люблю повторяться, но я все же напомним тебе. — Он говорил строго, изображая недовольство, что приходится утруждать языки по таким пустякам. — Помнишь, когда ты так легкомысленно хотела уплыть от меня, я сказал тебе, что лучше тебе не пытаться сбежать от меня за грань? Потому что я все равно достану тебя и там?

Да, я помнила. Я тогда хотела связаться с отцом и немного не рассчитала силы...

— Ты действительно смог бы меня вернуть оттуда? — недоверчиво поинтересовалась.

— Да, но как я и говорил, тебе лучше не знать, что бы я тогда с тобой сделал. — Он склонился, прижав лицо к моей груди и несмотря на то, что я была укрыта одеялом, остро почувствовала его прикосновение, а дыхание дракона неприлично опаляло мне кожу. — Давай ты больше не будешь пугать меня так. Давай не будем проверять, каким я могу быть, если придется возвращать тебя из-за грани.

И я просто и быстро согласилась, запустив пальцы в его черные волосы:

— Давай.

А спустя долгое время, когда наши сердца успокоились, я спросила:

— Что случилось с той женщиной?

Мне ужасно не хотелось называть ее имени, за один только день я успела понять, это знак расположения к дракону, а я к ней симпатии не испытывала.

— Ей остригли волосы и изгнали вместе с сообщником.

— Остригли... совсем?

— Да.

— И все?

— И изгнали, как я уже сказал. Для дракона это очень... тяжело, я бы сказал, непереносимо.

— По-твоему, они этого не перенесут?

— А ты кровожадная, — усмешка, — теперь я понимаю, почему твой любимый цвет красный.

— А кто оказался ее сообщником? — ушла в сторону, а то начнем обсуждать опять тему моего белья, а потом... Нет, нет, поговорим о драконах!

— Ты все равно пока никого не знаешь. Просто один из членов клана. Для него могло все закончиться гораздо хуже, если бы я не ушел с тобой.

Для меня все драконы чужие, даже семья Аодха, но он ведь их знал, и хотя пытался скрыть от меня, по-моему, переживал и за парня, и за бывшую девушку. Она ведь была его девушкой? И если бы он не встретил меня...

Аодх поднял лицо, провел пальцами по моему лбу, щеке, спустился к шее и замер, будто проверяя пульс.

— Если бы я не встретил тебя, у нас с ней все равно не было бы ничего серьезного.

Понятно. Нет, действительно, все понятно...

— Драконы живут очень долго, Доди, — тяжелый вздох, — и все равно шанс встретить саинтэ близок к нулю.

— Я же говорю, что все понимаю.

— Говоришь, но не понимаешь. Иногда драконы, устав ждать, сходятся с теми, кто подходит им по другим причинам, не по зову сердца. Но с Кейтлин мы бы никогда не сошлись, и она знала об этом. Я не морочил ей голову.

— Хватит, — мое терпение и понятливость окончательно сошли на нет, — я понимаю, что ты взрослый дракон и у тебя, в отличие от меня, была насыщенная личная жизнь, — он попытался возразить, что не такая уж и насыщенная, но я разошлась. — Давай представим, что твое прошлое — это дверь. Посмотри на него еще раз, поностальгируй с минутку и оставь за этой дверью. Договорились?

— Договорились, — охотно согласился дракон.

Глава № 20. В кругу семьи

Глава № 20. В кругу семьи

Вытолкнув Аодха в коридор, я взяла себя в руки и начала одеваться. Кувыркаясь на ковре, белье я нацепила, сбросив минимум килограмм от гимнастических упражнений, и даже в юбку влезла, туфли тоже пришлось в пору, а вот куда девать хвост?!

Он не хотел лежать тихо-мирно, а нагло оттягивал ткань юбки, словно издеваясь надо мной. И самое печальное, я понимала, что это не волосы, которые можно прикрыть шапкой или шляпкой, и я не могу убрать его по желанию как обратившиеся драконы. Мне бы джинсы! Хвост, конечно, все равно не скроешь, наоборот, но так хотя бы понятно, что хвост — это хвост. А сейчас все выглядело так, будто у меня выросла третья нога! Блестящая такая, чешуйчатая. Одно хорошо — с нее волосы удалять не надо, с меня хватает эпиляции на двух.

И все-таки, что делать с юбкой?

Аодх скользнул в комнату, придирчиво рассмотрел меня и цветастый ковер, и сделал выбор, взял меня на руки.

— Нас ждут.

Таким образом, мне не позволили утонуть в сомнениях и лишили возможности перевернуть весь шкаф с одеждой. К счастью, есть мне хотелось больше, чем обижаться, поэтому я с любопытством осматривалась по сторонам. Пещера была не такой мрачной, как у папы, над потолком летали магические светлячки, но все в одном цвете — светло-желтые, этакая легкая имитация солнца. А мой светлячок, все еще отдыхающий на подушке, был золотисто-лунным! Вот так! Аодх пытался мне внушить, что светлячки не вечные, их постоянно нужно подпитывать, а лучше обновлять, поэтому привязываться не стоит, но я была уверена, что не рискую потерять подаренную мне магическую звездочку, ведь у меня есть собственный колдун.

Аодх споткнулся, тряхнул головой и пошел дальше, не взглянув на меня. Ну да, не отвлекаемся на поцелуи, нас ведь ждут.

— Доди... — предупреждение.

А что я? Никому не мешаю, тихо сижу себе на руках, ухаживаю за некоторыми. Кто это оставляет на рубашке так много расстегнутых пуговиц? Хочется показать торс — будь честен, сними рубашку и повяжи просто шелковый пояс. Красный. Или синий. Да, тело у Аодха смуглое, ему бы подошли эти цвета.

— Доди... — вздох, и просьба в голосе.

Можно подумать, моя вина, что нас поселили так далеко от столовой. Кстати! Я как-то не задумывалась раньше...

— А где ты спал?

— Мы пришли, — облегченный выдох и вот, заходим в комнату, сверкающую ледяным и белым.

Длинный стол из белого камня, вокруг него расставлены массивные стулья с высокими спинками — белые, посуда ясно какого цвета, и все сидящие за столом — с длинными белыми волосами. Пятеро. Мужчины в черном, женщины в непередаваемо-пестром. Мило. И отчужденно. Я и Аодх, несмотря на свои белые одежды, явно не вписывались в этот фон и компанию. Аппетит резко сбавил обороты, но я надеялась, что хоть кусочек мне удастся разжевать в кругу новой семьи.

— Добрый день, лэрд, леди, — Аодх склонил голову, я молча повторила его жест, поразившись, что даже дома он обращается к родителям официально.

Но никого, кроме меня, это не смутило. Лэрд указал широкой ладонью на два стула напротив сыновей, леди пронзила меня ледяными глазами, Блэм игриво приподнял бровь, Харди бросил мрачный взгляд и вернулся к созерцанию посуды, Алин приветливо улыбнулась.

— Располагайтесь, — предложил лэрд.

Аодх прошел к пустующим стульям, но мы разместились на одном. Подогнув хвост, я храбро повернулась к остальным, не все же им мою спину прожигать взглядами.

— Ну, раз все в сборе, — тихий голос лэрда перетянул внимание на себя, — начнем.

В проем, как близнец похожий на тот, через который мы вошли, проскользнули две драконицы. Их принадлежность к клану не подлежала сомнению — цвет волос, высокомерие, холодность. У меня начало складываться впечатление, что последняя черта в той или иной мере присуща всему клану. В руках одной из девушек было огромное блюдо с мясом, вторая несла поднос с фруктами. Приблизившись к столу, они с легким поклоном поставили ношу перед лэрдом. А остальным, я полагаю, предлагалось прогуляться перед завтраком? Ну, кроме леди, сидящей достаточно близко, чтобы до еды дотянуться.

Вышли еще две девушки и поставили два блюда перед леди. Потом перед Алин, уже не раскланиваясь. Потом еще одни девушки разметили блюда перед Блэмом и Харди. А потом вспомнили о нас с Аодхом, а для меня даже сделали исключение — принесли отдельный поднос с одинокой и грустной птичкой сильной прожарки статуса: труп обгорелый зубодробительный. Но не успела я выразить птичке сочувствие, а она уже вспыхнула маленьким факелом. Мне и оборачиваться не нужно, чтобы понять, что это Аодх, и он очень не в духе.

— Ну вот, — я с грустью посмотрела на птичий пепел, — а мы с ней даже познакомиться не успели.

Блэм хмыкнул. Харди бросил странный взгляд на меня. Алин перестала улыбаться. Леди продолжала превращать меня в кусок льда. Лэрд произнес только одно слово:

— Сын?

Смотри-ка, уже почти по-домашнему! Еще один или два мини пожарчика и обнимемся!

— Я никому не позволю обращаться с Доди неуважительно, — процедил Аодх.

— Хорошо, — согласился лэрд, тряхнув косичками, — тот, кто приготовил птицу, неделю будет поститься фруктами.

Аодх молчал, я слышала только его тяжелое дыхание, и чтобы он скорее успокоился, склонила голову к его груди и поделилась размышлениями:

— По-моему, это довольно серьезное наказание. Я не в том смысле, что оспариваю его, — а то подумают, что посягаю на авторитет лэрда, — просто делюсь опытом.

— Хорошо, — кивнул Аодх лэрду, но зря я подумала, что тема исчерпана.

Дракон повернул голову к девушке, принесшей еду для нас, — кстати, я бы на ее месте давно ушла, а она словно поджидала, пока на ней сорвут злость, — смерил ее долгим взглядом и, видимо, отдал мысленно какое-то распоряжение, потому что она метнула взгляд на лэрда и поспешно вышла из столовой.

— Ты что, — поинтересовалась я, — отправил девушку на охоту?

И вдруг стены пещеры содрогнулись от раскатистого драконьего смеха. Зажав уши руками и пережидая внезапную слуховую атаку, я недоверчиво уставилась на лэрда. Но он

молча и я бы сказала мрачно смотрел на меня. Я перевела взгляд чуть левее и опешила... это смеялся не лэрд, это смеялась леди, и кажется, все были в не меньшем шоке, чем я.

— А ты забавная, — отсмеявшись, сказала женщина.

Это ее первые слова со времени встречи с Аодхом.

— Вы тоже, — искренне ответила я, и драконица опять заставила дрожать пещерные стены.

Что-то как-то странно все это... почему она смеется мужским голосом?! А еще странно, что когда лэрд перестал хмуриться, его жена резко оборвала смех и скуксилась, словно ее заставили съесть нелюбимую драконами соль. Она моргнула, пронзая меня льдом своих глаз, и уже без эмоций сказала:

— Я прошу лэрда позволить другим расам изредка пересекать нашу территорию, в качестве гостей, разумеется, но он в отличие от меня не находит эту мысль забавной.

Оп-па, если не ошибаюсь, мне только что указали на мое амплуа шута. Я провела ладонью по груди Аодха, пусть и через рубаху, но нас обоих это прикосновение успокоило; и едва заметно покачала головой. Нет уж, я сама. Во-первых, это его мать и не хочу, чтобы у них портились отношения, а во-вторых, шуту простительно говорить откровенно.

— Если у вас всем гостям оказывают такой радушный прием, ничего удивительного, что ваши горы не атакуют желающие повидаться.

— Тебе не понравился прием, который тебе оказали? — Холод в смотрящих на меня глазах, стужа, а через мою ладонь потоками поступает тепло Аодха.

— Почему же? Все было очень... насыщенно. Я только сожалею, что не смогла присутствовать лично на карнавале причесок.

Леди метнула взгляд на Алин, но она и так смотрела на меня, внимая каждому слову. Удивительно, у них перед носом горы еды, а все внимание мне. Мило. Очень мило. Я потянулась за сомир, разломилась его на две половинки, одну предложила Аодху, а потом вспомнила, что у него-то тоже есть мясо... Но он взял фрукт с улыбкой, обещающей поддержку при одном намеке, что она мне нужна.

— Да, ты, конечно, сожалеешь, что не увидела, как обкорнали Кейтлин! — Грудь Алин высоко вздымалась, видно было, ей стоит большого труда не обратиться. — Наверное, ты просто не понимаешь, что драконица без волос это так же уродливо как... как...

Она красноречиво обвела меня взглядом.

— Как мой хвост? — подсказала я, взмахнув оным.

Она кивнула, потом поспешно покачала головой, но было поздно. Аодх угрожающе зарычал, его ноздри расширились, того и гляди дыхнет пламенем. Алин побледнела и замерла, остерегаясь спровоцировать хищника.

— Странно, — я покосилась на Аодха, поглаживая его грудь через рубашку и посылая мысленную просьбу: не надо, успокойся, я знаю, что ты со мной. — Я была уверена, что все драконы обладают дурным вкусом... — перевела взгляд на драконицу. — Приятно видеть, что я ошибалась.

Алин застыла, словно ее шею пригвоздили к спинке стула. Блэм и Харди переглянулись. Леди растянула губы в жесткой улыбке, а лэрд следил за разговором молча, изредка моргая.

— Знаете, — сказала я, обращаясь ко всем и ни к кому конкретно, — я отчасти понимаю вашу настороженность, с учетом моего происхождения и все такое. Я не собираюсь устраивать бунт или революцию, не собираюсь оспаривать ваши обычаи, но и притворяться, что мне понравился вчерашний день не хочу. И да, оплакивать остриженные

волосы драконицы, которая пыталась меня убить, я тоже не собираюсь.

— Ты не понимаешь, она была моей подругой, а кроме того... — Алин метнула опасливый взгляд на вновь зарывавшего Аодха и замолчала.

— Я знаю, — сказала я, — но теперь он мой.

Харди с силой втянул в себя воздух, привлекая внимание. Он смотрел на меня так, будто впервые увидел или разгадал нечто такое, что не давало ему покоя.

— Так вот на что это похоже... — пробормотал он.

— Что? — спросила я.

Но он не ответил, качнув головой. Блэм переводил взгляд с него на меня, а потом посмотрел на Аодха и занялся, наконец, своей пищей. Все как-то дружно тоже вспомнили о еде. Я покосилась на Аодха и с недоумением увидела, что его глаза побелели, а с ладони, которой он не обнимает меня, сверкая, падают на белый пол мелкие искры. Ну, здравствуй, начальная стадия бешенства!

Аодх моргнул, возвращая глазам черный цвет, сжал ладонь в кулак, пряча затухающие искры, и прижал меня крепче к себе.

— А ты есть не хочешь? — намекнула ослабить хватку, и потянулась за следующим сомиром.

— Хватит перебивать аппетит, — он отобрал у меня фрукт, а в следующую секунду в проем зашла драконица с серебряным блюдом, на котором упокоилась свежезапеченная птичка. Дождавшись небрежного кивка Аодха, девушка с заметным облегчением ушла, но я заметила ее прощальный взгляд на леди. Рассчитывала на поддержку, но не получила, или случайность?

Аодх, посыпав мою птичку солью, отдал ее мне на растерзание, и только убедившись, что я ем и мне по вкусу, отломил из своего блюда большой кусок жареной мякоти.

Остаток завтрака прошел в полнейшем молчании, но, кажется, дискомфорта никто не испытывал или все были слишком увлечены едой. Я изредка ловила на себе взгляды родственников Аодха и в который раз порадовалась, что мы будем жить отдельно. Несколько дней изображать мир при военных действиях еще можно, но при постоянных атаках, простите, захочется кому-то заехать. Разговор возобновился, когда внесли напитки и сладости. Я заметила шоколад, и мне ну очень хотелось вырвать плитку у Блэма, но не для того я мучилась столько дней, чтобы все испортить. Пусть даже папа говорил, что правила — это всего лишь пунктики, на которых повернут Аодх, я не намерена рисковать и услышать лет через двести: «А знаешь, дорогая, что-то я чувствую, что наша связь ослабевает!» Или самой сказать: «Что-то как-то... пролечусь-ка я от тебя подальше...»

Нет уж! Украл — пусть терпит до самого перехода за грань! Хотя... он ведь говорил, что и там может найти меня...

— О чем ты думаешь? — я и предположить не могла, что лэрд обращается ко мне, и подняла глаза только чтобы посмотреть, кто это ему не ответил. Но он смотрел на меня. — Я вижу, что Аодх читает твои мысли и улыбается.

Я обернулась — улыбается, ага. И что?

— Мой сын не так уж часто радуется нас улыбкой, — пояснил он. — А с тобой... Ты позволяешь ему читать свои мысли, а он улыбается...

Драконицы поставили напитки и перед нами, и я с улыбкой предвкушения потянулась к имбирному элю.

— Мне можно? — спросила у Аодха перед тем, как сделать глоток.

Он улыбнулся. Было бы нельзя, я так понимаю, и не поставили перед нами. Кивнул. Ой, хорошо-то как! Еще немного, и все драконы покажутся добрыми душками. Нет, покосилась на глазающих чешуйчатых, я столько не выпью!

— Ты себя недооцениваешь, — явный намек на день нашего знакомства.

— Да я тогда всего стаканчик выпила!

— Ну да, я так и подумал, ты просто на солнышке перегрелась.

— Кстати, да, там было очень жарко, меня вообще начало клонить в сон, а тут ты со своим предложением выйти замуж. И с тех пор ни минуты покоя! — пожаловалась я родственникам.

— Он что, так, сходу, предложил тебе выйти замуж? — заинтересовалась Алин.

— Поставил перед фактом, — подтвердила я. — А разве не всегда так? А то мне тут понарасказывали, — взгляд на Аодха, — что предназначение и все такое, никуда не денешься, надо привыкать, мол, пара есть пара...

— Да, если истинная пара, — согласилась Алин, скрывая взгляд за светлыми ресницами, и я запоздало вспомнила ее оговорку вчера.

Она не была саинтэ для Хэлла, но они все равно вместе. Видимо, эти отношения разительно отличаются от наших с Аодхом, если она так грустит, и судя по всему, повезло мне, что меня украли, ибо так предназначено судьбами, а не ради сиюминутного развлечения, как проделывал с другими девушками Кероп.

Кстати говоря, Хэлла за столом не было, наверное, он не считался членом семьи в полном смысле этого слова. В общем, запутано все и сложно. А эль вкусный, прохладный, ради него можно и обед в прежнем составе пережить. Взгляд Аодха красноречиво говорил: и кто-то мне еще рассказывал историю только об одном стаканчике?!

— Да, — вслух ответила я, — именно так.

И вот не думала я, что эта короткая фраза произведет такой необычный эффект. Блэм оторопело распахнул рот, Харди проверил свой браслет на бицепсе, Алин шустро проверила запястья по той же причине. И только лорд и леди сохраняли невозмутимость.

— Ты тоже читаешь мысли? — спросил лэрд.

А, вот теперь понятно, с чего вдруг все озаботились.

— Нет, не читаю, — ответила я, но лэрд все еще смотрел на меня с подозрением, или кто знает — мысленно перечислял все самые лестные эпитеты обо мне.

— Да, — подтвердил он спустя минуту, — не читаешь.

— Уверены?

— У тебя слишком живая мимика.

Итак, мои предположения по поводу гадостей подтвердились, а мое и без того слабое желание здесь находиться прошло совершенно.

— Хорошо, — сказал Аодх, считав мои мысли, и такое ощущение, что их прочли абсолютно все, потому что драконы зашевелились.

Блэм и Харди переглянулись и опустили плечи, Алин капризно поджала губы, метая в меня молнии раздражения, леди выжидательно посмотрела на мужа, а лэрд, наплевав на величавость, подался чуть вперед, к нам.

— Сын?

Признаюсь, меня затопило раскаяние, я подумала, что вот же, они совсем не плохие, просто не умеют правильно показывать свои настоящие чувства, а на самом деле...

— Не волнуйся, отец, — вставая из-за стола и крепко удерживая меня, сказал Аодх, —

перед отлетом я подзаряжу ваши браслеты.

Мы вышли из столовой под довольные улыбки и облегченные вздохи. Так вот в чем была причина их волнительного оживления! Ни о каких чувствах на самом деле и не было речи.

— Мы улетаем сегодня?

— Завтра утром. Сегодня я заряжу браслеты, и это отнимет немного сил.

Мы зашли в комнату, Аодх усадил меня на кровать, обложив подушками, присел рядом. Потрявоженный светлячок взлетел к потолку.

— Мне кажется или ты даже не заметила, что у тебя начали раскрываться крылья?

— Крылья! — возмутилась я, помня свое отражение в ручье, после которого я сторонилась зеркал. — Хочешь сказать, у меня на каждом крыле добавилось по перу?

Аодх покачал головой.

— Ах, ну да, — спохватилась я, — это у других драконов красиво и гармонично, а у меня на одном обрубке болталось два перышка, на втором три. И где теперь больше? На левом?

Опять покачал головой.

— На правом?

И снова не угадала.

— Крылья раскрылись, когда тебя толкнули со скалы, — сказал Аодх. — Ты правда не заметила?

Пока я летела, было не до самолюбования, я все больше смотрела на землю, но боль в спине и ощущение чего-то липкого, стекающего по ней, я отчетливо помнила. Хм, значит, крылья раскрылись... Еще пару раз кто-нибудь напугает и я стану настоящим драконом, может быть, заикающимся и слегка неадекватным, но драконом. Впрочем, у меня начало складываться впечатление, что неадекватность для данной расы — нормально.

— Ну ладно, — отмахнулась от мрачных мыслей, и Аодху не позволила в них копаться, — так что там у меня с перьями?

— Пойдем, — Аодх снова взял меня на руки, мы молча обогнули гуляющих по коридору угрюмых братьев, вышли на улицу.

О, а здесь солнышко! Красота! Я завертела восторженно головой, и Аодху стоило труда вернуть мое внимание.

— Мы куда-то летим?

— Ты хотела увидеть Долину.

— Ух, ты! — воодушевилась я.

— Раскрой крылья.

— Зачем?

— Обними меня ими, — Аодх так чарующе улыбнулся, что я послушно шевельнула своими обрубками и... под тихий шелест мы оказались только вдвоем в целой Долине, окруженные огромными крыльями. Моими крыльями, такими солнечными, что больно глазам.

— А где мои серые перья? — удивилась я.

— Что, уже скучаешь по ним?

— Нет, но... такое ощущение, что их кто-то выщипал.

Я подозрительно посмотрела на Аодха, а он, усмехнувшись, обнял меня, раскрыл свои крылья, и когда они соприкоснулись с моими, шепнул с улыбкой мальчишки:

— Твои крылья, как и хвост, не чистого цвета, иначе при взгляде на них рябило бы в глазах. Как и у меня, — он растянул одно крыло, предлагая присмотреться, — видишь, не чистый фиолетовый цвет. Есть вкрапления черного, еще нескольких цветов, не знаю даже каких. А, вот, пожалуй, и серый есть. — Указал на серебряное перышко. — Это нормально. Следствие смешивания рас и кланов. Ну что, полетели?

Глава № 21. Любовь и ненависть

Аодх предупредил, чтобы я сильно не размахивала крыльями, не потому что не удержусь, об этом позволил не беспокоиться, а потому что крылья еще хрупкие. Но я все равно украдкой раскрывала их, дразня солнце, небо и ветер, и любовалась, представляя, что однажды смогу освободить от себя спину Аодха и лететь, лететь...

Долина, раскинувшаяся под нами, была необъятным скоплением неприступных скал, рассекаемых бурным водопадом. С высоты не было заметно пещер, и казалось, что от самих скал как по волшебству то и дело отделяется громадная драконья туша. Иногда драконы вылетали по двое, но очень редко, а детей я вообще не видела. Ни вчера во время смотрин, ни сегодня.

Запах горных трав приятно дразнил ноздри, и я старалась дышать глубоко, чтобы задержать его в себе, насытиться. Мелькала странная мысль, что я родилась здесь и просто вернулась домой, после долгой разлуки пытаюсь обвыкнуть снова, узнать, вспомнить. Изредка Аодх оборачивался и лукаво сверкал черными глазами. Ему нравилось мое восхищение, вероятно, потому, что он сам любил это место.

Мы приземлились на небольшом плато, где в нескольких шагах от нас с грозным шумом падал вниз водопад. Там, где он превращался в быструю реку, вдоль берега прохаживались крупные животные, опасливо поглядывая вверх.

— Удобно, — заметила я, — драконам и летать далеко не нужно, чтобы поохотиться.

— Запасы подле себя приберегают. К тому же, охота — это хитрость, тактика, погоня, а здесь искать еду будет только ленивый дракон.

— А так как все драконы крайне ленивые существа... — протянула я, тщетно высматривая очередь из чешуйчатых урвать кого-нибудь побольше. Но, видимо, ради охоты драконы все-таки пересиливали лень и разлетались. Или, что более вероятно, так они коротали скуку. Аодх упомянул, что клану есть чем заняться, но я не заметила, чтобы Алин, к примеру, куда-нибудь спешила. Блэм и Харди после завтрака тоже довольно неторопливо расхаживали по коридору. Увлекательное и полезное занятие для мудрых-премудрых драконов — ничего не скажешь.

— Алин — дочь лэрда и в принципе не обязана ничем заниматься, — ответил на мои мысли Аодх. — Она могла и дальше жить за спиной отца, если бы не выбрала Хэлла. Окажись она его саинтэ, сменила бы одни надежные плечи на другие и все, но сейчас ей придется взвалить именно на себя практически весь быт в их паре. Она знала, что ее ждет и все равно пошла на это.

В словах Аодха слышалась неприкрытая гордость, а я не понимала, зачем связывать свою жизнь с драконом, который однажды может тебя бросить. Да, у корри такое случается и довольно часто, у других рас тоже бывает, но там хотя бы многое зависит от тебя, а здесь в один прекрасный момент может объявиться некто, кто окажется истинной парой, и что? Собрать вещички и уйти? Не представляю, чтобы я ушла молча.

— О да, — польщено улыбнулся дракон, — ты бы не промолчала.

— Почему она с ним?

— Любит.

— Даже зная, что однажды он может...

— Или не может. Это так редко встречается, — Аодх обнял меня за плечи. — Они могли бы и дальше ходить кругами, но решили попробовать.

— А он ее любит?

— Не знаю. Алин просила не вмешиваться в их отношения, — без удовольствия признался Аодх. — Она опасалась, что если мы с братьями попытаемся залезть к нему в душу, он...

— Одумается?

— Типа того.

— Значит, у них все еще более шатко, чем я предполагала. И он не завтракал вместе с вашей семьей, — вспомнила я деталь, которая меня удивила. Хотя весь завтрак был сплошным удивлением.

— Потому что он не считается членом семьи, ты правильно догадалась. Если Алин переберется к нему в пещеру, лэрд вынужден будет признать его в качестве друга дочери, а пока Хэлл для него — один из членов клана, и только.

— Несмотря на то, что они с Алин, наверняка, не ромашки по вечерам собирают?

— Да, несмотря на их совместный гербарий.

— То есть... про ромашки я угадала?

Я стоически выдержала взгляд Аодха, хотя и чувствовала, как начинают гореть щеки. Он улыбнулся, но ничего не сказал. Зачем? Я и сама понимала, что драконы долго живут, так долго, что устают не только от одиночества, но и разгула. Вон Кероп — повадки как у сорванца, а и тот дважды пробовал остепениться.

— А почему я не видела в клане детей? — ушла от горячей темы.

— Вчера, подозреваю, родители запретили им вылетать из пещер, а сегодня с утра они уже в школе.

Ну да, конечно, в клан прилетел враг — детям опасно крутиться поблизости. Подавила обиду, рассудив, что они имели право на страх, потому что привыкли к страху. Сначала боялись только Аодха, теперь вот меня. Да и ладно, пусть сторонятся, у меня не самая плохая компания.

— А где школа? — спросила я. — Далеко от нас?

— У подножья Долины.

— Там, где клан оборотней?

— Что тебя удивляет? Школа хорошо охраняется представителями обоих кланов, а дети сизмальства будут знать, чего ожидать от ближайших соседей.

— А там учатся только драконы и оборотни?

— Нет, — чуть поморщился, — недавно приняли двух человек. Почему тебя так заинтересовала школа, Доди?

Пристальный взгляд Аодха попытался выбить признание, словно чтения мыслей уже недостаточно. Да училась я в школе, еще и курсов закончила море, которые только время убили. Будь у меня магические способности, хоть намек на них, отец грозился устроить в Высшую Академию Магии, но пронесло. Не улыбалось мне пять лет корпеть над учебниками, нет у меня усидчивости. Я хотела пойти работать, но в Анидат из-за дележа границ с демонами с работой возникли сложности. В общем, я пока себя не нашла. А о детях спросила так, интереса ради. Никогда не видела маленьких дракончиков. Ну, кроме себя, конечно, но я себя в детстве смутно помню.

— Ясно, — глаза Аодха наполнились нежностью. — Обещаю, что ты обязательно

увидишь детенышей драконов.

— Когда?

Он призадумался, а потом совершенно честно и бесцеремонно, как и полагается дракону, ответил:

— Я буду очень сильно стараться, чтобы как можно скорее, но пока все зависит от того, когда у тебя закончится обращение.

Вот же ж!

И поцелуй, чтобы некому было возразить этой наглой, но так умело целующейся, чешуйчатой морде!

— Аодх, — выкрутилась из объятий, — я не об этом.

— А я об этом. Ну, хотя бы поговорить. Не представляешь, что со мной происходит, потому что не могу овладеть тобой.

Моя челюсть упала вниз, уподобившись водопаду. Ну, нельзя же заставлять девушку так краснеть! Мой любимый цвет с сегодняшнего дня — желтый. Жел-тый!

— Я хочу раздеть тебя. Сам. Медленно разрезая ткань когтем, — продолжал Аодх, игнорируя мое состояние. — Хочу не просто лежать рядом и ловить твое дыхание, а лечь сверху, широко разведя твои ноги, чтобы ты обхватила меня ими и выгнула спину под моими поцелуями. Хочу видеть, как ты плависься под моим языком.

Не знаю, что с ним происходит потому, что он не может мною овладеть, но то, что начало происходить со мной, пугало. Он говорил, а мне хотелось, чтобы сделал. Он говорил, а мне хотелось сделать все это с ним самой. Раздеть его, попробовать языком...

— Нет, не так, — наблюдая за мной, шепнул Аодх. — Я солгал.

— Солгал? — Мое дыхание окончательно сбилось и, кажется, стало громче ревущего водопада.

— Я ведь обещал показать тебе преимущество двух языков, — палец Аодха очертил контур моих приоткрытых губ. — Я сильно постараюсь, чтобы тебе понравилось.

Сильно? Хочу ли я сильно?

— Ты будешь просить еще... — он приблизил свои губы к моим, но медленно отстранился, наблюдая, как я лгну к его раскрытой ладони, — и я исполню твою просьбу, произнесенную так тихо и хрипло, словно ты сорвала голос.

Да я уже сейчас не могу говорить и дышу через раз...

— Я дам тебе еще... и еще... я дам тебе даже то, о чем ты пока только смутно догадываешься...

И я совсем перестала дышать, ярко предоставив картину, которую расписывал Аодх. Я увидела нас на широком ложе из красных простыней. Увидела себя, извивающуюся под натиском страсти дракона. Увидела его обнаженную спину, в которую впиваются мои ногти. Увидела, как один драконий язык кружит возле моей выемки у ключиц, а второй бесстыже...

Ой, мамочка!

Вздрогнув, я вырвалась из сладостного плена иллюзии. На самом деле я бы никогда не смога вот так, откровенно и жадно принимать ласки мужчины и требовать, и... мне даже послышался стон... Это ведь была иллюзия?

— Не надейся, — улыбнулся дракон, — ты только что вместе со мной заглянула в будущее.

То есть... на самом деле... я все это буду... делать?

Аодх мурлыкнул, как большой сытый кот, склонил голову набок, словно любуясь

добычей, которая больше не ускользнет, а глаза его очень красноречиво ответили, что да... О, да! Я буду все это делать, и не только это, и более того...

Стоп!

Я отодвинулась от дракона и вдохнула побольше воздуха, успокаиваясь и пытаюсь осознать произошедшее секунду назад. Аодх подумал, я поняла «что именно» — по глазам. А это значит... Я что, действительно, умею читать мысли?!

— Нет, солнце, — рассмеялся Аодх, — к счастью, у тебя, действительно, нет даже намека на магические способности.

— К счастью... — фыркнула я, вспомнив, как огорчился папа. — А у нас с тобой мысли сходятся.

— Это именно то, что произошло.

— Что?

— У нас сошлись с тобой мысли, и они были настолько откровенными, что ты запаниковала.

— Я? Ничуть!

— Да? Вот и отлично. Тогда мы обязательно опробуем все, что ты нафантазировала... хм... дай припомнить... ага, очень далеко ты в фантазиях не зашла, так что мы вполне можем реализовать их сегодня.

— Сегодня?! — я бы непременно подпрыгнула, если бы мои онемевшие конечности испугались так, как все остальное тело.

Сердце, к примеру, понеслось в далекую даль и, судя по скорости, с которой оно стучалось мне в ребра, марафон не на жизнь, а на смерть. Пальцы разжались и почему-то принялись махать перед лицом невозмутимого дракона. Живот вжался в спину под ладонью Аодха, а внутренности согнулись пружиной, угрожая напомнить, из чего состоял мой завтрак. Перед глазами затанцевали уже знакомые мутные мушки, аааа, понятно, наверное, именно их я и гоняю.

Аодх взял в плен мои ладони и чтобы не видеть мушек, я просто закрыла глаза. А потом качнулась, — совершенно случайно, — к его плечу, и так мне показалось удобней. Спокойней. И менее стыдно. Но ровно до следующих слов Аодха:

— Сегодня я, конечно, немного устану после работы с браслетами, но... не настолько, чтобы не суметь раздеть тебя, — его голос снова понизился до вкрадчивого шепота, а губы предпочитали шептать непристойности моему уху, по большому секрету. — И насытить своими ласками до беспомыслия...

Да я и так смутно помнила, что мы на высокой скале, все мне хотелось то обнять, то бежать. И, если честно, я не голодна.

— А вот это моя забота. Разбудить в тебе голод и утолить его. Я буду делать это так часто и с таким удовольствием, что когда придет время соединиться, ты не будешь задумываться о принципах, воспитании, правильности. Для тебя будет важно только одно — желание.

— Желание? Чье?

— Твое. Мое. Наше.

— Но я...

— О, нет, ты будешь желать меня, Доди, — я слышала, как он усмехнулся, но не могла разозлиться, как ни старалась. — Ты уже желаешь меня так сильно, что я чувствую твой жар...

Я поерзала у него на коленях, мне было стыдно, и неловко, и волнительно, что он знает.

— Не только сейчас, — он втянул в себя воздух, и я вспомнила, — черт, как вовремя! — об остром обонянии драконов.

Если по одному только вдоху он тогда на крыше определил, что у меня не было обращения и отец не живет с нами, то... о да, он, безусловно, знал, что я уже не раз таяла от его прикосновений.

— О, да, — шепот Аодха проникал под кожу, впитываясь там и укореняясь драконьей лилией страсти, — но сейчас ты хочешь меня гораздо сильнее.

— Я не думаю... — только и сумела пробормотать.

— А вот это правильно, не хочу, чтобы ты о чем-либо думала, когда я буду дарить тебе наслаждение, когда попытаюсь и через тело показать свои чувства к тебе. Разве что... да... это будет отлично. Можешь мысленно, если не хочешь, чтобы кто-нибудь в пещере услышал, повторять мое имя.

— Что?

— Аодх. Мое имя. Мне это понравится.

— Да пошел... — ладонь Аодха помешала мне договорить, а смешинки в глазах подсказали, что именно этого он и добивался — быстро вывести меня из полуобморочного состояния.

— У нас гости, — пояснил он, вставая вместе со мной и угрожающе раскрывая крылья.

Я не видела никого, кроме животных внизу, тихо-спокойно, но секунд через пять животные, задрав головы к небу, дернули в лес, а из-за набежавших фиолетовых туч показались две небольшие точки. Драконы. И Аодх не радуется встрече. Похоже, мои предчувствия перед визитом в Долину оправдываются в полной мере.

Гости приземлились на плато под громкие раскаты грома. Предупреждение, если кто не понял. Они не поняли. Неприветливые, угрюмые, они так сверкали сапфировыми глазами, что не нужно читать мысли дабы понять: этой встрече они рады еще меньше, чем мы. И тем не менее, именно они ее искали, нам с Аодхом было лучше вдвоем.

Со стороны, подозреваю, смотрелось эффектно. Двое в белом. Двое в черном. Напротив друг друга. Самым ярким пятном в черно-белой гамме был мой золотой хвост, который при всем желании я не могла бы спрятать. Но я и не была настроена поджимать его. Я знала, что Аодх справится. Знала и все. Будь угроза реальной, у нас было время улететь с плато.

— Аодх, — начал один из драконов.

Видимо, это означало приветствие, но ему никто не ответил.

— Мы хотели поближе посмотреть на ту, из-за которой ты отказался от Кейтлин.

Я вздернула подбородок, Аодх никак не отреагировал, только молния совершенно случайно пронзила носок в мягкой кожаной обуви наглого дракона, а шквал сильного ветра немилосердно дернул за крылья второго дракона.

— Никто. Не будет. Пялиться. На мою. Саинтэ. — Отчеканил Аодх и крыльями спрятал меня от драконов. — Раззорвву.

— Хочешь избавиться от меня, как и от моего брата? — горько усмехнулся первый дракон. — Мстишь? Ты ведь все помнишь, верно? Ты помнишь, что он предлагал леди от тебя избавиться, как только ты появился в клане. Ты все это время просто притворялся его другом!

Так вот в чем дело, дракон, которого изгнали, оказался тем самым, что пытался

избавиться от найденыша! Это кто еще должен выдвигать обвинения в предательстве!

— У меня нет друзей, — отрезал Аодх.

— Мой брат считал по-другому.

— Наверное, именно поэтому он пытался убить мою саинтэ?

Пока говорил только один дракон, второй, видимо, прилетел для массовки и судя по тому, как ветер продолжал трепать его крылья, а тот рычал, прогулка ему не очень-то нравилась.

— Я хотел сказать тебе, что клан настроен против тебя, — пафосно возвестил дракон.

— Тоже мне новость! — не удержалась я и чуть-чуть приоткрыла авантюриновые крылья.

— Твою женщину клан тоже не примет, — уже не глядя на меня, продолжал вещать этот белообрый пророк.

— Еще вопрос, приму ли клан я, — фыркнула, рассматривая прилетевших, но ничего интересного. Одинаково белые, кислые и холодные. Зевнув, я снова закрылась крыльями и спросила Аодха: — Нам обязательно дослушивать эту чушь?

Я знаю, иногда женщине лучше молчать. Некоторые мужчины считают, что молчать женщине лучше всегда. А я задумалась, что могла поберечь язык и нервы, когда меня без малейшего предупреждения оглушил драконий рев, скала вздрогнула, а Аодх взметнулся вверх и тут же спланировал вниз. Не знаю, сколько прошло времени, когда я смогла моргнуть, вдохнуть и различить, что передо мной Аодх.

— Не волнуйся, я не буду использовать магию, — сказал он, оставив меня под раскидистым деревом, неподалеку от бурного потока, а сам успел трансформироваться и взлететь, чтобы отразить атаку.

Драконы рычали, оскалившись, ревели, заглушая водопад. Они кружили вокруг Аодха, пытаясь загнать в ловушку, потому что за спиной авантюринового показалось еще несколько темных точек. Сколько их? Около десяти, хотя в темном небе точно не рассмотреть. Слишком много на одного, слишком подло, а самое главное, после слов Аодха я поняла, что битва началась бы вне зависимости от моей болтливости. Да и драконы изначально прилетели не для почесать языками.

Они так сильно боялись Аодха и, возможно, завидовали, что хотели вынудить его использовать магию. Они хотели, чтобы я сама ушла от него, чтобы он снова был один против всех. Никому ненужный, доверчиво открывающий свое сердце и принимающий использование за любовь. Подозреваю, что когда колдун был в своей полной силе, у них не было ни единого шанса, а сейчас они в любом случае не проиграют. Или Аодх использует магию и со временем потеряет саинтэ, или... их так много... Нет, он справится! Я чувствую, не знаю почему и как, но чувствую, что справится, потому что для него нет варианта «или», он его попросту не рассматривает.

Откинув непослушную челку, я, затаив дыхание, наблюдала за боем. В фиолетово-черном небе танцевали языки пламени, пахло палеными крыльями, кто-то дико кричал, а у меня в глазах потемнело от несправедливости и обиды, но еще более сильное чувство медленно и неотвратно поднималось из дремоты. Новое чувство. Незведанное. Такое же сильное, как желание. Оказывается, ненависть — это заразно.

Я ненавидела этот клан!

Так сильно, что каждая клеточка тела дрожала в предвкушении, когда я, отодвинувшись от ствола дерева, распахнула крылья. Разве я могу оставить Аодха один на один с той

ненавистью, которой его окружают? Синие, зеленые крылья, красные — какое разнообразие! Но, по-моему, солнечных там не хватает!

Я уже оттолкнулась, чтобы взлететь, когда кто-то схватил меня сзади за шею и прижал обратно к дереву, прорывав, чтобы не дергалась. Или я ошибаюсь, или я из нападающих перекочевала в заложники. Пожалуйста, пожалуйста, подумала я в заразной драконьей манере, пусть я хотя бы один-единственный раз окажусь неправа!

Глава № 22. Битва

Я попыталась вывернуться, но мужская рука прижала меня сильнее, практически перекрывая кислород. Я начала задыхаться, и в небе тут же послышался угрожающий рев, который я не могла не узнать. Аодх. Слышит. Знает. Только бы не отвлекался, не подставлял спину жаждущим его уничтожить! Теперь я поняла всю абсурдность желания мчаться в небо, толком не умея летать. Помощи с меня, может, и был бы мизер, а вот вреда... Я бы только мешала.

Красиво Аодх зажигает в небе огонь, и ветер так жестко треплет крылья врагов. Свет растворился в оттенках красного и фиолетового, и есть в этом некая символичность, ведь Аодх — означает огонь. Быстрые и, тем не менее плавные движения огромного тела, блеск чешуи в освещении первозданной природы — яркого пламени, молний; я не могла оторвать восторженных глаз от дракона. Впервые я видела его таким — грозным, немилосердным и еще раз убедилась, что тогда, с моим отцом, он даже не думал драться.

Драконы мельтешили в клубах дыма, и у меня постоянно менялось их количество. То одиннадцать насчитаю, то казалось, откуда-то из облаков появился двенадцатый. Их было много на одного, но я знала, что Аодх победит, более того, я настолько сильно верила в него, что без паники позволила своему сознанию ускользнуть. Где бы я ни оказалась, он найдет меня... после победы... так трудно дышать...

И в ту же секунду, когда я перестала хвататься за воздух, рука, сжимающая мое горло, разжалась.

— Кровь императора, — пробормотал за моей спиной голос, — кажется, я немного перестарался! Дыши! Он убьет меня! Что же ты такая хлипкая?! Дыши, Доди!

Первый поток воздуха вместо облегчения вызвал кашель, но я глотнула еще и еще, оттолкнула кулак, заботливо постукивающий по моим лопаткам.

— Милый способ сказать «с добрым утром», Кероп, — я обернулась к дракону, у которого уже закончился период раскаяния. Уверившись, что со мной ничего непоправимого не случилось, он вопросительно вздернул бровь, мол, и что это я надумала раскашляться в такой момент, и уставился в небо, где продолжалась битва.

— Не рвись к нему, — буркнул.

— А ты?

— Он попросил присмотреть за тобой, — сверкнул возмущенно сапфировыми глазами, видно было, как ему не терпелось самому взлететь в небо. — Как знал, что попытаешься встрять. А впрочем, наверняка, знал. Он же колдун.

— Очень сильный колдун, — поддакнула я.

— Ну да.

Колдун, которого вынуждали использовать магию...

Мы задрали головы к небу. Расстановка сил изменилась. Теперь Аодх дрался не один против всех. За его спиной ожесточенно рвали чешую и дышали пламенем трое драконов: два серых — братья, и один горного хрусталя. Я облегченно выдохнула; хотя и понимала, что радоваться рано. Теперь их четверо против... двенадцати, все-таки двенадцати лживых, притворных, завистливых тварей, так удачно выбравших время для вымещения ненависти. Они могли попытаться гораздо раньше, хотя... может, они и пытались? Но раньше у них не

было шансов, тогда как сейчас...

Нет, все-таки драконов одиннадцать, странно... я была уверена...

Боевой клич Аодха и Керопа прозвучал синхронно, но авантюриновый, бросив взгляд вниз, снова отвернулся, чтобы отразить нападение в небе, а Лунный сцепился с грязно-сиреневой тварью, которая пыталась подобраться ко мне. Я оторопело смотрела, как Кероп раздирает когтистой лапой твердую чешую дракона, как пытается прогрызть менее защищенное горло и уворачивается от удара хвостом. Размерами его противник был чуть мельче, но более проворным и злым, и он несколько раз прибежал к обманным маневрам, чтобы проскочить к легкой добыче — ко мне. Сейчас, в полутрансформации, даже злость и ненависть не могли превратить меня в грозного соперника драконов. Я — обуза, и лучшее, что я могла сделать — не вмешиваться, не отвлекать. Но я все равно вскрикнула, когда грязно-сиреневый дракон вцепился зубами в горло Керопа, и сжав челюсть, с силой потянул на себя. Благо, Кероп не отвлекся на мой крик, а умудрился вставить лапы в пасть, желаящую его прокусить и разодрать ее, вызвав истошный вой противника. Сиреневый дракон отскочил, как бродяжка, которую пнули, скрючился грязным клубком и широко распахнул сапфировые глаза. Он как будто пытался пронзить ими черное небо или встречал первые капли дождя, мгновенного перешедшего в ливень.

— Не опасен, — сказал Кероп, вдоволь налюбовавшись соперником, но на всякий случай не сменил свою сущность. Обернул меня хвостом, и смотрел уже не в небо, а вокруг. Забавно, как разится поведение и восприятие в зависимости от ситуации. Я считала Керопа таким балагуром, а сейчас со мной был настороженный хищник.

За спиной стонал грязно-сиреневый дракон с разодранной пастью, с неба только что рухнул зеленый, спровоцировав легкое землетрясение. Он дышал, тяжело, прерывисто, но дышал, а вот подняться пока не пытался. Скоро с диким ревом к нему присоединился еще один, правда, плюхнулся менее удачно — в бурлящий поток, а вот когда следом нырнул еще один огнедышащий, я поняла, что падение в воду не случайно. Это тактика, их уже унесло течением. Понятно, что прилетят обратно, но по крайней мере, сейчас на них отвлекаться не нужно.

Расстановка сил опять изменилась в лучшую сторону: четверо против восьми, но заметно сказывалась усталость. Даже с земли было слышно тяжелое дыхание драконов, и крылья раскрывались гораздо медленней, и не всегда удавалось уйти от ударов. Скорей бы все это закончилось! Скорей бы чешуйчатые твари получили свое за подлость! Мелькнула мысль, что братья снова не подвели, а вот сестра... Впрочем, может, она не знала, не слышала... как и лэрд, кстати. Что-то не видно, чтобы он мчался урезонить своих подданных, навести в клане порядок. А вообще, не удивлюсь, если нападение произошло с его, пусть и молчаливого, согласия. Ну, в таком случае, не с руки ему возражать, что в клане станет на несколько драконов меньше, правда?

Почувствовав, что закипаю, постаралась отбросить все мысли. После, со всем разберемся после, а пока самым важным было вырвать победу. То ли от усталости драконов, то ли от того, что я сосредоточенно всматривалась в рыдающее дождем небо, боясь пропустить что-либо, мне вдруг показалось, что драконы не дерутся. Нет, они по-прежнему пытались ударить противника хвостом, когтями разодрать чешуйчатый панцирь, боевой клич разносился по Долине, пожалуй, громче прежнего, но... Казалось, что все, что я вижу — не война, а кровавый, в сизом дыму и пламени, но... танец.

— Кероп... — невероятное предположение, и я уже представила, как посмеется надо

мной дракон, — скажи, мне кажется, или они... танцуют?

Лунный, задрав голову к небу, усмехнулся и сверкнул горделиво сапфировыми глазами.

— Ну да, — поддакнул, — и теперь ты сама можешь убедиться, что драконы делают это великолепно.

Когда Аодх хвастался, обещая станцевать для меня божественный и волшебный танец, я посмеялась над ним, но теперь, следя за плавными и уверенными движениями, поняла, что он не преувеличил. Танец драконов выбивал дыхание из легких с хрипом восхищения, а сердце невидимыми барабанами подхватывало ритм. Я не могла оторвать взгляда от воздушного представления, хотелось кричать, бежать, хотелось летать, хотелось обнять, хотелось сказать всему миру, что он мой... Аодх — мой. И я, раскачиваясь в такт движениям дракона, поначалу и не заметила, что поджимаю пальчики ног. Сняла туфли, попробовала еще раз: чуть покалывает иголочками, но пальцы меня слушаются!

— Кероп... — позвала Лунного, не доверяя ни глазам, ни собственным ощущениям.

— Чшш, — шикнул он, — смотри! Драконы редко танцуют!

И я опять посмотрела в небо, как раз вовремя, чтобы увидеть, как четверо драконов, развернувшись друг к другу спиной и соединив кончики своих крыльев, дыхнули струей пламени в атакующих и взмахнули крыльями, поднимаясь выше, еще выше, чтобы оттуда броситься разноцветными стрелами на противников. Рев обожженных драконов разрывал болью горы, и я, закрыв уши, только смотрела, как над острыми скалами зарождается полупрозрачное марево, а потом опускается, охватывая все, к чему может дотянуться.

Неужели Аодх использовал магию?! И тогда... я... Нет! Только от нас зависит, как будут складываться отношения и как долго они продлятся. А все остальное — повернутость на пунктиках. Но мне хотелось кричать от разочарования, потому что я понимала всю бесполезность самовнушения. Если Аодх использовал магию, а у меня не оставалось в этом сомнений, я уйду от него. Не по своей воле, просто уйду. Никто не знает когда, но связь уже крепкой не будет, так что...

Сердце остановилось. Крик замер в горле, хотя я отчетливо слышала, как кто-то кричит мое имя. Поначалу громко, на разрыве барабанных перепонок, а потом тише, успокаиваясь, еще тише, и уже почти благоговейным шепотом доносится:

— Доди...

— Да? — отзываюсь я, хотя понять не могу, как это происходит, потому что мои губы сомкнуты так сильно, что не разжать.

— Услышала... — радуется голос, и меня обволакивает волной удовольствия и целым океаном надежды и счастья. — Услышала, солнце.

И тогда я понимаю и узнаю, и хочу обнять этот голос, хочу ответить, что да, услышала, что я поняла и еще много чего хочу сказать ему, но не могу. Я все еще не могу говорить от шквала эмоций, а я так хочу выразить свое восхищение им. Он победил, я верила...

— Знаю. Я слышал. Чувствовал. Иди ко мне.

И я, не задумываясь, поднимаюсь навстречу авантюриновому дракону, который приземляется первым. Он, не меняя сущности, двигается ко мне, а я стою и жду. Просто жду. Его. А когда он оказывается рядом, поднимаю ладонь к его чешуйчатой морде, пропахшей дымом и копотью, и шепчу кодовое слово, которое скажет ему гораздо больше, чем я сумела бы сейчас сказать:

— Привет.

Он когтем осторожно проводит по моей щеке, и только тогда я понимаю, что плачу. Так

глупо плачу, когда все, наконец, хорошо.

— Привет, — громко рокочет дракон, и Долину накрывает оглушительная тишина.

Не слышно ни стонов грязно-серого, ни шороха зеленого, развалившегося у потока воды. Да и вода молчит и, казалось, застывает льдинками, поджидая, что будет дальше. Ливень стихает, а я оторопело наблюдаю, как под мелкий дождик приземляются остальные драконы: два серых и один горного хрусталя. Как бросают взгляды на валяющихся противников с опаленными крыльями и идут к нам. Но огибая их, торопится марево, и почти накрывает меня и Аодха. Я даже не успеваю ничего сказать, только зажмуриваюсь и чувствую, как меня прижимают к себе сильные лапы... нет, уже руки... и не боюсь, ничего не боюсь рядом с ним, тем более, что он настойчиво уговаривает меня не бояться...

— Оухкм, — не узнать Керопа невозможно, а значит, мы выжили.

Все худшее позади.

Я смело открыла глаза, чтобы встретиться с черными, которые наблюдали за мной с таким восторгом, будто это я хороводы в небе водила.

— Ну, что я вам скажу, — Кероп обвел рукой полянку, заигравшую прежними звуками, непривычная тишина растаяла вслед за маревом, — это было... идеально.

И, конечно же, когда все закончилось, и победа досталась нашим, показались все в белом драконы, такие чистенькие и так вовремя! Я имею в виду лэрда и леди, а еще Алин с Хэллом.

— Сын, — лэрд вопросительно окинул взглядом нас, повергнутых драконов, приходящих в себя, и тех, что освежившись, торопились обратно — урвать, убить, растоптать. — Что здесь произошло?

— Действительно, — фыркнула я, — что здесь могло произойти? Никогда не догадаешься, даже если судить только по звукам битвы, которые были слышны на всю Долину!

— Сын, — лэрд тряхнул косичками, — мне не нравится, как твоя саянтэ говорит с твоим лэрдом и отцом, замечу.

А вот это он зря! Очень зря! Аодх пытался меня остановить, но куда там, я знала, что рот он мне не закроет, иначе меня разорвет от эмоций, знала, потому что чувствовала его. Он не пытался ко мне обратиться мысленно, но через меня проходили волны, идущие от него. Досада и разочарование при таком своевременном появлении лэрда, неизбежность и примесь горечи, а еще любовь. Несмотря ни на что, любовь.

— А уж я-то сколько хочу заметить! — Аодх притянул меня к своей груди, и я физически почувствовала безмерную поддержку во всем: что бы я ни сделала и что бы ни сказала... — И, знаете, у меня нет ни одной причины этого не делать!

— Ты хочешь что-то сказать мне, девушка? Как отцу твоего будущего супруга или как лэрду?

— А какая разница?!

— Огромная, девушка.

— Вот уж не заметила!

— Ты не знаешь наших законов и правил, ты не знаешь наших порядков, и только потому я был к тебе снисходителен, но сейчас...

— Да не собираюсь я выслушивать этот бред! — Мои крылья распахнулись, а хвост нервно дернулся. — Вы ничего не сделали ни как лэрд, ни как отец для того, чтобы я стояла и спокойно внимала пустым нравоучениям!

— Девушка... — угрожающее рычание напротив и не менее грозное за моей спиной.

— В первый же день меня пытались убить в вашем клане, — я видела, что за спиной лэрда шипит леди, оторопело стоит Алин и с поникшей головой Хэлл. Со всех сторон слеталась группа поддержки мудрому лэрду и его леди, но никого из них не было, когда поддержка была нужна нам, а потому и они ничего для меня не значили. — Да, да, конечно, не по вашему распоряжению... я надеюсь... — Глаза лэрда недвусмысленно намекали, кем бы он мечтал отобедать. — Но даже если и по вашему, никто не узнает. Конечно, мог бы один дракон проверить, но на вас защитные браслеты. Для чего? Что такого прячется в ваших мыслях? Неважно. Я выжила, виновные были наказаны, вроде бы и сурово по закону вашего клана, но, видимо, недостаточно, если это позволяет прислуге в вашем доме пренебрежительно относиться к гостям и... да, да, не только к гостям, а по совместительству и к вашей невестке. И в этот же день совершается еще одно покушение. Двенадцать на одного. Не хило, правда? Сомнительно, что такой заговор прошел мимо внимания лэрда, хотя...

Я специально сделала паузу, чтобы мы вместе пришли к очевидным выводам. И судя по изменившемуся взгляду лэрда, мы к ним пришли.

— Я никогда не желал зла своему сыну, — процедил лэрд. — Я не знал, что на вас нападут.

— Ну, конечно, — не стала наставить я, — это просто случайность и несерьезно. Еще нескольким драконам сделают прически и отпустят.

— Ты хочешь, чтобы я уничтожил весь клан?!

— А что, убить Аодха и меня мечтает весь клан? Вот видите, — я не дала лэрду времени придумать новую отговорку, — когда хотите, вы прекрасно осведомлены.

Аодх напрягся, я уловила волны сожаления и решительности, а еще понимания, неловкости и... несмотря ни на что, несмотря на слова и поведение лэрда... любви. Я понимала, что мальчик, которого бросила собственная мать, голодный и считающий, что обречен умирать, по настоящему привязался к тем, кто его воспитал, приютил, не бросил, когда предлагали другие, но...

— Нет, что вы, — мой запал улетучился под гнетом эмоций Аодха, — я просто пытаюсь понять, куда делись драконы, которые не дали в обиду ребенка с пугающими способностями? Он тогда был чужим, ничего к ним не чувствовал, подозреваю, его кроме еды вообще очень долго ничего не интересовало. Но они не предали его, а сейчас, когда несмотря ни на что, этот мальчик не может вырвать их из своего сердца, их нет. Я просто пытаюсь понять, что с ними стало.

Сглотнув ком в горле, я повернулась к Аодху и обратилась уже только к нему.

— Ты рассказывал мне о храброй леди, которая залетела в клан врага, чтобы спасти ребенка. Ты рассказывал мне о благородном лэрде, которого так уважают в клане, что не взбунтовались против странного мальчика, играющего огненными искрами и магическими светлячками. Всего лишь посоветовали убить. Ты рассказывал мне о хмурых братьях, которые редко кого принимают. Ты рассказывал мне о своей доброй сестре, с которой мы непременно подружимся. Ты рассказывал, что у всех этих драконов большое сердце, и они с радостью меня примут в семью и клан, но... — Я прикоснулась ладонью к его груди, и мне стало легче закончить фразу в полнейшем молчании. — Но я увидела только братьев, верных, любящих. И еще двух настоящих друзей. Я рада, что познакомилась с ними и буду счастлива, если они примут меня, но... Больше я никого не хочу знать в этом клане, не хочу

иметь ни малейшего к нему отношения, потому что других драконов, о которых ты мне рассказывал, здесь нет.

И, возможно, никогда не было...

Но вслух я этого не произнесла.

Я видела и чувствовала, как трудно Аодху принять правду о своей семье, но здесь не было вариантов: либо лэрд никудышный правитель, либо все происходило с его ведома. Битва подтолкнула не только к моему обращению, но и к тому, чтобы Аодх сделал выбор. Мы оба это понимали, и оказывается, не только мы.

— Я никогда не желал зла Аодху, — повторил лэрд, но мы с авантюриновым смотрели только в глаза друг другу. — Я никогда...

Под ропот и встревоженный шелест крыльев на землю упал деревянный браслет.

— Я никогда не желал тебе зла, сын, — повторил лэрд, уже без защиты, полностью открывая мысли и эмоции колдуну. — И я, клянусь, что ничего не знал о заговоре, и нападения не слышал. Мы летали в сокровищницу, чтобы выбрать ожерелье к помолвке Алин.

Сестра Аодха и Хэлл сделали шаг к нам, и на землю упали еще два браслета девушки.

— Аодх, поверь, — она устремила взгляд на меня, — я хотела бы узнать твою саинтэ лучше, я хотела бы с ней подружиться, если она позволит... Мы все летали в сокровищницу. Мама сказала, что на помолвке я должна быть самой красивой, а она видела там изумительное ожерелье, которое подойдет к моему платью...

— Как ловко, — улыбнулась я, — у всех есть алиби. Подозреваю, сокровищница так далеко, что оттуда и правда ничего не слышно?

— Да, сокровищница далеко, — Аодх обвел взглядом семью, мельком зацепил членов клана и посмотрел на мать.

Она стояла бледная, но с высоко поднятой головой. Они так долго всматривались друг в друга, что мне начало казаться, здесь и свечерееет, но вот драконица сняла браслет с запястья и дрожащим голосом выдавила:

— Я ничего не знала, Аодх.

Я уловила волны облегчения и счастья, исходящие от Аодха, и уже сквозь слезы наблюдала, как высокий и уверенный в себе мужчина, мой мужчина, обнимает хрупкую светловолосую женщину. И как к ним присоединяется лэрд и Алин, и мнется рядом Хэлл, не зная, как вести себя. Мне тоже стало немного неловко, и я опустила взгляд, рассматривая брошенные браслеты. И вот они-то натолкнули меня на запоздалую, но светлую мысль.

Браслеты носят только члены семьи Аодха, верно? Но когда меня пыталась убить Кейтлин, отвлекая авантюринового, я четко рассмотрела у нее такой же браслет. И вот вопрос: кто именно ей его дал? Если ответить правильно, можно узнать, кто сладкой змейкой притаился за спиной Аодха, но, увы, на этом мои светлые мысли поглощала непроглядная тьма. А вот Аодх, похоже, знал это имя, потому что именно после его слов я обратила внимание на браслет у Кейтлин.

Глава № 23. Разборки

После бурного всплеска эмоций, все члены семьи обернулись ко мне. Ну да, я вроде бы как провокатор. Вот только мне ничуть не было стыдно, и я не собиралась притворяться, что всех простила и всем поверила. Кто-то из них знал обо всем, поэтому так вовремя лэрд и леди оказались далеко от водопада. Может быть, лэрд. Может, сама леди, она все-таки странная, очень странная, и этот ее смех за завтраком до сих пор забыть не могу. А, может, Алин или Хэлл. Но вряд ли я разберусь во всех хитросплетениях, потому что мы улетаем с Аодхом. Хватит! Спасибо за гостеприимство, но дальше мы как-нибудь сами.

— Ты злишься, — Аодх отошел от семьи, чтобы искушать меня взглядом.

— Ничуть, — воспротивилась я, но хвост-предатель снова заплясал из стороны в сторону.

— Девушка, — ну, это лэрд, ко мне, даже голову поворачивать не надо, что понять, — ты ничего не хочешь сказать?

— Вам?

— Можешь мне, — растянулся в улыбке предвкушения лэрд. — Можешь всему клану.

Аодх резко обернулся к отцу, но прежде чем его рычание перешло в угрожающее, я использовала проверенный метод и положила ладонь ему на грудь. Успокоился, только с силой втянул в себя воздух.

— Да собственно, — я посмотрела лэрду прямо в глаза, чему он явно был удивлен, — я все сказала, и за две минуты ваших обниманий ничего не изменилось.

— То есть... — он, кажется, не мог поверить, что я в отличие от некоторых дракониц не радуюсь предстоящему родству. — Ты хочешь, чтобы я молча проглотил твои слова? Ты думаешь, я могу спустить их тебе с рук?!

— Отец! — предостерегающе прорычал Аодх, но я покачала головой и отправила мысль, что позволю себя спасти чуть позже, если придется. Он сжал мои плечи, посылая потоки тепла и, если не ошибаюсь, энергии, потому что я ощутила заряд бодрости и глубокой уверенности, что одним жестом могу раскрошить горы.

— А почему бы нет? — ответила я лэрду. — У вас за покушение на убийство стригут и выселяют. Всего лишь. Так я и не против выселиться. Лучше прямо сейчас. Ну, зарядите браслеты в другой раз, подумаешь, — при этих словах лицо леди перекошилось, но она быстро взяла себя в руки. А вообще, Алин шустренько раздала браслеты обратно, и они не медлили, чтобы надеть их. — А стрижка... Знаете, я поначалу противлюсь всему новому, такой вот характер, но в итоге получается, что все к лучшему. — Аодх расплылся в самодовольной улыбке, едва не сбив меня с мысли. — Лето, жара, — я дунула на длинную челку и многозначительно помолчала. — Я, понимаете ли, не то чтобы «против», но думаю, что мой будущий муж не совсем чтобы «за».

— Правильно понимаешь, — пока я говорила, Аодх намотал одну мою прядь на свой палец, а потом склонил голову и глубоко вдохнул. — Мне слишком нравятся твои волосы.

— Сын...

— Вот не могу понять ваших обычаев, — все внимание на авантюринового, других, я же сказала, для меня и не существует. Ну, кроме друзей и братьев, маячивших за нашими спинами. — Оно, конечно, мне и не надо, я все-таки жить здесь не собираюсь, но... — чей-

то взгляд попытался прожечь меня насквозь, но судя по тому, что я все еще могла говорить, попытка не удалась. — Разве вот эти вот, валяющиеся с разодранной пастью и отодранной чешуей, драконы никому не нужны? И те неудачники-нападающие, что прилетели, кстати? Никто не рвется перевязать им опаленные крылья, зашить пасть, приклеить обратно чешую? Ну, это я к тому, что если им ничего не грозит по типу убить, уже подлечили бы. Но, по моему, первостепенная цель в клане — не наказать за покушение на убийство, а попытаться унизить тех, кого пытались убить. Нет, ты как хочешь, Аодх, но мне здесь уже надоело. Давай улетим?

— Сын, твоя саинтэ... — рычание Аодха, и после тяжелого вздоха лэрд заговорил не так резко. — Она не понимает, что теперь принадлежит к клану Белых драконов, а значит, обязана подчиняться мне, как лэрду, и вести себя, как все остальные подданные. Пожалуйста, если до нее не доходит, объясни ей сам. Лучше несколько раз.

— Ой, не надо! — воскликнула я, испуганно распахнув глаза. — Вы что же, не знаете, что ваш сын ужасно не любит повторяться?! Давайте лучше не будем утруждать его языки. Тем более что я прекрасно все поняла, правда, вести себя, как остальные подданные... хम्म, это, наверное, у меня не получится, — изобразила расстроенную рожицу. — Я презираю, да, но никого не хочу убить просто так. Разве что в качестве мести. Солгать, конечно, могу, но разговоры никогда не устраивала. Нет, я, пожалуй, не справлюсь. Да, точно. И потом... ну, какой из меня белый дракон? — изящно махнула золотым хвостиком. — Уж лучше я как мой папа, буду сама по себе.

— Так не бывает, девушка, — опять начал выходить из себя лэрд, — не бывает, чтобы дракон был сам по себе. Он обязательно принадлежит к какому-нибудь клану.

— Да?

— Да.

— Ну ладно, — смирилась, — тогда я предпочитаю принадлежать к своим.

— К каким еще своим, девушка?

Аодх, конечно, понял, что я хочу сказать и попытался меня остановить, но куда там!

— Ну как это к каким? — развела руками и вывела хвост вперед. — Демоны, если не считать моего папу, мне не слишком понравились. Как-то у нас с ними общение не сложилось. Ну... тогда считайте, как и в день нашего знакомства, что я принадлежу к клану Золотых.

— То есть... — взъерошился лэрд, а его косички подскочили от резкого выдоха. — Ты хочешь, чтобы я считал тебя нашим врагом?!

— А разве вы уже так не посчитали? — растерялась я, а потом мне надоело притворяться, и я серьезно посмотрела на лэрда. — Повторяю еще раз. Я не буду. Принадлежать. Вашему. Клану.

— Вот как? — вперились синими глазами мужчина. — Давай расставим точки над «i» один раз, чтобы больше к этой теме не возвращаться. Золотых и демонов исключаем сразу. Потому что. Одна группа не устраивает тебя. На вторую я не соглашусь. Драконов, не принадлежащих никому, не бывает. Итак, девушка, что у нас остается? Кому ты хочешь или не хочешь, но будешь принадлежать?

Он, наверное, думал, что загнал меня в ловушку, но у меня было что ответить, и я бы ответила, если бы не почувствовала, что скажет Аодх. Почувствовала, а потом услышала всего одно слово, которое окончательно расставило между нами все точки:

— Мне.

Он убрал, наконец, с моего лица непокорную челку, почесал мимоходом мой лоб, чем окончательно покорил, и взял на руки, оберегая меня и предостерегая остальных от лишних телодвижений.

— Ты будешь принадлежать только мне, — сказал строго, и вот мне даже спорить с ним не хотелось.

Я покорно и тихо сидела у него на руках, посматривая на посветлевшее небо и на друзей, с которыми увидимся теперь только на свадьбе, а вокруг началась суета. Кто-то, словно его попустило, бросился к лежащим драконам. Я, кстати, думаю, что некоторые из них притворялись, а на самом деле пережидали, пока дракон с косичками спустит пар. Кто-то потянулся к лэрду с прошениями и жалобами. А сам лэрд словно выпал из реальности и смотрел на нас с Аодхом откуда-то издалека. Я видела, как раскрывались его губы, но слов не слышала. Я видела, как он пытается сделать шаг, но не может двинуться с места. Очнулся он после того, как леди прикоснулась к его руке и, наконец, издал внятные звуки.

— Сын... — покачал головой, словно отгоняя наваждение, — не так я представлял себе нашу встречу...

Я снова не удержалась и фыркнула, сжигая мосты, которых и не было.

— Останься хотя бы еще на один день, — попросил лэрд.

— Еще один день — еще одно покушение, — заметила я.

Будь я одна, меня бы уже разорвали на части, не сомневаюсь, а так кому-то приходилось меня терпеть.

— Мы так и не обговорили вопрос с Анидат, — зашел с другой стороны лэрд. — Все-таки я посылаю тебя на переговоры... которые не состоялись. Дважды, — взгляд на меня, будто он точно знал, что случилось с Керопом во время полета. — Нет, я, конечно, понимаю, что саинтэ для дракона важнее, чем политика, но... Я думал, что сегодня вечером мы соберемся на совете старейшин... Нужно что-то решать по этому поводу.

— Любопытно, совет старейшин... — я уставилась на непробиваемое лицо Аодха. — И сколько нам лет?

— Ты имеешь в виду нам с тобой? Ну, солнышко, если помнишь, я твой возраст определил приблизительно, так что откуда мне знать?

— Я имею в виду тебе.

— А, мне? Ну, мне... Ты была права, когда посчитала, что я моложе твоего отца.

— И насколько моложе?

— На прилично, — кивнул для убедительности. — У него вот, видишь, уже взрослая дочь, а мы с тобой пока даже не начинали работу над этим вопросом.

Я вспыхнула — умеет же вывести из себя! И ничего не сказал толком и сказал слишком много. В голове зашумело, перед глазами затуманилось и вообще, я с трудом заставила себя думать о травке, о бурном потоке воды, да о чем угодно — лишь бы не выдать настоящие мысли.

— Нет, отец, — услышала Аодха, и поняла, что он как я и хотела, отказывается задержаться, а по колючим глазам лэрда поняла, что он будет настаивать.

И тогда я подумала: зачем ставить авантюринового в невыгодное положение? Тем более что его выбор я уже осознала; остальное формальность, да и мне было интересно кое-что посмотреть в клане, кое-что выяснить для себя. Я послала Аодху мысль, что ладно, так и быть, мы здесь заночуем, если лэрд оставит меня в покое.

— То есть... — подхватил Аодх, — хорошо, отец, я буду на совете старейшин, но

Доди...

— Да не трону я ее! — махнул рукой лэрд и обвел взглядом драконов. — И никто больше не тронет. Ладно, прощаю, но в последний раз я такое выслушиваю в свой адрес!

— Хорошо, — счастливо улыбнулась я, — обещаю, что так и будет, если мы с вами больше никогда не увидимся.

— Да ты... — лэрд буквально позеленел от злости и не знаю, чего бы успел наговорить он, и чем бы ответила я, но его перебили.

— Да ты — настоящая папина доча! — похвалил голос, который я даже в бессознательном состоянии непременно узнаю.

Я выкрутилась из объятий Аодха, прыгнула на землю и с радостным криком помчалась к огромному серому монстру, помахивающему плетью. По дороге я видела, как побледнел и пошатнулся Кероп, кажется, он даже пытался меня спасти от злого демона, но одна из плетей настоятельно посоветовала ему держать свои руки подальше, а несколько плетей обернулись нежными канатами вокруг меня.

— Папочка! — я не могла передать, как же соскучилась и как рада его видеть, и обнимала и обнимала без остановки, пока он притворно не захрипел, запросив пощады. Я отстранилась и заглянула в любимое серое лицо. — Давно ты здесь?

Отец попытался изобразить удивление, но я слишком хорошо знаю папу.

— Давно, да?

— Ну, скажем, мне понравилось, когда ты сказала, что не принадлежишь и не будешь принадлежать к клану, который тебе пытаются навязать.

— То есть, ты здесь с самого начала разборок?

— Да нет, немного раньше прилетел, успел даже из-за тучек кое-кого пару раз надгрызть, — он покосился на драконов, и двое из них где стояли, там и сели.

— Демон... — выдавил один, а второй вообще забыл, что обучен говорить.

— Ага, — подтвердила я, — и плети у него ядовитые.

Два дракона где сидели, там и легли, а я очень тихо, чтобы никто не услышал, поинтересовалась с затаенной надеждой, что справедливость восторжествует:

— Они скоро умрут, да?

— Да нет, — взгрустнул папа, — я не использовал плети. Вот если бы я прилетел раньше, тогда да, а так... твои уже сами справлялись, зачем присваивать их победу? Я и без того довольно известен в определенных кругах. Тем более, я видел, что они почему-то не хотели убивать своих.

— Своих! — возмутилась я. — Ну ладно, молчу, молчу, а то кого-то проглочу. Лучше скажи, а мама где?

— А, — демон махнул плетью в Аодха, — обживается у своего зятя.

— Как это?

— По-твоему что, папа не знает, где живет нахрапистый драконий колдун? У него, конечно, стояла на пещере защита, но на своих она не срабатывает. Слишком беспечно, а здесь бы как раз не помешала его повернутость на пунктиках. Поговорю с ним потом, мне, знаешь ли, дочь отпускать в небезопасное место не улыбается. А сюда твою мать брать было нельзя, уж слишком она впечатлительная.

— Да, — улыбнулась я, — мама у нас не дракон, но зря ты думаешь, что она нежный цветочек. Хватило же у нее храбрости выйти за тебя замуж, а ты мало того, что дракон, так еще и демон.

— Просто от твоего папы еще никто не убежал, — он покосился на Керопа, который к этому моменту уже пришел в себя и даже смело смотрел в нашу сторону. Правда, вид моего папы вызывал у него легкую тошноту, и он заметно порозовел, когда папа посмотрел на Аодха. — А твой задохлик оказался ничего так, наглый без меры.

— Можно я передам ему твою похвалу?

— Не утруждайся. От себя я поток перекрываю, но он всю информацию считывает через тебя.

Я обернулась как раз вовремя, чтобы встретить невинный взгляд Аодха. Все слышал. Все знает. И польщен так, что едва не трескается от гордости. Подошел к нам важной походкой, и его рука тут же легла мне на спину.

— Да ладно, — фыркнул папа, — при мне можешь не строить из себя собственника. Если бы я хотел оставить дочь себе, ты бы так и валялся тюфяком в пещере, хотя... нет, уже, пожалуй, отмучался, и мы бы тебя оплакивали. Образно, как ты понимаешь. Не хватало мне реветь над сиреневым умертвием, которое я сам бы и сделал.

— Конечно, — смиренно согласился авантюриновый, и я даже рот распахнула. Ну надо же, как он быстро нашел подход к моему папе! С ним, как и с любым драконом лучше не спорить, но здесь ситуация усугублялась демонической стороной. Всплыв, папа может натворить много дел, а если пойти ему на уступки, ну, хотя бы притвориться, он отойдет, остынет и прислушается, если в словах было разумное зерно. Вот и сейчас, смерив Аодха подозрительным взглядом, он тяжело вздохнул и милостиво махнул плетью:

— Ладно, традиции есть традиции, сам понимаешь, что я должен был тебя наказать и попытаться вернуть дочь. Ну, немного погорячился, но так не убил же! А ведь мог...

— Наверное, — снова предпочел не спорить Аодх, и папа после раздумий признал:

— Правда, если бы ты сопротивлялся всерьез, все это могло несколько затянуться...

Ага, признал, что авантюриновый мог стать его соперником, но ненадолго. Ну, папа есть папа.

— Так, я смотрю, Доди уже прошла через обращение, а вы до сих пор топчетесь на четвертом испытании. — Хитрый взгляд на дракона. — Так уверен, что никуда не уйдет?

— Уверен, — согласился Аодх, а рука на моей пояснице начала выводить круги. — И Доди только что прошла через обращение, буквально на ваших глазах. Как я понял, вы были неподалеку, вот за тем деревом? Оттуда все видно как на ладони, не правда ли? Она еще слишком слаба, чтобы...

Смех моего отца заставил дрогнуть скалы и зашуметь крыльями подслушивающих драконов. И вот что странно: почему лэрд терпеливо молчит, не вмешивается? Окончательно убеждаюсь, что из него такой же правитель, как из меня маг.

— Ты ошибаешься, Доди, — пришло послание от Аодха.

— Не думаю, — ответила молча.

— Он хороший лэрд, просто... наверное, слишком хороший.

— Тогда он должен радоваться, что я, такая плохая, не стану членом его клана!

— Доди... — улыбка.

— Я хочу, чтобы он наказал тех драконов, — едва не захныкала, — пусть не убил, но наказал.

— Уверен, на совете старейшин поднимется этот вопрос и вообще, тебе не стоит об этом думать. Я разберусь.

— Да? Ну... вот если бы я могла сама... хоть одним глазком...

— Ты все равно ничего не поймешь, — ладонь Аодха забралась под мою блузу, которая уже вовсе и не белая, а непонятно какого цвета, — все будут говорить на драконьем.

— Но так не честно! К чему это дурачество? Вы прекрасно говорите на моем языке!

— И все равно на совет не допускаются женщины.

— Женщины! — ухватилась я за соломинку. — А я пока ведь...

— Не беспокойся, — глаза Аодха многообещающе полыхнули пламенем, — перед тем, как начнется совет, мы уладим этот нюанс. Я вижу, что у тебя энергии достаточно, чтобы выдержать драконью страсть, твой папа прав, да и вообще... Ты не слишком занята после ужина?

— Аодх...

— Папа всегда прав, — встрял в разговор отец, и на наши вопросительные взгляды пожал плечами: — А что такого? Не только ты считаешь информацию через Доди.

Я быстро оглянулась, но смех драконов вернул мое внимание обратно.

— Больше никто, Доди, — успокоил Аодх и подул на мои покрасневшие щеки. — А если захочешь, я сделаю для тебя почти такой же браслет, как носят члены моей семьи, и даже я не смогу читать тебя.

— А почему почти, а не точно такой же?

— Потому, — щелкнул по носу, как любопытного котенка, залезшего усами в миску сметаны, — что у нас с тобой установилась связь, Доди, и теперь я читаю тебя на глубинном уровне. Простого браслета с рунами будет недостаточно, чтобы закрыться.

— Но ведь... и я читаю тебя?

— Да.

— И если я надену браслет, о котором ты говоришь...

— Ты все равно сможешь читать меня, Доди.

Потому что он не хочет закрываться от меня. Потому что он полностью доверяет мне...

— Именно, — подтвердил вслух все, что я считала с него, и меня накрыло такой волной нежности, что я не хотела ее сдерживать. Не хотела притворяться, вести себя правильно. Я обняла колдуна за шею, поднялась на цыпочки и, глядя ему в глаза, только ему, не замечая никого больше, даже папу, деликатно отвернувшегося, спросила:

— А мы могли бы...

— Что?

— Видишь ли... — еще чуть-чуть и решимость меня покинет, — мне надоело сидеть на диете, сегодня утром я едва не отобрала шоколадку у Блэма...

Удивленное восклицание за спиной не могло оторвать меня от демонических глаз напротив.

— И?

— А мы могли бы... пройти испытание номер пять до ужина? Ты не подумай, что мне так уж не терпится... я понятия не имею, что это вообще такое... Я просто... ну да, я просто ужасно хочу шоколад.

— Который тает на языке? — медленно приближаются губы, и я слышу, как раскрываются крылья. Мои. Аодха.

— Который тает на языках, — поправляю его, и мы тут же уносимся в небо под смешки, ропот, завистливые вздохи, испуганное всхлипывание, причитания, что все попались. Я смутно слышу, как бормочет папа, подкрадываясь к застывшему лэрду с косичками:

— Ну что, родственничек, а теперь ты мне ответишь, почему моих дочь и зятя чуть не

убили в Долине...

Они переходят на резкий драконий, для меня непере译имый, а мы уносимся так высоко, что задеваем крыльями облака, и мне, честное слово, немножко страшно, но совершенно не хочется возвращаться на землю. По крайней мере, до ужина...

Глава № 24. Пятое испытание

Мы приземлились на высокой скале, такой высокой, что ничего внизу не было видно. Совсем. Только сизую дымку. А, впрочем, я всего лишь раз глянула вниз, а так не отрывала глаз от Аодха. Я видела только его. И слышала только его. И чувствовала...

Огромный поток нежности, ворох искорок-ощущений, которым не могла дать определения, но которые так приятно щекотали мои нервные окончания; и я бы сказала — любовь, но... Чувство, излучаемое Аодхом и которым он щедро делился со мной, не было похоже на любовь, известную мне. Я люблю родителей, но это другое. Люблю свободу, но тоже не то. И после битвы, когда Аодх говорил с лэрдом, я улавливала идущие от него потоки любви, но они не были похожи на это чувство, более глубокое, сильное, насыщенное оттенками других чувств и эмоций. Хотелось петь, танцевать, хотелось разбиться на маленькие осколки. И это новое чувство безмолвно вторило: да, сделай так, попробуй, и будь уверена, что я соберу тебя снова, я верну тебя, где бы ты ни была...

Верну тебя...

Через меня прошла другая волна — узнавания, понимания, пока еще не полного, но...

— Пойдем, — взяв за руку, Аодх подвел меня к покатоному боку мрачной скалы, приложил к ней ладонь, и скала распахнула беззубую пасть. — Это моя пещера, кода-то отец надеялся, что я буду жить рядом с семьей. Она не очень обжита, но зато сюда никто не посмеет войти. Побоится.

Мы вошли.

Так странно, но мои босые ноги совсем не ощущали холода, сырости, я как будто была в мягких туфлях, которые даже не замечала. Я шла за колдуном, украдкой бросая взгляды на его профиль, и ничего не могла поделать со своими мыслями: он мой, мой...

Он слышал, знаю, что он слышал, но мне не было стыдно: все казалось правильным и логичным. Но он ничего не говорил, пока мы не вышли к горному озеру. Оно было намного меньше, чем в пещере лэрда, но над сводом плясали сотни разноцветных магических светлячков. Я тут же вспомнила о своем — ему бы сюда, чтобы не тосковал...

— Хорошо, — пообещал Аодх, — потом.

И я кивнула. Пока он не мог использовать магию. Все еще не мог, но вот когда мы...

— Я подумал: ты захочешь себя увидеть.

— Что?

— Ты хочешь увидеть себя драконом?

Я посмотрела вокруг — не слишком ли тесно? А потом поняла, что Аодх не предложил бы мне этого, не будь он уверен, что все получится. Он был уверен, а я... Период обращения я прошла, но оборачиваться не умею! Не знаю как! У меня телепается хвост, крылья раскрылись, я снова могу ходить, но чешуя только на одной половине лица и на лбу, и...

— Хочу, — ответила я, потому что знала: я не одна, знала, что мне помогут, если что-то пойдет не так. Я полностью доверяла Аодху.

— Закрой глаза, — подсказал он, — увидь себя моими глазами.

Я не спрашивала, что он имел в виду, просто закрыла глаза и тут же увидела картинку, заставившую замереть восторженно, и выдохнуть, и задержать надолго дыхание. Огромный желто-золотистый дракон стоял на четырех массивных лапах с когтями, впереди наглый

хвост, предостерегающе бьющий по пещерному полу, чешуя переливается в свете магических светлячков, а на лбу дракона как диадема — изгибается серая полоса.

Ой, кажется это я!

А-бал-деть красота какая!

Я развернулась и увидела длинный хвост, который радостно дернулся и притих, притворяясь, что он мирный и безобидный. Смотри же на меня, смотри, я хороший! А крылья, огромные сильные крылья важно раскрылись, позволяя любоваться собой. Сейчас, в освещении магических светлячков и отблесках синего озера, они казались солнцем, которое поцеловала разноцветная радуга. Сложив крылья, я развернулась обратно, открыла глаза и почувствовала, что задыхаюсь от палящего взгляда демонических глаз. Белые, они подобно снежной буре накрывали меня с головой, укутывали и настойчиво тянули к себе. Холод и жар смешались. Страх и желание перекрутились зигзагом. Я больше не различала, где мои ощущения, где Аодха.

Волна нежности, волна легкого страха... Это мои ощущения или его? Наверное, мои, чего Аодху бояться? Но нет, все-таки он. И страх за меня. И дикое желание не близости, а чтобы понравилось... мне... А это уже моя волна, сливаясь с его, успокаивает прохладным потоком: я не боюсь, я готова, я тебе верю...

Кто-то из нас первым делает шаг. Наверное, я. Я — сильный дракон, мне не страшно сверху смотреть на мужчину с темными волосами, хотя от него веет опасностью, но не для меня. Он поднимает ладонь, и я трусью об нее чешуйчатой мордой, закрываю глаза и слышу:

— Ну, здравствуй, солнышко, — улыбка Аодха проходит через меня сгустком нежности, задерживается у сердца. — Я так долго ждал тебя. Здравствуй.

Он с силой втягивает в себя воздух, и я буквально каждой чешуйкой чувствую растущее напряжение. Вспоминается день нашей встречи, когда он первый раз назвал меня солнышком. Значит, он знал уже тогда, что я — золотой дракон, знал, как я буду выглядеть...

— Знал, и все-таки не представлял до конца, насколько ты будешь красивой.

Я тоже втягиваю в себя воздух, ведь я дракон, и у меня теперь чуткое обаяние, но... да, я слышу разноцветье запахов, среди которых главенствует один — горных трав, понимаю, что это запах Аодха, но... больше ничего не могу определить по нему. Ни возраст, ни как давно он прошел обращение...

Мое разочарованное сопение перебивается раскатистым смехом, вынуждая открыть глаза. Но прохладный нос утыкается в раскрытую ладонь и как-то это меня успокаивает, хвост перестает издавать громкий стук. Я жду. Не знаю чего. Он знает — мужчина, в чьих глазах мое отражение.

— Я говорил, как рад, что у тебя нет ни намека на магию?

Хвост возмущенно метет пол. И этого мы ждали? Этого?! Миру конец!

— О нет, — смотрю, как длинные мужские пальцы опускаются к рубашке цвета молока с кровью.

Морщусь. Мысль о молоке неприятна. А между тем пальцы справляются с пуговицами и передо мной теперь обнаженный торс, который так сильно хочется облизать, что я падаю на задние лапы и тарашусь, просто тарашусь.

— Не хочешь обернуться?

Я поворачиваю голову назад, а там нет ничего интересного. Опять сопение такое, что еще чуть-чуть и выдам пламя. Качаю головой, больше меня не обдуришь.

— Ну, что ж... а если так?

Моргаю, видя, что передо мной уже совсем-совсем обнаженный мужчина. Совсем, то есть полностью. Так страшно, что я не могу оторвать от него взгляда, особенно от той части тела, что скрывалась за брюками. Падаю на передние лапы, пытаюсь дыханием отбросить прочь длинную челку, а потом вспоминаю, что челки в этом облике нет. Моя чешуя плавится, а когти противно скребут пещерный пол. Еще чуть-чуть и я брошусь прочь. Или наброшусь. Я пока не решила, как маятник, куда качнет, то и сделаю.

— Иди ко мне, — просит мужчина, отступая к воде.

А я слежу за ним, пока он медленно скрывается в озере. Скрывается, скрывается... скрылся!!! Моргаю возмущенно. Мне так ничего не видно! Пыхчу, а он смеется.

— Иди ко мне, — повторяет. — Пока я сам не пришел за тобой.

Что?! Это угроза?! Мне?! Да я... Да я...

Огромный фиолетово-сиреневый дракон с перламутром и дразнящими капельками влаги на чешуе размеренно выходит из озера. Двигается ко мне.

— Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь?

Прислушиваюсь к его рокочущему голосу. Мне нравится. Я слышала раньше его драконом, но это ощущалось не так, а вот сейчас... Я втягиваю когти в лапы, приподнимаюсь и оборачиваю себя хвостом, с восторгом наблюдая за драконом. Он излучает силу и уверенность, от него потоками идет тепло и обещание. И вот когда он полностью выходит из воды и нависает надо мной, я опускаю голову и утыкаюсь ему в бок.

А так меня не видно, правда?

Энергетические потоки смешиваются, я ощущаю, как дракона буквально раздирает на части от сдерживаемого желания, и хочется хихикнуть и спросить: а у него так всегда? И как же он тогда терпит? Но я хихикаю про себя, а он мне вслух отвечает:

— С тех пор, как мы познакомились.

Я замолкаю, втягиваю запах его кожи и понимаю, наконец, понимаю, что если он сейчас ничего не сделает, меня саму разорвет на части. Когтем тихонечко постукиваю по одной фиолетово-звездной чешуйке. Что-то он долго молчит...

— Сложи крылья, Доди.

Я складываю крылья.

— Обернись.

Я глубоко вздыхаю, и открыв глаза, вижу в белых зрачках отражение розовощекой девушки с разметавшимися волосами. Ой, что это я? Но мне не дают причесаться, я даже не успеваю вздохнуть. Меня подхватывают на руки и заносят в воду. Но мне так неудобно, хочу смотреть, хочу все видеть! И вспомнив прошлое купание, я обхватываю мужской торс ногами. Дракон перестает идти, хотя казалось, собирался прогуляться по озеру вдоль и поперек раз несколько.

— Доди...

— Что?

Слов больше нет, мысли разлетаются под всплеск теплой воды. Я не могу различить, кто кого целует. Я... Меня... Дыхание теряется за вздохами и чьим-то удивленным стоном, просьбой... Еще... еще... пожалуйста... Кто просит и о чем?.. Еще... не выдержу... И снова стон, горячий, удовлетворенный... Нет, так не надо...

— Да.

Накатывают бешеные волны, несут, качают, пестуют, бросают вверх и...

— Не могу...

— Ты сможешь...

Перед глазами пляшут светлячки, горячие ладони лихорадочно сжимают, прижимают, мнут, исследуют, и вдруг по позвоночнику ползет язык и...

— Аодх...

— Да, Доди?

Я забываю, что хочу сказать. Набрасываюсь с поцелуями так отчаянно, как будто мщу.

— Люблю тебя... — одно дыхание.

— Люблю... — второе.

Толчок и...

Задыхаюсь, стон сворачивается сгустком боли. Нет сил дышать. Дрожу. Хватаюсь за спину. Терплю. И чувствую, как медленно язык переползает со спины на мой живот, еще чуть ниже и еще чуть-чуть... Кружит, тревожит, дразнит... Кровь императора!..

— Аодх?..

— Чшш, — шепчут волны страсти, и подхватывают меня, возрождают. — Тебе понравился язык?

— Да... — выдыхаю.

— Хочешь два?

Усиленно качаю головой, потом киваю и... нет, не могу... не выдержу... в горле стон... я бьюсь в мужских руках, я разбиваюсь, я... Вскрик и... никогда не думала, что смерть такая...

— А теперь два сразу, — шепчет голос, от которого сжимаюсь сладкой судорогой.

Киваю. Да, хочу. Разбаловал. И снова волны озера стучат о каменные берега, а я смотрю в глаза дракона, почерневшие, довольные, умиротворенные. В них отражаюсь я... Кусаю губы, лгну, отталкиваю, обнимаю... снова умираю...

— Моя!

Вскрик, стон, маленькое землетрясение, проваливаюсь в сон на чем-то мягком и слышу:

— Удержал... Очаровал, влюбил в себя...

Хотела я кому-то кое-что сказать, но не успела, а вот когда проснулась... эх... ох... аукх... крикх... уффф... Ощущения такие же приятные, как если бы по мне дракон потоптался, причем в зверином обличье; все тело ныло, лень было даже перевернуться с живота на спину. А хотелось. Единственное, на что решилась — повернула голову, да и то шейные позвонки взвыли. Хнык... Нее, каждый день я такое испытание проходить не решусь. Может... нет, вряд ли, и лучше не думать об этом, но... может, причина, по которой мама жила отдельно от папы — это вовсе не я?

Пятое испытание... Вранье! Обман наивных! Это не испытание, это пытка! Почему мы не прошли через нее, пока я ниже талии ничего не чувствовала?! Конечно, не было бы и тех прекрасных мгновений, но мы бы наверстали их потом, во второй раз и в третий, и в очередной бессчетный... Зато я бы так не мучилась в первый! Когда все наладится, и я смогу хотя бы дышать не морщась, пройдет, наверное, прилично времени прежде чем я решусь повторить сей подвиг.

— Черта с два!

Меня бесцеремонно сгребли в охапку и перевернули на спину. Аодх. Глаза белые, лицо бледное, как будто это ему плохо, а не мне.

— Черта с два мы будет тянуть с этим!

Аааа, мысли считал, беснуется. Ну, это мы уладим, сейчас вот я усиленно подумаю, что

мне понравилось, более чем понравилось, но если ему нужна саинтэ-долгожитель...

— Очень плохо? — белые глаза почернели, в них проявилось такое раскаяние, что я почти решилась солгать, но ведь все равно я для него нараспашку, так что толку.

— Сейчас станет легче, — руки Аодха легли на мой живот, а я вспомнила, что вообще-то я без ничего, и... и он все видит! Я надежно спряталась от позора — ну, зажмурилась и попыталась укутаться в простынь, но ситуация осложнялась тем, что на простыне сидел Аодх, он был явно сильнее, помогать мне укутаться не собирался и вставать, кстати, тоже.

— Вообще-то я твой муж.

— Свадьбы не было! — Я на память не жалею, даже курнабус в курсе.

— Свадьба — это такая же формальность, как помолвка Алин и Хэлла.

— А у нас даже помолвки не было! — Я оставила простынь в покое и распахнула глаза. — Аодх, не было даже помолвки!

Дракон, совершенно голый и не стесняющийся своей наготы, с минуту меня рассматривал, а потом его глаза затопила такая всеобъемлющая радость, что я насторожилась.

— Что случилось?

— Ничего.

Он поднялся, походил по комнате, которая, кстати, вопреки его уверениям, что пещера не обжита, была неплохо обставлена. Огромная кровать, на которой я лежала, красный полог, имитация камина с пылающим огнем, зеркальный шкаф, подозреваю, что не пустой, и маленький стеклянный столик, заваленный баночками, тубиками, щетками для волос, лаками. Обведя все это восторженным взглядом, я как раз хотела броситься к изобилию косметики, и даже ногу с постели со стоном, но спустила, а вот поставить на пушистый синенький ковер не решилась, потому что оттуда на меня таращились огромные глаза.

— Аодх?..

Дракон обернулся, посмотрел на меня и на глаза в ковре, махнул рукой и предложил:

— Знакомься, это твой помощник, Ариаусасмиусконсестон.

— Кто-кто?

— Твой помощник. Твои глаза и уши, твоя охрана. Я не всегда буду рядом, но его задача в том, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

— И что мне для этого надо сделать?

— Только попросить его. Он все понимает.

Я поджала ноги, стянула края простыни вокруг себя и, уставившись в глаза, протестировала:

— Молочный шоколад.

Глаза моргнули, по-моему, сменили цвет с желтых на зеленый, но ни в моих руках, ни в радиусе примерно тридцати метров комнаты ничего вкусенького, обернутого в фольгу и бумагу не появилось.

— Очень смешно, — похвалила Аодха. — Я рада, что ты опять можешь колдовать.

— Хочешь сказать, что...

— Я ни на что не намекаю. Глаза... эмм... вышли большими и умными. И вообще, глаза в ковре — это оригинально, таких, наверное, ни у кого нет. Мы можем захватить этот коврик с собой? Буду пугать нежелательных гостей.

— Доди... — он со смехом покачал головой. — Кровь императора, меня предупреждали, но я не думал, что это будет так забавно...

— Что?

— Давай по пунктам.

— Это ты любишь, давай.

— Глаза в ковре, как ты говоришь, не единственные в своем роде. Есть и еще, но общаться с ними могут только носители демонической крови, да и то там много нюансов. Можно пообщаться, к примеру, но они не будут помогать. Не захотят и все. У этих глаз в ковре есть имя, и пока ты его не произнесешь, ничего не получишь. Это не относится к защите, здесь он тебя и спрашивать не будет. И потом, ну вот что ты ему сказала? Молочный шоколад. И что? Может, ты просто сама с собой разговариваешь или тебе что-то приснилось?

— Так что, на счет «умные» — это я польстила?

Глаза в ковре прищурились, Аодх засмеялся.

— Не ссорься с ним, Ариаусасмиусконсестон очень добрый, но обидчивый.

— Он может обидеться?

— Более того, он может стать не только твоим помощником и защитником, но и другом. Если вы найдете общий язык.

— Знаешь, я как-то никогда не пыталась найти общий язык с глазами...

Глаза закрылись и исчезли с ковра. Аодх развел руками, мол, ну вот, я же предупреждал...

— А ты можешь записать мне его имя?

— Если хочешь, я введу тебе его в память. Блок на то, чтобы его смог выговорить кто-либо помимо тебя и меня, я уже установил.

— Ну... давай.

Не успела моя рука описать дугу в воздухе, как я поняла, что имя у моего помощника легчайшее и вообще удивилась, что не смогла его запомнить с первого раза. Он же на древнедраконьем, и не имеет значения, что я и современного драконьего не знаю.

— Ариаусасмиусконсестон, — позвала я.

Ковер не отреагировал.

— Ариаусасмиусконсестон, я не хотела тебя обидеть. Правда. Я просто никогда такого не видела, и я действительно не знаю, как с тобой общаться. Может, ты сам подскажешь мне?

В ковре прорезался один глаз, но посмотрел на Аодха.

— Сам решай, — развел руками колдун.

Открылся второй глаз, и Ариаусасмиусконсестон пристально посмотрел на меня.

— Мир?

Моргнул.

— Ну тогда... Ариаусасмиусконсестон, я бы хотела молочного шоколада. Пожалуйста.

Глаза на секунду закатились, мол, ага, теперь понятно, ради чего тебе было нужно перемирие, и я не смогла сдержать улыбку. А уже через мгновение я удивленно вдыхала дымок горячего шоколада из огромной чашки.

— Ты не уточнила, в каком виде хочешь шоколад, — пояснил Аодх.

— Да?

Глаза теперь уже определенно сменили цвет с желтого на красный и уставились на меня.

— Что?

— Он ждет. Будешь пить или захочешь съесть плитку?

— Да нет, — я сделала глоток, — я даже не подумала, что можно и такой попросить.

Вкусно очень. Спасибо.

Глаза зажмурились.

— А как мне его отпустить? Он же не все время будет смотреть на меня?

— Ну, если тебя это напрягает, он может подсматривать за тобой, не привлекая к себе внимания.

— Но все равно будет рядом?

— Да.

— Зачем?

— Так мне будет спокойней.

— И что, мы правда заберем ковер с собой?

— В ковре ему уютней, но он не обязательно должен сидеть именно в этом ковре и вообще не обязательно в ковре. Он умеет перемещаться в пространстве, так что просто последует за нами.

— А если я на него наступлю?

— Это вряд ли.

— Почему?

— Он — дух. Не материальный.

— Фух, уже легче.

Могу поклясться: глаза, слушая наш разговор, откровенно смеялись, а я вдруг напряглась, потому что подумала: а не видели ли эти бесстыжие глаза, как мы... как я и Аодх...

— Ах, Доди, — дракон отошел от стены, которую соблазнял своей обнаженной спиной, — ты опять меня удивляешь.

— Я?

— Объясни, пожалуйста, почему тебя так беспокоит реакция бесплотного духа на то, чем мы занимались, если об этом знает весь клан?

— Что?

— И знает, — крадущийся шаг ко мне, — и в красках рисует себе что и как, — еще один шаг, — и безумно завидует мне...

— Да?

— О да, — еще один шаг, последний, и к шепоту, от которого сбивается дыхание, присоединяются распахнувшиеся крылья. — Ведь это ты меня позвала, ты меня соблазнила...

— Разве?

— Конечно. И сейчас, укутавшись в алую простынь, ты опять это делаешь, ты опять соблазняешь меня, Доди, и словно просишь: пожалуйста, стяни ее с меня, пожалуйста...

— Нет, я...

— Да. Ты. — Поцелуй от моей ключицы спускается к груди, а простынь выскользывает из моих пальцев. — Вот что я скажу тебе... Ты сделала неправильные выводы на счет пятого испытания. Ты думала, что оно закончилось, но нет, оно продолжается. Ну, как ты, солнышко? Ага, чувствую, что уже хорошо... Встряхнем Долину еще раз?

Ой, мамочка, испуганно подумала я, отвечая на лихорадочные поцелуи, оказывается, землетрясение действительно было!

Глава № 25. Не тайная тайна

— Ну, как ты не понимаешь, Аодх, — я устало вздохнула, потому что дракон ни в какую не желал меня слушать, — нам нужно учиться находить компромиссы, идти на уступки друг другу... Если мы уже сейчас ссоримся, я не представляю, как мы вообще будем жить дальше?

— Это ты пытаешься со мной поссориться, а я не согласен. И наша совместная жизнь будет прекрасной, восхитительной и неповторимой, не сомневайся.

Наблюдая за моей реакцией, он сменил белые одежды на черные, но не заметив отклика, тут же наколдовал себе беспроегрешный вариант — брюки черные, рубашка авантюриновая, а для шеи — чей-то длинный коготь, болтающийся на длинной цепочке. На этот раз он колдовал в полную силу, так что драконы тоже увидят его в одежде, которая, кстати, ему очень шла, а коготь вообще хотелось потрогать руками. Но я сдержалась. Не в том я настроении, чтобы выражать ему свое одобрение. Не в том. Я все еще была зла, разочарована, обижена и... и...

— Ага, понятно, в этом и пойду, — конечно, этот наглый колдун считал все мои мысли, но в расчет принял только первую часть. А то, что я ужасно хочу присутствовать на совете старейшин... Хочу, хочу, хочу!..

— Нет, Доди, — и не устает же столько раз повторяться, а? И смотреть при этом с упреком, мол, я все делаю тебе во благо, даже отказываю, а ты просто капризничаешь. — На совете тебе делать нечего.

А я бы нашла что! Правда-правда. Мне не так интересно рассматривать цвет мудрейших (из-за присутствия там лэрда, я вообще сомневалась в применимости к ним этого слова — мудрейшие...), а вот глянуть, как накажут оборзевших драконов... Ух, я бы глянула!

Да мое присутствие на совете просто необходимо! А если мудрейшие предпочтут притвориться, что ничего не было? Намудрят, мол, все живы, здоровы — и ладно. Ничего не стоит закрыть глаза на совесть, тем более что так уже было.

— Не волнуйся, я позабочусь, чтобы этот вопрос был решен, — в который раз заверил Аодх.

Кстати, в который? В третий, кажется. А это ведь языки утруждаются, это ведь время отнимается на болтовню, а так бы взял меня с собой и... По взгляду вижу, что не возьмет, еще и заклятье какое-нибудь на пещеру наложит, чтобы я не смогла вылететь.

— А это идея, — подхватил он, и ничего не изменилось, слова вслух не сказал, а я поняла, что мои опасения только что воплотили в жизнь. Почувствовала. — И, Доди... — вдруг замялся, но раскаяние не по поводу заклятья, а чего-то другого, я пока не могла разобрать чего. — Ты еще плохо летаешь, а так как меня рядом не будет, лучше с полетами повременить.

— Ты так считаешь? — обманчиво мягко спросила я, и колдун на то и колдун, чтобы мгновенно понять, что переборщил, перегнул палку, и теперь придется увидеть отдачу.

— Ну, солнышко...

Я дышу, дышу, я просто так громко дышу, я вовсе не нервничаю. Подумаешь, трансформировалась в комнате, и слегка задела кровать, подумаешь хвост нечаянно продырявил ковер! Дух вовремя переместился поближе к Аодху, пораженно сверкая красными глазами, а судьба остальных исключительно в их руках. Обернуться

авантюриновый в звериную сущность не может, комната не рассчитана на двух чешуйчатых, а значит...

— Ты восхитительна в этой сущности, — он совсем не спешил спастись. Наоборот, приблизился ко мне и поднял ладонь, словно зная, что я опущу голову. Ну, точно зная, потому что я опустила и уткнулась в ладонь, принимая потоки тепла, нежности и восхищения. — Такой насыщенный золотистый цвет, такая крепкая чешуя, и языки такие длинные...

Ну, что я могу сказать? Драконы действительно очень падки на лесть. Раньше я или фыркнула бы, или хихикнула, а сейчас помалкивала, чтобы не приведи демоны, он не прервался.

— Я скоро буду, — Аодх погладил меня по мор... э, нет, даже в этой сущности у меня лицо, за остальных драконов не отвечаю. — Блок на выход я снял, погорячился немного, здесь ты права, но, пожалуйста, никуда не выходи. Я через пару часов вернусь и все тебе расскажу. И не летай без меня, хорошо? А то я буду волноваться.

Убил одной фразой все мое недовольство. Беспощадно убил! И чем мне заняться? Я уже и не злюсь. Вроде бы как и не за что. Эх. Так я бы себя потихоньку накручивала, и время пронеслось незаметно, а так...

— Ну, почитай, ты же любишь читать, — стеклянный столик, на котором красовалась косметика, расширился, и на нем появились журналы, стопки книг. — Или позагорай, — одна из стен раздвинулась, и меня затопил солнечный свет, несмотря на то, что на улице вечерело. — Не захочешь — просто махни рукой и свет исчезнет.

Я тут же махнула лапой, что-то мне и без того было жарко.

— Так искупайся в озере, я охлажу температуру до наиболее комфортной для тебя. Ну, вот, — улыбнулся, — если что, озеро готово тебя обнять.

Ну, вот зря он про обнимания, теперь плавать в одиночку мне совсем расхотелось.

— Прости, здесь мало развлечений, я говорил, что пещера не слишком обжита и пока успел сделать только это...

Ну, на совесть-то зачем давить?

Ладно, и покупаюсь, и почитаю, и сделаю вид, что именно этим я и мечтала заняться вечером.

— Доди, я тоже не мечтаю присутствовать на совете, но надо. Давай потерпим пару часов друг без друга, хорошо?

Так он что, думает, что я это из-за него? Что я просто не хочу оставаться одна?! Да он...

— Но это действительно так, — польщено улыбнулся Аодх, — и мы оба это знаем.

Я попытала в открытую ладонь дракона, успокоилась и отпустила его на совет. Сменила сущность на человеческую, взяла журнал и легла на кровать поверх покрывала. Вот честно, не знаю, что плохого в том, что муж — колдун. По его меркам — муж, по моим скоро им станет, но суть в другом. За пару часов из необжитой пещеры сотворил чудо, унял боль после того, как мы... ну... поплавали... и я, наверное, скоро совсем обленюсь, потому что уже сейчас мне удобней говорить мысленно. Но нравится, когда он говорит вслух. Странно, конечно, но Аодх старательно тренирует языки в угоду моему капризу. И вообще, я после соединения как-то изменилась, что мне самой не нравилось, зато Аодха приводило в подозрительный восторг.

Что-то здесь было нечисто. А вот что?..

Похоже, наметилась еще одна тайна.

— А не перекусить ли мне? — я скосила глаза на духа, а тот посмотрел прямо и безразлично. — Но вот что? Ариаусасмиусконсестон, ты не знаешь, чего я хочу?

Вообще-то, вопрос задала риторический и не ожидала, что на столике рядом со стопкой журналов и книг вдруг появится дымящаяся кружка горячего шоколада.

— Да нет, — придя в себя, покачала головой, — сладкого, я, пожалуй, не очень хочу.

Вместо кружки на огромном блюде появилась маленькая зажаренная птичка.

— Нет уж, — это без вариантов, — с дичью я на какое-то время завязываю.

Блюдо пропало, столик распух в размерах, и на него взгромоздился поросенок на вертеле, истекающий ароматами и манящий зажаренной корочкой. Но и он после моих долгих разглядываний и неуверенного пожатия плечами исчез. А вот фрукты в корзинке вызвали аппетит, и рука мгновенно потянулась к ним, игнорируя лень. Честно говоря, я пока не понимала, как при такой всеобъемлющей лени драконы умудряются не падать с неба на головы мирным жителям? Это же махать крыльями надо!

Хотя, наверное, все дело именно в крыльях: сама мысль пролетаться приятно подняла настроение, взбудоражила.

Но я ведь обещала...

Или не обещала?

По-моему, я промолчала, а это за согласие не считается, верно? И я могу полетать, могу случайно спланировать на скалу, где сейчас собрались старейшие. Если они не только старые, но и мудрые, притворятся, что я и правда появилась там чисто случайно и на время забудут о драконьем обонянии и связи. Шанс на это мизерный, но был, но вот Аодха расстраивать не хотелось. Позлить — да, а расстраивать — неа, ему и так не слабо досталось от семейки.

В общем, я как раз убедилась, что лучше мне остаться в пещере, и раскрыла страницы журнала, не особо вчитываясь, а перелистывая, когда в комнате послышался голос непонятной тональности:

— Алин.

Я уставилась на глаза в ковре, а они на меня, мол: как?! Ты что, думаешь, что у нас такой странный голос?!

А между тем странный голос повторил:

— Алин.

На всякий случай я больше раздвинула полог над кроватью, а то мало ли, может, я кого-то не замечаю. Да нет, вроде бы, гостей не прибавилось. Потянулась за ананасом, прикидывая, чистить его или так попробовать, как уже гораздо громче прозвучало то же самое:

— Аллиннн!

О, кто-то теряет терпение! Я, кстати, тоже, потому что я и так не слишком люблю сестру Аодха, а если мне бесконечно повторять ее имя, когда я расслабилась и отдыхаю, то...

Стоп!

Меня осенило.

Я ведь в пещере колдуна...

Я встала с постели, отложила увлекательнейший журнал и пошла к выходу. Приложила ладонь, и скала показала пришедшей драконице пасть и меня в домашнем: мягкие желтые тапочки, кимоно в тон, только уже такое, не для наглых драконов, а шелковое, настоящее, да

еще волосы у меня, в зеркало смотреться не надо — слегка взъерошены. На моем фоне сестра Аодха особенно казалась красавицей. Вся такая нарядная, пестренькая, в летящем сарафане с кучей накладных карманов, с длинными серьгами, от которых я не могла отвести глаз. По-моему, мне только что захотелось такие же, но не уверена. И, главное, она не забыла надеть браслеты, хотя я и не умела читать мысли. Или она к Аодху?

— Впустишь?

Значит, ко мне. А зачем?

— Нам надо объясниться, — драконица пыталась говорить спокойно, но сверкнувшие сапфирами глаза выдали раздражение. Помедлив, я подвинулась.

Осматриваясь по сторонам, Алин уверенно прошла в комнату, где я отдыхала. Значит, ее удивило, как быстро Аодх преобразил пещеру, но расположение она прекрасно знала сама. Ну, ладно, мне меньше утруждать языки, приговаривая: «Вот сюда, пожалуйста. А теперь сюда. Да-да, остался всего один поворот»...

Зайдя следом за гостьей, я плюхнулась на кровать, а девушка стала нервно мерить длинными шагами комнату. Я успела съесть два сомир, но она не утомилась маршировать. Зевнулось. И долго мне ждать? Захотелось закрыть глаза, но сначала всех выпроводить, и чтобы ускорить процесс, я спросила:

— Ну-ну?

Алин обернулась, бледная, глаза по-прежнему гневно сверкают. Молчит.

— Пришла рассказать, почему хотела уничтожить меня и Аодха?

Она отшатнулась, ее худая ладошка взметнулась к шее в защитном жесте, но я вроде бы сущность на звериную не сменила, да и поза у меня не угрожающая. Лежу себе среди мягких подушек, жую сочную мякоть.

— Как давно ты догадалась? — ноги Алин не выдержали нагрузки, и она опустилась в кресло.

— Только что, — оставив фрукты в покое, я протерла ладони влажной салфеткой. — Правда, могла бы и раньше. У всех твоих родственников по одному браслету, у тебя два, и даже если бы твоя подруга не успела вернуть браслет, ты все равно не рисковала выставить на обозрение свое нутро. И сегодня, когда все так эффектно сняли браслеты и поклялись чуть ли не в вечной любви, твои слова... Я как-то не слишком обратила на них внимания — такой момент, столько эмоций, семья объединяется после недопонимания, но... Ты ведь не сказала, что не знала о нападении. Ты сказала, что хочешь, чтобы мы стали подругами и что вы летали в сокровищницу. Все. Полет в сокровищницу — алиби, так что ты не лгала, а вот по поводу дружбы... Наверняка, Аодх почувствовал ложь, но он изначально знал, кто за этим стоит.

— Нет, он...

— Знал, — для убедительности я кивнула.

— Но почему он...

— Сама задаюсь вопросом, почему он тебя не убил. Честно. Наверное, слухи о драконьей кровожадности сильно преувеличены. Аодх не раз говорил, что может убить за один косой взгляд в мою сторону, а здесь целых два покушения... Если ты очень хочешь услышать почему еще дышишь, я обязательно уточню у него.

— Он... если он знает... нет, я не верю...

— Ну, конечно, тебе проще думать, что ты вся такая крутая, чем предположить, что кто-то настолько сильно любит тебя, что готов простить!

Эмоции вынудили меня подняться и пройти по коврику. Дух благоразумно перебрался в угол, а потом, убедившись, что я не задумала попытаться на него наступить, переключил внимание на Алин. Девушка его не замечала, хотя и старательно рассматривала ковер.

— Я... — она встряхнула белыми волосами, выпрямила ссутулившуюся спину и поймала мой взгляд. — Ты думаешь, Аодх меня любит?.. Ты правда так думаешь?!

Я постаралась вложить в свой взгляд все, что думаю об этой дуре, и, видимо, получилось, потому что она побледнела еще больше, потом покраснела, потом попыталась проглотить слезы, а потом действовала мне на нервы икотой и всхлипами. Дух закатил глаза, я повторила за ним. Это невыносимо! Я уже начинала жалеть, что такая догадливая и открыла пещеру. Лежала бы себе в тишине и покое, грызла манящее меня сейчас зеленое яблочко и читала. Я ведь что-то увлеченно читала, когда она пришла!

— Он меня не простит?.. — это первое членораздельное и вменяемое, что я услышала через полчаса показательных страданий. Причем, удивительно, но выглядела Алин так же хорошо с распухшими щеками, как и с нормальными бледными, и признаюсь, частично из-за этой несправедливости, я ответила резче, чем собиралась:

— Очень на это надеюсь.

Я отвернулась, когда девушка достала цветастый платочек, зеркальце и начала приводить себя в порядок. Порадовало одно — судя по тяжкому вздоху, сама драконица не считала, что выглядит безупречно.

— Скажи...

Драконица то ли задумалась, то ли замялась, а мне и не хотелось ничего говорить; и оборачиваться, и вообще принимать гостей. Потянуло искупаться в озере, затем прилечь с «не помню о чем» журналом и приговорить яблочко, и еще у меня буквально зачесались ладошки кое-кому заехать в глаз, а кое-кому по возвращении устроить допрос.

— Скажи, — повторила Алин, привлекая к себе внимание, — а как тебе с ним? Ну... я в том смысле... не многовато ли для одной?

— Если ты спрашиваешь, не против ли я пригласить твою подружку Кейтлин для групповухи, мой ответ «нет», и дело даже не в том, что у нее нет волос.

Драконица растянула губы в ехидной улыбке, грациозно качнула головой, заставив длинные серьги плясать над длинной шеей. Мое искушение возросло, я сосредоточенно посмотрела ей под один глаз, примерилась ко второму. Если она никуда не торопится...

— Так ты, — драконица прищурилась, — может, ты не догадываешься, что у Аодха несколько обликов? И я не имею в виду звериную сущность. — Я промолчала, пытаюсь сообразить, куда она клонит, и гостя не заставила себя умолять. — Это с тобой он темноволосый, а когда прилетает к нам, у него всегда белые волосы. Ему нравится быть одним из нас. Ну, хоть как-то, если с рождением не повезло.

Буквально каждое слово Алин сочилось злобой, завистью и уже не скрываемой ревностью.

— Он бывает и рыжим, не видела? — она улыбнулась, на этот раз с удовольствием. — Он бывает шатеном. Но меняется не только цвет его волос — это такой пустяк, если ты, конечно, не светлый. Он меняется полностью. А еще у него есть демоническая сущность. Иногда мне вообще кажется, что он чистокровный демон, а драконом просто прикидывается. Каково тебе будет спать со всеми его обликами? Каково тебе будет засыпать с одним, а просыпаться с другим? Не многовато ли мужиков для одной?

— А я смотрю: ты обо мне очень волнуешься! — взорвалась я. — Или не обо мне? Аодх

уверял, что ты настолько любишь Хэлла, что на многое ради него готова, он так восхищался твоим мужеством и силой чувств, а мне вот начинает казаться, что любишь ты совершенно другого, потому и запретила братьям вмешиваться. Чтобы случайно не узнали правду.

— Не впутывай сюда Хэлла! — глаза драконицы гневно сверкнули, она встала, приближаясь ко мне и словно напрашиваясь, ну ведь явно напрашиваясь. — Я люблю его, поняла? Он мой. И всегда будет моим. То, что тебе повезло оказаться саинтэ, не значит, что мои чувства не в счет и что я не имею права чувствовать!

— Разве ты умеешь чувствовать что-нибудь кроме ненависти? — удивилась я. — Ты пыталась рассказать мне, какой ужасный Аодх и как его много. А мне с каждым днем, с каждой секундой хочется быть еще ближе к нему, а самого Аодха хочется еще больше, еще сильнее... Я видела его в разных обличьях, когда он был болен, так что ты меня не удивила. Я не брошусь с криками прочь и не закричу: какой кошмар! Какой ужас! Я на стольких не соглашалась! Печаль, что тогда демоническая сущность не показалась, но мы это исправим. Думается, Аодх-демон не менее красив, чем мой папа. И еще, — я окончательно припечатала ее настроение лучезарной улыбкой. — Аодх — это не разные мужики. Это один мужчина. Мой. Демон. Дракон. Белый. Рыжий. Темноволосый. Мой.

Драконица запыхтела, из ее ноздрей показалось горячее облачко пара, я с готовностью распахнула крылья и опередила ее, обратившись. Второму дракону не разместиться, тем более что мой хвост когда нервный, занимает прилично места. И крадется, крадется к маленькой глупой девушке, которая разозлила, но не учла, что я не Аодх.

— Понять не могу... — сделала шаг к ней, поскребла лапой лоб, но драконица и без того заметила серую полосу-диадему. Ну да, в этой сущности я сейчас выгляжу более холено, и раз представился случай, почему не похвастаться? — Кого именно ты хотела убить? Первое покушение на меня, а второе...

Я опустила лицо чуть ниже, дыхнула чуть усердней, и белые волосы испуганно взметнулись в стороны, на бледных щеках Алин прорезался румянец. Хвост свернулся вокруг девушки, а мой коготь описал дугу возле ее хрупкой шеи.

— Я никого не хотела убить, — на удивление бодро и четко выговорила драконица, но руки ее лихорадочно принялись что-то искать в карманах. Забыла, куда положила платок? — Я просто хотела... — она твердо посмотрела в глаза, оставив карманы в покое. — Ты никогда не поймешь. Я — дочь лэрда. Дочь для драконов — святое, а дочь лэрда... Даже когда много позже родились Блэм, а затем Харди, почти все внимание и любовь доставались мне. Мне! А потом в нашем доме появился мальчик, чужой мальчик, и все завертелись вокруг него. А я... считалось, что я взрослая, мне столько любви и внимания не надо. Он — маленький, он ничей... Я терпела, даже привыкла к нему, даже что-то вроде бы чувствовала... Но его способности... ты не представляешь, что он может на самом деле!

Я действительно не представляла, потому что раньше Аодх не мог колдовать в полную силу, но драконица не ждала, когда я отвечу, спеша выговориться.

— Он может почти все! Почти все, понимаешь?! И при этом отказался сделать для меня сущий пустяк... я просила его, умоляла, я так хотела стать саинтэ Хэлла... А он сказал, что так нельзя, что... — Она вздохнула, тяжело, протяжно, еще одно облачко огненного пара заплясало по комнате. — У меня ушло целых тридцать два года на то, чтобы подвести Хэлла к мысли, что мы пара. Что мы — пара, несмотря на нелепую ошибку природы!.. Тридцать два года... не много для дракона, но бесконечно для той, которая любит и видит, как ее мужчина перелетает от одной к другой, как ищет саинтэ, ждет, когда она появится в его

жизни. В то время, как есть я, он искал другую... Это было невыносимо, мне пришлось наступить на гордость, мне пришлось переступить через себя, чтобы увлечь его, убедить, внушить то, с чем смирились многие драконы: саинтэ можно не встретить. А я рядом, я люблю его, я... Тридцать два года в аду... А потом появляешься ты... И я поняла, что вот он, мой шанс отомстить.

От бешеного взгляда Алин у меня взъерошилась чешуя. Ее поведение настораживало, в воздухе ощутимо витала угроза, но я не понимала причины, ведь сейчас я гораздо сильнее драконицы. И все-таки сердце сжималось...

— У меня не было ни единого шанса отплатить Аодху за предательство. Ни единого, пока ты не появилась. Это такая удача, что я слегка обезумела от счастья.

— Это уж точно, — буркнула я, но моя реплика потонула в очередном потоке признания.

— Огромная удача... Колдун был почти бессилён, ты вообще не ходила, а Кейтлин так и пылала чувствами. Я все просчитала, я выигрывала при любом раскладе. Тебя хотела убить не я, а Кейтлин, я просто не мешала ей. Браслет — ну, что не сделаешь ради подруги? Жаль, что у Кейтлин ничего не получилось, но я изначально больше склонялась ко второму варианту. Организовать нападение на того, кого боятся и ненавидят, несложно. Алиби — вообще проще простого. Я так хотела, чтобы колдун сорвался и использовал магию, вы бы оба спаслись, конечно, но в этом и заключался изюм. Ты бы спустя какое-то время ушла от него, а я... Я бы с удовольствием подождала, когда это случится, чтобы сполна насладиться страданиями Аодха. Может, тогда бы он понял, через что пришлось пройти мне, через что он заставил меня пройти...

— Интересно, — история Алин несмотря ни на что произвела сильное впечатление, но вопросы остались, — на что ты рассчитываешь сейчас? Зачем ты пришла ко мне? Покаяться? Не похоже. Просто выговориться? Сомневаюсь. Так зачем?

— Хочешь узнать?

— Будь любезна.

— Ты была невнимательна, когда я рассказывала тебе о своей тайне. Конечно, теперь она для тебя она уже и не тайна, но дело не в этом. Я ведь говорила, что все просчитала, и что выиграю при любом раскладе... Я так долго ждала вовсе не для того, чтобы остановиться на половине пути. Теперь понимаешь, зачем я пришла?

Да.

Теперь я понимала, почему сердце тревожилось, осознала еще до того, как увидела маленький льняной мешочек в руках Алин. Я замахнулась хвостом и лапой, но она успела высыпать на ладонь сиреневый порошок и дыхнуть. Мой хвост скрутил драконицу, мои лапы сжались вокруг ее шеи, потому что я не собиралась умирать в одиночку.

Я — дракон. Я — храбрый дракон, папа бы мною гордился. Но я узнала этот порошок, и, отчаянно сжав лапы вокруг шеи драконицы, позволила себе напоследок маленькую слабость. Я зажмурилась, чтобы не видеть, как мое тело будет растворяться подобно желе на солнце... Последнее, что я помню — крик и хруст.

Жаль, что это последнее, что я помню...

Глава № 26. Ах, вот оно как...

Глава № 26. Ах, вот оно как...

— Доди... Доди... — голос, который настойчиво звал меня, был легко узнаваемым, но я боялась открыть глаза, боялась, что это самообман, а на самом деле меня больше нет. А есть расплавленная субстанция, которая тонет в воспоминаниях и глупых надеждах.

Порошок... цвет, отсутствие запаха, продолговатые крупы... Его трудно забыть. Иногда таким порошком на главной площади Анидат осыпали преступников за государственную измену, и все, что от них оставалось после диких воплей и невольной мольбы императору о скорой смерти — жижа серо-бурого цвета. Да и та вскорости высыхала, освобождая место на площади для очередной казни.

— Доди, солнышко, прошу тебя, открой глаза... — умолял голос и звал, звал, тянул к себе, заставляя выныривать из сомнений, из страха, из полусна-полуобморока... — Наконец-то...

— Аодх... — я закашлялась, в горле почему-то першило и вообще мне казалось, что меня придавило периной.

— Ариаусасмиусконсестон, — дракон посмотрел на ковер, — все, уже можно.

Удушье мгновенно прошло, кашель пропал, ощущения перины как не бывало, и теперь я четко определила, что лежу на мягком ковре, в объятьях Аодха.

— И что это было?

— Защита.

— Какая защита?

— Ариаусасмиусконсестон защитил тебя.

В голове вертелась масса вопросов, но подняв глаза, я увидела в комнате папу, Хэлла, Керопа, Блэма, Харди и еще двух незнакомых драконов. Некоторые смотрели на меня, некоторых что-то привлекло у меня за спиной, и я даже догадывалась что, но оборачиваться не хотела. А папа... папа не сводил с меня демонических глаз, в которых плескалось столько любви и нежности, что было трудно дышать. Устав ждать, когда Аодх сам отпустит меня, он с драконьей деликатностью оттеснил его и обнял меня.

— Не знаю, о ком говорил колдун, — проворчал, — но защитил тебя папа.

— Ариаусасмиусконсестон — это дух, — пояснила я, указывая на ковер, и прижалась к отцу крепче, с удовольствием вдохнув запах детства, который не оставил сомнений, что я в безопасности, точно-точно, и так же совершенно точно жива.

— Кто-кто? — отец внимательно посмотрел на ковер.

— Ну, вот же, — я махнула рукой на глаза, поразительно сиреневые, кстати, — видишь? Это Ариаусасмиусконсестон. Он — дух.

Папа долго всматривался в ковер, но как ни изощрялся дух строить демону глазки, тот ничего не заметил. Может, и к лучшему... для духа... который развеселился и подмигивал мне, поочередно меняя цвет. Синий, зеленый, желтый, бирюзовый, малиновый — ого, сколько оттенков!

От яркого зрелища меня отвлек громкий стон за спиной. Видать, Алин тоже грохнулась в обморок, но ее никто не спешил поднимать. Да и меня, собственно, только потискали, а вот поднять...

— Папа задумался, — едва отец помог мне подняться, сильные руки дракона обернули

меня коконом, а я с удовольствием уткнулась в прохладу горячим лбом. Хорошо, уютно, раздражали только сильные стоны, хотелось обернуться к драконице и сказать, чтобы выматывалась из нашей пещеры, хотелось сказать, чтобы больше не попадалась мне на глаза, потому что точно оставлю ее без волос, хотелось посмотреть ей в глаза. Есть в них раскаяние или только страх, что застали, застукали?!

— Лучше не оборачивайся, — сказал Аодх, и, конечно, я обернулась.

В нескольких метрах от того места, где лежала я, — наверное, это дух откинул Алин, мы ведь стояли значительно ближе друг к другу, — корчилась драконица. Ее сарафан задрался, обнажив икры и бедра, но мое внимание приковали стопы. Они искажались и плавились, усыпанные десятком крупинок. Но плавились очень медленно, по миллиметру в секунду, не больше. По-моему, кто-то старательно сдерживал процесс, потому что на самом деле порошка было достаточно, чтобы расплавиться полностью минут за пятнадцать.

И расплавиться должна была я...

Я с благодарностью посмотрела на глаза в ковре, а они словно того и ждали, подмигнули и с негромким вздохом, который не мог мне послышаться, исчезли. Если бы не они... если бы не дух...

— А еще я и твой папа, — нескромно добавил Аодх. — Тебе ничего не угрожало, Доди. Я никогда не позволил бы этого. Никогда больше, с меня хватило одного раза.

— Теперь тебе надо быть особенно внимательным к моей дочери, — заметил отец.

— Конечно.

— И терпеливым.

— Хорошо.

— И добрым.

— Не сомневайтесь.

— И щедрым.

— Я достаточно обеспечен.

— И...

— Да, — не дослушав, согласился Аодх, — так и будет.

Отец немного расстроился, что его перебили, но согласие дракона смягчило нрав, да и обстановка не настраивала на споры. На ковре все так же угрем корчилась Алин, ее стопы деформировались, оголив желтую кость, а все, что она могла — скрючившись, подвывать. Как она ни старалась, отлепиться от ковра или стряхнуть с себя остаток крупин не получалось, они словно прилипли к ней, впитались в кожу и теперь пожирали заживо.

Почему лэрд не поможет ей? Почему Хэлл ничего не делает? Нет, я не собиралась прикидываться легал, и была бы не против ее смерти, потому что она хотела моей. Но я бы предпочла убить ее быстро, а смотреть на мучения, выжидая, когда наступит агония, было выше моих сил.

— Аодх, если ты можешь что-нибудь сделать...

Он обернулся к лэрду, я тоже посмотрела на него, а тот смотрел на дочь, постарев на десяток лет за каких-то несколько часов, что мы не виделись. Едва заметная морщинка на лбу углубилась, нос заострился, а косички расплелись, словно приравнивая лэрда к другим драконам, словно снимая с него полномочия главного в клане. Синь в глазах подернулась дымкой, но взгляд твердый, чуть сожалеющий, но предвещающий неизбежное. У него не было выбора. На этот раз не было. Нельзя оставить преступницу безнаказанной при стольких свидетелях.

— Аодх, пожалуйста, — снова попросила я, и дракон не сделал ни единого жеста, но порошок с тела Алин исчез, а ее стопы перестали испаряться у меня на глазах.

Повеяло ментолом и еще чем-то специфическим, наверное, Аодх унял боль сестры, потому что она перестала стонать, вздохнула — поначалу судорожно, недоверчиво, потом глубоко, с наслаждением. Перевернулась на другой бок и уставилась на нас непонимающим взглядом.

Та, что хотела убить меня, лежала ничком и была беззащитна. Та, что хотела обречь на страдания Аодха, страдала сама. Я могла бы сказать ей: «Видишь, ты не все просчитала», но посмотрев на Хэлла, больше похожего на бескровное мертвое, чем на дракона, промолчала. Только сильнее прижалась к Аодху и очень обрадовалась, когда с другой стороны ко мне приблизился папа. Меня затрясло, несмотря на то, что все позади, и несмотря на то, что я поняла: Аодх изначально знал... знал, что Алин попытается... и папа, скорее всего, тоже знал...

— Ты абсолютно права, Доди, — но прежде чем я испытала непрошеную и пустую обиду, Аодх продолжил: — Мы оба знали, что это Алин и догадывались, что она не остановится, но на слово демонам никто бы не поверил. Тем более что один из клана Золотых драконов, а второй... не урожденный Белый. К сожалению, это был единственный вариант вывести ее на чистую воду и все закончить, но не хочу, чтобы ты даже думала, что я рисковал твоей жизнью. Я бы не смог. Я бы лучше отрезал себе крылья, но... У тебя слишком живая мимика и ты не умеешь притворяться, а мы все это время были с тобой в комнате. Все мы, включая двух старейшин. Доди, мы с твоим отцом тщательно продумали твою защиту, Ариаусасмиусконсестон был одной из них, но даже если бы что-то не вышло... — Глаза на ковре сверкнули красным. — Нет, он не мог проморгать, но я все равно перестраховался. И еще твой отец построил вокруг тебя второй панцирь, так что... Никогда не думай, что я мог отпустить тебя. Никогда, слышишь?

— Я знаю, — сказала я, и поняла, что действительно знаю, что моя жизнь была в безопасности. Наверное, поэтому я и впустила драконицу так спокойно.

Ариаусасмиусконсестон польщено сверкнул зелеными глазами, Аодх облегченно выдохнул, а мой папа горделиво выпятил грудь. Похоже, дух — тоже дракон в душе, очень уж любит, когда тешат его самолюбие.

— А когда вы с отцом договорились? — спросила я, вроде бы как все время был на виду, никуда не отлучался.

— Ментально переговорились, пока ты спала, — пояснил Аодх.

— Я по делу общался, меня не интересовали подробности вашего соединения, — вставил отец.

— И дело было настолько срочным, что он пытался взломать мой мысленный блок. Но так как я сам был не против пообщаться, ответил.

— Не против... Я просто не оставил тебе выбора, — фыркнул отец.

— Конечно, все дело именно в этом, — закрепил хорошие отношения с тестем-демоном авантюриновым.

И вроде бы мир, все худшее позади, но оставались нюансы, которые папа никому спускать с рук не собирался.

— Значит так, — обернулся он к лэрду, — если ты хочешь сохранить свой клан в относительной целостности, потому что тех придурков я уже не отпущу, готовься расстаться еще с тремя сундуками. Причем я сам их выберу, так и быть, пролетаю к сокровищнице,

помашу крыльями на старости лет. А помимо тех идиотов, что покушались на мою дочь и зятя, пока ты усердно закрывал глаза, я хочу взять и вот эту...

Он ткнул пальцем в Алин, к которой так никто и не подошел.

Лэрд посерел, на минуту прикрыл глаза, словно собираясь с силами, но когда он заговорил, его всегда тихий голос был значительно громче, но звучал так же ровно:

— Зачем она тебе? Посмотри на ее ноги. Сомневаюсь, что они восстановятся даже несмотря на драконью регенерацию. Она не сможет служить тебе, а жена у тебя есть, постель согрета.

Папа брезгливо сплюнул на синий ковер, дух поначалу опешил, но плевков исчез.

— Это мое дело, — огрызнулся расстроенный так быстро исчезнувшими следами своего недовольства папа. — Но можешь не сомневаться, я найду, чем занять ее. Будет себя хорошо вести, замечу, что исправляется, может, и верну ей ноги. Лет через сто. А будет артачиться... что ж... у тебя осталось два сына. Сыновья у тебя получаются лучше.

Я в легком шоке следила за ходом торгов, а Алин, осознав, что лэрд не собирается ее спасать, заголосила, призывая брата:

— Аодх... Аодх, прости, я... Я больше никогда... никогда...

Колдун оставался спокоен, но я почувствовала, какие противоречивые волны проходят через него. И сожаление, и печаль, и тоска, и ненависть — глубокая, злая, жесткая.

— Ты права, Алин, я многое могу, и сделать тебя саянтэ Хэлла тоже мог, — ответил Аодх. — Без его воли, но мог. Это урезало бы ваши жизни на две трети, — знаю, ты согласилась бы на такой пустяк, — но все равно вы бы не были счастливы ни единого дня. И ты зря ревновала меня к родителям. Ты знаешь, что дочь для драконов священна, а я... Даже Блэм и Харди не были так же дороги родителям, как ты. И потом, уже завтра мы бы с Доди улетели, и в следующий раз, учитывая радушный прием, появились нескоро...

— Аодх, прости, я...

— Я бы простил, — отозвался он, а у меня буквально похолодело внутри от обреченности, которая прошла через него и чуть-чуть задела меня. — Если бы ты пыталась убить меня, я бы простил. Но твоей целью была Доди, а это священно уже для меня.

— И папы, — добавил демон, присматриваясь к драконице.

— Хэлл, — обратилась она к любимому, — Хэлл, не отдавай меня!

Тот подался вперед, но его остановила рука лэрда.

— В сокровищницу полетим прямо сейчас, — сказал лэрд моему отцу, — а дочь...

Я видела, поняла, что он хочет сказать, и как трудно ему это произнести, почти физически ощутила боль и неизбежность, поэтому, когда Хэлл не обращая внимания на жест лэрда, приблизился к моему отцу, я не сдержала облегченного вздоха. Он настоящий, не смирился и не бросил, он помешал лэрду озвучить нелегкое для него решение.

— Даан, — Хэлл правильно сделал, обратившись к моему отцу, потому что сейчас именно от него зависела судьба драконицы. — Прощу тебя, оставь Алин мне.

Мой отец внимательно посмотрел на дракона, на меня, опять на дракона. Потом скрестил взгляды с Аодхом и после обмена мыслями, покачал головой:

— Ты делаешь ошибку, парень, на самом деле она тебе не нужна.

— Даан, — повторил дракон, — оставь Алин мне.

— И ты готов нести за нее полную ответственность?

— Да.

— Ты не сможешь от нее отказаться, она не позволит, — предупредил отец. — А если

она снова что-то задумает, ты будешь отвечать вместе с ней.

— Хорошо, — он кивнул. — Я беру ответственность за нее. Если ты оставишь ее мне, мы сегодня же проведем обряд помолвки. Собирались через несколько дней, но... к чему дальше тянуть?

Отец снова скрестил взгляды с Аодхом, снова перевел взгляд на упрямого и благородного дракона и сказал то, от чего у меня мурашки заплясали по позвоночнику.

— Ты совершаешь ошибку, и скоро поймешь это. Но это твое будущее, ты имеешь право на собственные ошибки. Я оставлю драконицу тебе. Более того, подскажу, как вылечить ее ноги. Но взамен заберу крылья. Может, на время. Может, навсегда. Она все еще нужна тебе?

— Да, — без раздумий.

— Тогда эта ноша твоя.

Хэлл благодарно склонил голову, понимая, что это единственный вариант для его девушки избежать мести демона. Ей бы очень не понравилось у моего папы, очень. А так — пусть без крыльев, но она будет жива и с любимым. Однако драконица не считала, что ей повезло и отчаянно сопротивлялась, когда над ней, меняя сущность на демоническую, склонился мой папа, а его плети потянулись к ее распахнутым крыльям.

Я зажмурилась и прижалась к груди Аодха.

Дикий крик, а потом... все стихло, только где-то вдали послышался шелест крыльев.

Прощальный...

Этот звук еще долго стоял у меня в ушах, и спустя несколько месяцев даже шелест осенних листьев напоминал мне о крыльях белой драконицы. Позже я спросила у отца, почему он забрал именно крылья? Понятно, что он бы отомстил, это не обсуждается, но почему так? Папа сказал, что крылья — драконья гордость, свобода, сила, а еще его безмерно задело ликование Алин, что я не могла ходить. Он не сделал ничего сверх меры жестокого, — соизмеримо тому, что мог сделать демон его уровня, — просто позволил ей ощутить беспомощность на себе. Она так гордилась белыми волосами и происхождением — пожалуйста, оставайся в клане, среди своих, белых, вот только поможет ли тебе высокое происхождение после всего? Она хотела лишить Хэлла свободы — в итоге лишилась ее сама. Без крыльев, среди высоких скал, она в полной зависимости от него.

Наказание отца сводилось к уроку: вот то, что хотела, бери, пользуйся, но только... этого ли ты хотела? И стоило ли оно того? От правильного ответа зависело: вернет ли драконица крылья, а пока...

А пока мы стояли на высокой скале, среди нескольких сотен драконов, присутствуя на обряде помолвки. Мне не хотелось там быть, но Аодха просила мать, ссылаясь на драконьи традиции, а меня он соблазнил маленькими дракончиками.

— Ты ведь хотела на них посмотреть? — искушал дракон. — Я, конечно, тоже старался... эмм... Доди, маленькие дракончики неповторимы, давай, соглашайся. Обряд не займет много времени. И я всю церемонию буду рядом.

В общем, я согласилась составить авантюристичной компании, но наряжаться не стала, просто воспользовалась полутрансформацией, чтобы некоторые подавились слюной, глядя на мои солнечные крылья. Так и случилось, свободные драконы такие непостоянные... Но маленькие мне понравились значительно больше. Они бросали любопытные взгляды, и вообще непоседы, как я и думала. Те, что чуть старше, поначалу скрывали свое любопытство, но их хватило минуты на три, а потом... Шквал вопросов, просьбы потрогать, раскрыть крылья побольше, сменить сущность на звериную, показать диадему, ну и так далее...

Родители пытались их сдерживать, но чертиков... ой... дракончиков... не так просто поймать.

Когда началась церемония, и появилась пара — он в черном, она в разноцветном и в ожерелье, дракончики побежали поближе к ним, а я с удовольствием отвернулась к закатному солнцу, растворяющему свои красные щупальца в облаках. Не рассматривать же мне Алин, в самом деле! Да и на Хэлла лишний раз смотреть не хотелось.

Хорошо-то как...

После дневного ливня и некоторых событий, дышалось особенно с удовольствием. Рядом Аодх и папа. Совсем скоро я встречу с мамой. Я жива. Я счастлива. Несмотря ни на что. Вопреки некоторым и...

— Ради меня? — усмехнулся Аодх, перестав делать вид, что следит за ходом церемонии.

И я тоже не стала делать вид, что не поняла его и вообще не стала скрывать.

— Да, — ответила честно, перевела взгляд на нахмурившегося демона, который пугал всех своей сущностью, как бы случайно помахивая ядовитыми плетями. — А еще ради мамы и папы.

Демон приструнил свои плети, притворился душкой и улыбнулся. Ну, то есть, я-то поняла, что это он улыбнулся, а вот Кероп, крутившийся неподалеку от нас, побледнел и на всякий случай ретировался поближе к помолвленным. Слава императору, уже помолвленным... Фух, вроде бы церемония длилась всего полчаса, а тоска невероятная. Собрались, причем невеста в силу определенных причин просидела всю церемонию на руках жениха (стопы ее восстановятся, но не сразу, а кости, которые я успела сломать, срослись), лэрд высказал нечто высокопарное, все помахали крыльями, мол, счастье-то какое, а радость вообще без конца и предела; обмен поцелуями, причем не поймешь чье лицо бледнее — Алин или Хэлла — и вуаля, можно разлетаться. Вечеринки, к которой так усердно готовилась невеста, не было, жених сразу утащил ее в свою пещеру на новоселье. И вообще зря она за драгоценностями в такую даль летала, алиби не оправдалось, а ожерелье никто не замечал. Хотя глаза у всех драконов и были нереально огромными, но от обилия новостей, да и только. Как оказалось, драконы — те еще сплетники, и минут через пятнадцать-двадцать после покушения на меня Алин, об этом уже знали все. Но покушение — пустяк, эта новость для многих и новостью не стала, а вот что дочь лэрда теперь бескрылая...

По-моему, клан Золотых драконов здесь невзлюбили еще больше, но двум представителям золотого клана на это было откровенно плевать, а третьему дракону, клана неопределенного, немного грустно, но тоже плевать. Видимо, чувствуя это и не желая попасть под наши плевки, к нам почти никто не рисковал приближаться, и дракончиков сразу по пещерам разогнали, несмотря на их громкие протесты.

Да уж, та еще церемония...

— Ну, что, — спросил Аодх, когда я зевнула, — теперь не жалеешь, что у нас не было помолвки?

Я отрицательно покачала головой, а папа поразился:

— Чего?

Но я-то думала: он поразился, что у меня вообще мелькали мысли о помолвке, когда обряд такая нудятина, но папа был сражен абсолютно другим.

— Не понял, — одна плеть помахала перед лицом Аодха и отогнала Керопа, который как раз хотел обменяться впечатлениями после церемонии. — Ты что же, соединился с моей

дочерью... — драконий непереводаемый, — а жемчуга зажал?!?!?

И дальше следовал драконий непереводаемый вслух и, видимо, демонический непередаваемый мысленно, потому что Аодх в цвете, конечно, не изменился, но в растерянности пребывал большой. А мне почему-то стало стыдно, что я вот так, даже без жемчуга... хотя, в общем-то, я уже дракон и у нас другие обычаи, но...

— Твоя мать не поймет! — отрезал отец пуповину моих оправданий.

Он отошел, покрутился, размахивая плетью и едва не задев Блэма и Харди, подошедших к Керопу, что-то сказал им не лучезарное на драконьем, от чего они скривились, но ничего не ответили и не ушли, а наоборот, сделали пару шагов к нам.

— Без жемчуга!!! — бушевал отец, сверля Аодха взглядом. — Без жемчуга!!! Ну, хотя бы белого жемчуга!!! У меня подскочило давление! Я не вынесу этой новости, а уж твоя мать, Доди... твоя мать...

— Папа, — я взяла Аодха за руку, а то он совсем расстроился, — не уверена, что мама воспримет это так близко, как ты. Я, правда, не думала, что и ты так расстроишься...

— Да что я? — отец сменил демоническую сущность на человеческую, и зная, как ему это не нравится, я поняла, что его состоянию больше подошло бы определение не «расстроился», а «в шоке». — Я еще себя сдерживаю, Доди, а вот твоя мама... Как я скажу ей это? Как?!

— А если никак? — предложила я.

— Не выйдет, она ведь меня чувствует, — он вздохнул. — Эх... что за день? Моя дочь соединилась с драконом-демоном-колдуном, и все это один и тот же, а не трое... хм, трое... тьфу не хватало... так вот... жемчуг... что делать с жемчугом?

Отец сел на выступ скалы, свесил ноги и устремил взгляд вдаль, а у меня едва не разовралось сердце от его скорби и моей беспечности. Да, я теперь дракон, но моя мама — корри, и воспитывала она меня согласно своим обычаям...

— Ты можешь мне объяснить, что для вас означает жемчуг? — Аодх заставил посмотреть ему в глаза. Переживает, и тоже из-за меня... — Доди, пожалуйста...

Его приятели подошли еще ближе, папа никак на них не отреагировал, и они совсем осмелели. Когда я тихо начала рассказывать Аодху о жемчуге, у меня складывалось ощущение, что я шепчу это в уши его друзьям.

— Понимаешь, — пришлось даже отмахнуться, как от насекомых, — для нас жемчуг значит довольно много. Белый жемчуг, к примеру, означает связь. Если его дарит мужчина женщине, это помолвка и намек на связь... ну... сам понимаешь какую. Если его дарит отец дочери, это духовная связь. В любом случае жемчуг передает часть души дарителя, незаметную для него, и все же... Понимаешь?

— Неа, — ответил Кероп, хотя спрашивала я точно не его. — Путаная ерундень какая-то! Между вами и так установилась очень прочная связь. Я вообще не знаю, что может связать сильнее. По законам драконов вы уже муж и жена. Какая помолвка? Зачем? Как по мне, это афера, придуманная продавцами жемчуга.

— Если мужчина дарит женщине черный жемчуг, только тогда она замужем, понимаешь? — продолжила я, игнорируя Керопа и глядя в черные глаза, которые очень внимательно наблюдали за мной.

— Странно все это... — опять начал Кероп, но Аодх его оборвал.

— Понимаю, — сказал он, и его большой палец ласково прошелся по моей ладони. — Я с удовольствием подарю тебе и белый жемчуг, и черный, Доди. И... какой еще бывает?

Хочешь розовый? Я подарю тебе розовый. Обещаю, Доди. Мы все сделаем и по вашим правилам тоже.

— Спасибо, — я вздохнула, радуясь, что маленькая проблема так скоро решилась.

— А я вот не вижу, за что здесь благодарить! — папа поднялся, оставив красоты пейзажей, подошел к нам. — И ее мать тоже не найдет повода рассыпаться в благодарностях, уж будь уверен. Более того, расстроится. А я не позволю расстраивать свою саинтэ! Доди не может прилететь на встречу с матерью без жемчуга, а ты когда еще найдешь его?

— Искать? — пожал плечами Аодх. — И не собирался. Я его наколдую.

— Урра! — я повисла на шее Аодха, но меня тут же бесцеремонно дернули обратно.

— Ты уже наколдовал, — ядовито напомнил папа. — Красные майки.

— Но теперь я могу колдовать в полную силу.

— Пока ты меня в полную силу расстраиваешь! — возмутился папа. — Так, что же делать? Что же делать? Да ладно, так и быть, папа умный, папа нашел выход.

— И какой же? — насторожился Аодх.

— В общем, так, — отец сложил на груди руки, смерил дракона снисходительным взглядом и махнул обреченно рукой. — Чисто по-родственному... как для тебя...

— Понимаю, — кивнул авантюриновый, предлагая продолжить.

— Есть у меня... как знал, с собой захватил... есть у меня белое ожерелье и набор из черного жемчуга... серьги там и колъе... Но ты ведь понимаешь, что проштрафился и сам виноват, что я в печали, а мать Доди будет безутешна, если ее дочь прилетит без жемчуга?

— Конечно.

— Ну, тогда обмен моего жемчуга на большой драконий сундук с драгоценностями вполне равноценный, правда?

Кероп крикнул, и, видимо, неосторожно прикусил себе язык, Блэм и Харди даже не пытались поймать свои челюсти, а я с трудом заставила онемевшие языки шевелиться:

— Два ожерелья и серьги из жемчуга на большой сундук с драгоценностями?!

— Он ведь говорил, что вполне обеспечен, — удивился папа моему возмущению.

— Пусть так, но я считаю...

— Доди, хоть ты не расстраивай папу, потому что я всяко считаю лучше тебя. Итак, дракон, нести ожерелья или так на глаза теще появишься? Со всеми вытекающими. Напоминаю: я расстроюсь, а когда я расстраиваюсь, пленных не беру, моя саинтэ изначально будет видеть в тебе только соблазнителя-извращенца, и ты можешь даже не надеяться, что я унесу ее из вашей пещеры раньше, чем она отомстит тебе за мои нервы.

— Я согласен на сделку, — сказал Аодх.

Я застонала, поражаясь такой беспечности, папа улыбнулся так, что шарахнулся не только Кероп, а и братья Аодха, а сам авантюриновый как только папа взлетел в небо, спеша за драгоценностями, закурил меня, преисполненный счастья.

— Ты сумасшедший, — я обняла дракона за шею. — Ты понимаешь, что папа надул тебя?

— Конечно, — еще больше расцвел Аодх, и тут уж я совсем потерялась, что и думать...

Может, сильно переволновался за меня сегодня? Наверное, надо быть добрее к нему, эти мои перепады настроения... буду терпеливей... ну... попробую...

— Ох, Доди, — дракон спрятал лицо в изгибе моей шеи, от чего я вздрогнула и покосилась на его приятелей, которые и не думали отворачиваться. — Я без ума от твоего

переменчивого настроения, я без ума от тебя и я ужасно рад, что твой отец меня надул.

— Правда?

Нет, первое сомнительно, но принималось, второе даже не оговаривалось, а вот третье...

— Правда.

— А... можешь объяснить почему?

— Могу.

— Ну? — вывернулась из объятий и очень требовательно на него посмотрела.

Дракон поцеловал меня, потом еще раз, потом еще, и я уже готова была повременить с признаниями, но его приятели в процессе не участвовали и предпочитали удовлетворить любопытство, так что под их недовольный рык Аодх оставил в покое мои слегка распухшие губы и спросил:

— Помнишь, я говорил, что когда появился в клане, некоторые советовали леди избавиться от меня?

— Помню, — мне не хотелось, чтобы папа был как-то замешан в этой истории, но я уже почувствовала, что без него не обошлось.

— Так и есть, — кивнул Аодх. — Когда я увидел тебя на крыше в Анидат, я уже знал, что ты из клана Золотых драконов, что отец не живет с вами, и еще я знал, кто именно твой отец, Доди.

— В том смысле, что он наполовину демон?

— В том смысле, что он — Даан.

— Ничего не понимаю, — призналась я.

— Возможно, я бы и не сопоставил отпечаток его ауры на тебе с его образом, но дело в том, что я уже был знаком с ним. До встречи с тобой.

— Вот только не надо мне сейчас признаваться, что ты — старинный приятель моего отца! — предупредила я, раздражаясь.

— Нет, — он рассмеялся. — Когда я впервые увидел твоего отца, мне было пять, а ему уже перевалило за несколько сотен.

— Это меня устраивает, — раздражение улетучилось, и я смогла сопоставить факты. — Подожди... пять? Тебе было пять?

— Да, Доди.

— И где вы увиделись?

— Здесь. Твой отец прилетал к лэрду.

— Зачем?

— Это другая тема, — уклонился дракон. — Что касается нашей встречи, я как раз подслушал очередной совет леди избавиться от меня, и так торопился сбежать сам, пока меня не выгнали, что мчась по пещере, едва не сбил демона. — Он усмехнулся. — Конечно, вряд ли бы мне удалось его сбить, учитывая разницу в габаритах и опыте, но мы столкнулись.

— И...

— Я думал, он пожалуется лэрду, даже бросил ему что-то резкое... Вернее, не бросил, а наговорил целый ворох гадостей.

— И папа тебе хорошенько всыпал?

— Нет, — Аодх покачал головой. — Твой отец улыбнулся, посоветовал не попадаться ему на глаза ближайшие сто одиннадцать лет, и ушел.

— Просто ушел? — не поверила я.

— Не совсем. На следующий день он вернулся. Я не видел, когда именно, но услышал его голос в гостиной, мимо которой опять мчался к выходу. Твой отец разговаривал с лэрдом.

— О чем?

— Я сказал ему, — отец передал Аодху шкатулку, растянул губы в довольной улыбке, что пока летал, никто не одумался. — Я сказал, что если хоть один волос упадет с головы моего зятя, я очень сильно расстроюсь.

— Немного не так, — улыбнулся Аодх.

— Да ладно, — отмахнулся отец, — было менее пафосно, но суть та же.

— Пап, — и я, и приятели авантюринового желали подробностей, мы даже сгруппировались, — а откуда ты знал, что Аодх станет твоим зятем?

Оба — и папа, и дракон смерили меня веселыми взглядами, мы с приятелями Аодха обменялись недоуменными, а потом я поняла!

— Вы столкнулись, — поделилась размышлениями с любопытствующими драконами, — и ты считал с него информацию.

Есть такая особенность у моего отца, буде то будущее или прошлое, если оно имеет отношение ко мне или маме, папа считает информацию с любой сущности. При этом, правда, сталкиваться совсем не обязательно, достаточно просто оказаться поблизости с папой, и все, ловушка.

— Но ведь, — усомнилась, — меня тогда и в помине не было и пусть по-твоему я и плоховато считаю, но ты тогда с мамой даже не познакомился. Как же ты считал информацию, что Аодх — твой будущий зять?

— Пространство и время — понятия растяжимые, — развел руками отец. — Я увидел, что этот мальчишка станет твоим мужем, потянул за эту ниточку и увидел, где мне искать саинтэ. Он уже тогда был достаточно сильным колдуном, но к счастью для себя, не умел ставить блоки.

— Почему к счастью для себя?

Отец не ответил, а у меня мелькнула одна догадка, но я постаралась отбросить ее до того, как Аодх тоже поймет. Неужели, если бы отец не вступился тогда...

Но Аодх понял.

Я прикоснулась к его груди, давая знать, что я рядом, главное, что мы вместе, он выжил — для нас, для меня...

— Пап, но если ты знал, что я выйду замуж за дракона и даже знал за кого, почему мы с мамой жили не к нему поближе, а в Анидат? И зачем ты поставил на город защиту от драконов? Получается, ты спрятал меня от Аодха? А по твоему довольному виду и не скажешь, что ты против наших отношений.

Аодх обнял меня, улыбнувшись, как котенку улыбаются, когда он объелся сметаны и перевернулся на спину, подставляя белое брюшко.

— Вид у меня довольный, потому что я не вижу больше повода унывать. Не зря тащил жемчуг, который мне твоя мама навязала на хвост, обратно заберу пять сундуков с сокровищами. Чего мне киснуть? А что касается ваших отношений, мне интересно, какой это демон отказался бы иметь в родственниках сильного колдуна?

— А что по поводу Анидат? — напомнила я.

— Вот да, расскажите, — не выдержал долгого молчания Кероп.

Блэм и Харди сделали вид, что послушают, раз уж стоят поблизости.

— Здесь все просто, скорее всего, твой отец увидел, как я похищаю тебя из Анидат, — сказал Аодх, — и так как увиденное его устраивало, не стал ничего менять, а наоборот, потакал. Поначалу я тоже подумал, что твой отец спрятал тебя от меня, помнишь? Но защита на городе стояла только на драконов. Простые драконы поэтому и не прилетали к вам, а я смог.

— Ты не упустишь случая похвастаться, — посетовала я, а у самой чуть щеки от улыбки не треснули.

— Да я вообще привык не упускать случаи, — снова похвалился Аодх. — Если бы твой отец хотел спрятать тебя от меня, он либо поставил на город совершенно другую защиту, либо вообще забрал тебя из города.

— А так папа просто отгонял всяких... — отец смерил взглядом подслушивающих, — случайных... которые воруют девушек и бросают их на горе.

— Да это только всего два раза было! — напыжился Кероп.

— Не хватало, чтобы это было два раза с моей дочерью! — не смягчился отец.

— Да я бы Керопу не понравилась, — вступилась я.

— Правда? — обманчиво мягко спросил у меня папа, а я вдруг вспомнила, совершенно некстати вспомнила, как Лунный сказал, что если бы меня не украл Аодх, он бы сам это сделал.

Ой!

— Он уже получил за это, — проскрипел Аодх, и я облегченно выдохнула. Может, день хоть закончится без потрясений?

— Пап, так ты потому и не спешил меня спасать, да? Потому что знал, кто украдет?

— У тебя все равно оставался выбор, Доди, ты это знаешь. А я знал, что бестолку спасать от прекрасного будущего, — пожал плечами отец. — Для тех, кто его достоин, оно неизбежно. Живите себе, радуйтесь, что у вас такой мудрый папа...

— И жадный, — не удержалась я, чтобы не напомнить о сделке с жемчугом.

— И жадный, — польщено улыбнулся он. — И заботливый. У меня, конечно, хватает драгоценностей, и приданое тебе выделю что надо, но кто, если не дедушка положит начало коллекции для любимой внучки? Сроки-то уже, — он выразительно глянул на мой живот, — поджимают.

Я посмотрела на папу, потом на колдуна, потом на свой живот, потом проанализировала свое скачущее горками настроение...

Ах, вот оно как!

— Спешу заметить, — Аодх очень вовремя сделал шаг назад, — что по вашим, да и нашим законам ты уже замужем. Доди, ты счастливо замужем. За мной. Ты меня слышишь? Не убивай свое счастье!

Очень вовремя сделал еще один шаг, потому что я была зла безмерно. Как он посмел?! Нет, как он посмел?! Как он посмел ничего не сказать мне?!

— Ну, солнышко, — дракон сменил тактику и под смешки приятелей и деликатный гогот моего папы шагнул ко мне, сгреб меня в охапку и зацеловал губы, нос, щеки, глаза. — Солнышко, тебе лучше поменьше волноваться. Конечно, я как только понял, сразу обернул тебя магическим панцирем...

— И папа тоже, — послышалось за спиной.

— Но волноваться лучше не стоит, — Аодх покаянно заглянул мне в глаза.

— Как ты узнал? Еще и дня не прошло...

— И папа тоже, — опять за спиной.

— Он колдун, — вставил Кероп.

— Очень сильный колдун, — с усмешкой добавил Блэм.

— А папа — демон.

— Солнышко, я так рад, что ты не расстроилась, — воспрянул духом Аодх.

— Не расстроилась? — кажется, я хлюпнула носом. — Да я в бешенстве! Ты лгун, ты похититель, ты... Я никогда не выйду за тебя замуж!

— Хорошо, — продолжая осыпать мое лицо поцелуями и тем самым стирая влажные дорожки от слез, шепнул он. — Как скажешь, солнышко. Все, как ты хочешь. Сегодня — значит, сегодня.

Между поцелуями, мне удалось выторговать на приготовления к свадьбе два дня. Кажется, еще я настояла на желтом платье вместо белого, но честно говоря, это я помню смутно, потому что нас, наконец, догадались оставить наедине. Ссориться и мириться... Мириться и ссориться... И вот не знаю, что мне понравилось больше, поэтому скажу так: я не против экспериментов...

Эпилог

Так как Аодх не снимал с себя обещания подзарядить браслеты, пришлось остаться еще на одну ночь. И если я до этого не слишком одобряла такого вида защиту, то увидев в каком состоянии дракон вернулся после ритуала, готова была эти деревяшки с рунами сжечь, сломать, закопать, ну и так далее, у меня длинный список.

Да он едва на ногах держался!

Как лег на кровать, просверлив меня многообещающим взглядом, так и проснулся рано утром, встретив меня взглядом покаянным. Навешал мне лапши на уши, что это случайно, сам виноват, немного не рассчитал, а обычно все проходит гораздо проще, я наивно поверила, а вот когда мы вышли из пещеры, собираясь улетать, пришел папа и, глядя на авантюринового, строго спросил:

— Если ты сейчас в полутрупном состоянии, как ты собирался заряжать браслеты, когда Доди не прошла обращения? Магию ты использовать не мог, так что двумя каплями крови не отделался бы. Литр, не меньше. Никакой благодарности, а ведь моя дочь уже однажды вытянула тебя почти из-за грани! Ты хотя бы для начала покажи, где твоя пещера с сокровищами, богатая вдова всяко привлекательней для нового мужа.

Аодх зарычал, папа махнул равнодушно плетью, а я опешила. То есть как это он собирался уйти за грань?!

— Твой папа преувеличивает...

— Ничуть.

— Доди, — дракон загородил меня от отца, заглянул в глаза, и, наверное, навел свои чары, потому что раздражение улетучилось, злость прошла, мне просто было отчаянно страшно, что я могла его потерять. — Доди, я обещал, что не оставлю тебя, помнишь? Так что за грань я точно не собирался, но в этот раз действительно немного не рассчитал.

— Ты не рассчитал, что есть папа, который все знает, — заметили за спиной.

— Да, драконы обычно менее болтливы, — согласился авантюриновый.

— Когда мне выгодно, я демон.

— Ты папу не переспоришь, — шепнула я.

— Мне главное, чтобы поняла ты, Доди, потому что я и дальше буду заряжать браслеты, но не хочу, чтобы ты волновалась.

— А... можешь не заряжать? Ну, что они, не обойдутся?

— Доди, не их вина, что я такой, понимаешь?

— Зато их вина, что они такие, — буркнула я, и не стала произносить вслух все, что дракон и так прочтет между строк.

Ладно, пусть прячутся за деревяшками, но я лично еще раз утвердилась в решении, что не буду закрываться от колдуна. Мне нравятся его способности, без преувеличения могу назвать их волшебством, так что пусть считывает, пусть делится своей энергией, пусть позволяет считывать себя... Я принимаю его всего.

— Доди... — расцвел улыбкой Аодх, как будто до сих пор этого не понял.

— Летим или нет? — поторопил папа. — Я, может, тоже кого-нибудь обнять хочу!

Кероп, прилетевший с Дастином и братьями Аодха проводить нас (ну да, мы ведь увидимся аж через два дня!) на всякий случай отошел подальше, но демон им не

заинтересовался, даже плетью не повел. Смотрел вдаль, на горизонт, насаженный на острые скалы, на загорающееся рассветное солнце, вздохнул, а потом повел носом и удовлетворенно хмыкнул:

— И правда, заждались меня! Да и тебя, Доди, ждут, и не только мама, — отец сверкнул черными глазами и сорвался в небо, обернувшись драконом. — Догоняйте!

— Интересно, кто меня еще ждет? — удивилась я, а потом посмотрела на Аодха, и такая улыбка у него была нежная и как будто говорящая: ты знаешь, просто поверь, что и мы знали, чего ты хочешь, знали и сделали это для тебя... — Сайв?

Невероятно, невозможно, так не бывает, но... мой дракон кивнул.

— Правда, Сайв? — переспросила я дрогнувшим голосом и спрятала лицо на груди Аодха, потому что не хотела, чтобы кто-нибудь кроме него понял, что я становлюсь слишком чувствительной. Драконы сильные, они не плачут от радости.

— Правда, — горячее дыхание волной прошло по моим волосам. — Полетели?

Напомнив провожающим, что ждем их через два дня, мы сорвались в небо. И все было, как в том сне, что мне однажды подослал Аодх: мы вдвоем, я знаю, что в безопасности, а моя чешуя такого золотистого цвета, что само небо принимает меня за солнце и ласково простирает синие ладони, баюкает, направляет...

Хорошо-то как! Я — дракон, золотой дракон, по мнению некоторых один из самых жестоких и злобных (ну что за прелесть!), и тридцать лет не пришлось ждать до обращения. Йе-ха!

— Доди, осторожней, — Аодх вынудил меня принять горизонтальное положение, — наловчилась от Керопа виражи крутить!

— И что в этом плохого? — я даже немного обиделась, потому что Кероп меня не учил, я сама, с первой попытки... и у меня получилось!

— А то, что он пять раз падал, когда изображал из себя колесо. А я не могу позволить, чтобы ты упала. Понимаешь?

Повздыхала, попытала, поняла, что обиделась и чтобы это поняла не только я, легла сверху на дракона, сложила крылья, а сущность не сменила. Пусть везет, только бережно, он ведь не хочет, чтобы я упала, верно?

— Верно, — поддакнул Аодх, и показал мне, что последнее слово не всегда за мной и что веревки из драконов не крепкие. Взял, сменил мою сущность на человеческую, а чтобы не елозила по спине и не сопела ему в ухо, переместил меня к своему животу и обхватил одной лапой.

— Мне так ничего не видно, — пожаловалась, насмотревшись вдоволь на его чешую.

На спину меня не вернули; обвили магическим коконом, развернули в объятиях, и пожалуйста, вся красота на ладони и махать крыльями не надо. А то, признаться, с непривычки я немного устала. Лежи себе, грейся да любуйся.

Пещера Аодха была примерно в трех часах лета, и меня это более чем устраивало: чем дальше от новоявленных родственников, тем лучше. А вокруг и не описать красота какая: горный каскад, пронизанный речушками и зеленью. Но я сразу поняла, что мы на месте, когда увидела одну скалу, залитую красновато-огненным светом. Даже не так... я сразу поняла, что мы дома...

От Аодха пришла волна радости, и я послала ответную, вложив в нее удовлетворение и покой. Душой я уже приняла новый дом, заочно, и он не подвел моих ожиданий. Он оказался великолепным, восхитительным, бесподобным, неповторимым... как и его хозяин. Но

последнее — чшш, между нами... Одни колдовские ковры чего стоят! Идешь по ним, а они считывают настроение и то травкой мягкой обернутся, то лесной тропинкой, а то под обычный пещерный пол замаскируются, но все равно ни холода под ногами, ни сырости, ощущение мягких туфель.

А стены! Аодх учел, что детство у меня было не обычное драконье, и теперь по моему желанию пещерные стены притворялись окнами. Их можно было даже распахивать и дышать свежим воздухом, впитывать солнце, наслаждаться закатными красотами. С улицы же пещера оставалась неприступной и неприметной, никто не мог войти в нее без приглашения хозяев. Это Аодх учел замечания отца и усилил защиту, хотя и уверял, что у него гостей не бывает. А уже через день, когда на пещеру попытались сделать нашествие, он понял, что не зря старался с охранными заклинаниями. Мы сидели в комнате, я болтала с Сайв, которую ужасно была рада видеть, Аодх за столом перебирал древние книги, делая вид, что освежает память, а сам то и дело поглядывал в мою сторону с улыбкой собственника, мама с папой уже больше суток как спрятались в одной из дальних комнат, так и не появлялись, и вдруг... Признаться, я думала, что началось землетрясение и даже укоризненно покосилась в ту сторону, где забаррикадировались родители, как будто я могла видеть сквозь стены и как будто мама и папа могли раскаяться, даже тресни гора от их бурной встречи. А потом монотонный голос начал перечислять имена родственников и якобы приятелей Аодха, и сам устало запнулся, а мы с Ариаусасмиусконсестонем синхронно вздохнули (он так вздыхает, ага) и закатили глаза. Цвет на красный я сменить не могла, но мои чувства Аодх и так понял.

— Я все улажу, — пообещал он, бодро направившись к выходу. — Я сам разберусь.

Не знаю, что именно он сказал драконам, из комнаты не было слышно, а дух хоть и подслушал, но только хихикнул, а ничего не сказал; но вернулся Аодх часа через четыре, когда мы с Сайв порядком устали от болтовни. И был весь такой веселый и с блестящими глазами, что хоть я и не учуяла от него запаха алкоголя, а заподозрила, что это исключительно колдовские штучки, а развели моего дракона на мальчишник. Но суть в другом: разобрался ведь, в дом чужих не впустил!

— Хороший у тебя муж, — заметив, что дракон уснул, сказала Сайв.

— Хороший, — согласилась я, и машинально прикоснулась к ожерелью из черного жемчуга. Аодх просил надеть его и не снимать, по крайней мере, пока теща здесь. Он что-то шепнул над ним, так что я его практически не ощущала, а маме и Аодху было приятно.

— А завтра, может быть, и у меня появится шанс, — пробормотала Сайв, — найти свое счастье...

Я говорила ей, пыталась объяснить, что не все драконы душки, особенно по линии моего мужа, но осознав, что отговаривать бесполезно, смирилась и по-дружески намекнула к кому присмотреться. Кероп сразу в полете из-за переменчивых вкусов, но Блэм, Харди или Дастин вполне могли составить пару моей подруге.

Воодушевившись, Сайв отправилась спать в соседнюю комнату, я легла под бок к своему дракону, а утром нас ждало сразу два незабываемых события — похмелье Аодха и свадьба.

— Ничего, — сказала я, целуя раскаявшегося дракона, — у тебя есть шанс исправиться этой ночью.

Удивительно, я не помню, чтобы мы прерывали поцелуй, не помню, чтобы мы вообще вставали с кровати, но когда мама с папой зашли без стука, заявив, что время свободной жизни истекло, мы с Аодхом находились на приличном расстоянии друг от друга, в одежде,

и при этом он что-то мне рассказывал о местных пейзажах... И только когда дверь за моими родителями закрылась, я поняла, в чем дело. Нас дублировали иллюзии, а мы на самом деле по-прежнему лежали в постели и по-прежнему обнимались. Странно, но ощущения раздвоения не было, а только накатила волна смущения. Надеюсь, папа ничего не заметил...

— Надейся, — усмехнулся Аодх, и потянул меня подниматься, одеваться, и так далее, не давая времени покопаться в себе и случившемся.

Ладно, некогда попыхтеть — значит, некогда, другим займусь, например, выйду замуж.

И хорошо, что за колдуна: и пальцем пошевелить не пришлось. Посмотрел на меня дракон, улыбнулся — и вуаля: и причесана, и одета, и губы не зацелованы. Из пещеры мы вышли через минуту: Аодх в моем любимом авантюриновом, я — в его обожаемом солнечном, вокруг ахи, вздохи, улыбки, но ахи-вздохи со стороны жениха, а улыбки исключительно с моей. Пыталась леди что-то там изобразить приветливое губами, не вышло, правда, потом я заметила друзей и братьев Аодха, и хотя они оставались серьезны, глаза смеялись.

Мы с драконом прошли на возвышение, по традициям узами брака нас мог соединить один из старейшин клана или один из родителей, и папа уже, конечно, облюбовал себе место, но совершенно неожиданно его потеснил лэрд.

— Имею право, — сказал он тихо, но грозно, как будто кто-то собирался затеять скандал и скинуть его с возвышения. — Мой сын сегодня женится!

Я фыркнула, Аодх промолчал, папа расхохотался, мама улыбнулась, а Сайв обеспокоенно схватила меня за руку.

— Доди, кто это?

— Понравился? — спросила я так же шепотом. — Мой свекор, но он уже занят.

— Да нет, я... не о нем.

Я отвлеклась от лэрда с папой и внимательно посмотрела на Сайв. Похоже, из-за затянувшейся церемонии я пропускаю самое интересное, а здесь вот новая любовь зарождается!

— Показывай, — шепнула ей.

Дракон, на которого указала Сайв, стоял поодаль от остальных, сложив на груди руки и прислонившись к скале. А у его ног сидела беловолосая драконица, но она смотрела не на церемонию, не на драконов, а вниз и как будто раздумывала прыгнуть или нет. Дракон, на которого указала Сайв, не сводил с моей подруги взгляда, более того, я видела, что он напряжен, едва сдерживает трансформацию и как будто хочет сорваться с места, украсть, взять, присвоить, но... Дракон, который приглянулся Сайв — это Хэлл, а у его ног сидела сестра Аодха, и позавчера они обручились...

— Забудь о нем, — посоветовала подруге и заставила ее отвернуться. — Он... несвободен.

Я не могла подобрать более точного слова, и к сожалению, не знала, как помочь подруге. Ничего, убеждала себя, присмотрится к остальным, драконов много...

— И что бы там кто ни думал, — не обращая внимания на смех демона, сказал лэрд, — мои внуки будут из клана Белых драконов!

— Да что я, зверь какой, а не демон, чтобы ссориться по мелочам? Пусть будет так, — легко согласился папа. И только я собиралась напомнить, что вообще-то есть еще мое мнение, как он добавил: — Пусть твои внуки, Урбан, будут из клана Белых драконов, кто против? Тем более что у Доди будут две девочки, и обе в дедушку, так что принадлежность к

клану даже не обсуждается.

Драконы зашумели крыльями, Аодх оставался спокоен, из чего я сделала вывод, что он знал.

— Нет, — покачал головой дракон, — но теперь надо быть настороже, а то твой папа начнет собирать за мой счет вторую коллекцию. Я сам в состоянии их обеспечить.

Папа препирался с лэрдом, поэтому ничего не услышал, драконы перестали гудеть и шуршать, а подкрались поближе, чтобы удовлетворить свое любопытство, я начала осматриваться и подумывать: а толку я здесь стою, если по всем законам мы уже дважды женаты? И папа услышал меня, оборвал себя на полуслове, осмотрелся, махнул плетью в лэрда, заявив, что если тот хочет поболтать, трибуна свободна после церемонии, а пока...

В общем, о нашей свадьбе вспомнили до того, как я уговорила Аодха сбежать, а чуть позже я ничуть не пожалела, что мы не успели этого сделать. Когда отец спросил Аодха, согласен ли тот взять меня в жены (это после всего-то), дракон ответил коротко и по существу «да». А вот когда лэрд спросил меня согласна ли я выйти замуж, и у меня уже был готов сорваться ответ, Аодх сделал шаг назад. Еще один. А потом под удивленный ропот обернулся беловолосым. Через секунды стал рыжим, меняя не только цвет волос, но и облик. Чуть выждав и наблюдая за мной, предстал шатеном, еще чуть позже таким ловеласом с прикольной укладкой, сменил еще с десятков обликов, а затем развел руки в стороны, и под мгновенно откликнувшиеся раскаты грома и сверкнувшие вдали молнии, принял сначала полутрансформацию, а после предстал в облике демона, высокого, грозного, тело которого не пылало в огне, а из огня состояло.

И я, вздернув голову и счастливо улыбаясь, что наконец-то увидела его в этом потрясающем образе, твердо ответила лэрду:

— Да. — А потом добавила, уже для сверлящего меня тьмой демона. — Я согласна.

Аодх поднял голову к небу, приветствуя сорвавшийся ветер, повернулся к братьям, окинув их хмурым взглядом и голосом, от которого у меня подогнулись колени, сказал:

— Один. Кто?

— Харди, — разулыбался Блэм.

— Восход, — сказал старшему брату демон, посмотрел на меня, склонился и нежно, хотя драконы не боятся огня, поцеловал меня. — Танец жизни... тебе...

После чего мгновенно взлетел в небо и рассыпался огненными всполохами, искрами, огоньками. И снова соединился, в клубящееся облако. И снова рассыпался. А потом все его облики, которые Аодх показал мне на церемонии, но в отдельности, заплясали причудливый танец с мечами, чтобы объединиться в огромный костер, который обернулся драконом, и медленно, важно, величаво спустился ко мне.

— Ну как? — потянулся за поцелуем и заслуженной похвалой Аодх.

— Восхитительно, — честно призналась я.

— Смотри, — дракон развернул меня в объятьях, и я успела увидеть, как с этой стороны в небе растворялся образ темноволосой девушки с короткой стрижкой. Она держала в руках книгу и смеялась. А Харди, как замороженный не мог оторвать от нее взгляда.

— Кто это? — шепнула я, словно мой голос мой потревожить Харди и незнакомку.

— Его саинтэ, — ответил Аодх со вздохом. — Иномирянка... Да уж, как будто мало нам проблемы, что Сайв — саинтэ Хэлла.

— Значит, мне не показалось...

— Увы.

— Столько ждать, чтобы встретить свою половинку, когда обещан другой...

— И когда взял ответственность за другую, — добавил Аодх. — Но ничего, что-нибудь придумаем, правда?

— Правда, — ответила я, ничуть не сомневаясь, что вместе мы справимся абсолютно с любой проблемой.

Я совершенно не представляла как, но знала, что справимся, потому что любовь творит чудеса и потому что любовь, пусть далекая, пусть кажущаяся недоступной, сама по себе чудо.

— Аодх, — послышался голос приближающегося к нам лэрда, — мы так и не обсудили, кого послать к герцогине в Анидат. Может, раз уж все здесь, соберем совет?

Мы переглянулись с Аодхом, распахнули свои крылья и поднялись в небо, спрятавшись от любопытных взглядов и всего, что может подождать, за пушистыми белыми облаками...

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net